

ГЛАВА 1. Индра

Привычная чернота перед глазами сегодня пахла душно, влажно, жарко, пряно — возбуждением, тропическим лесом и шелестящим где-то совсем рядом дождём. Под коленями и руками — прохладная гладь простыни на жёстком матрасе. Сегодня *Он* не дал мне ни единого шанса коснуться, хотя бы попытаться это сделать. Ощутить, какова его кожа, руки, волосы...

Он никогда этого не позволял. Непреложный закон, с которым я никак не желала смириться.

Крупная, сильная ладонь удерживала за плечо у основания шеи. Крепко, не вырваться, но — мягко, аккуратно, не причиняя боли. Он вообще был очень нежен и осторожен, когда я не пыталась нарушать правила.

Правило, одно: не пытаться коснуться в ответ, не пытаться понять хоть что-то, запомнить, узнать. Впрочем, и наказание следовало всегда одно, связанные руки. Не больно, не страшно, но... как же злит!

Сейчас же меня такой возможности лишили с самого начала, выбором позы. А вскоре вопросы совершенно перестали беспокоить, мысли сделались вязкими, медленными. Пальцы цеплялись за простыни, и вместо слов и вопросов в пустоту, которые я давно уже перестала задавать, с губ срывались стоны. Потому что, продолжая удерживать одной рукой, второй *Он* меня ласкал.

Умело, уверенно, зная моё тело лучше меня самой, как знает свою скрипку музыкант-виртуоз. Зная, когда нужно быть пронзительно-нежным и измучить долгим ожиданием финала, а когда — вовсе обойтись без прелюдии. И нервы дрожали под его пальцами натянутыми струнами, а каждое касание открывало новую грань наслаждения.

Иногда я ненавидела Его за эту чуткость и безупречность, за то, что никогда не причинял боли и дарил только удовольствие. Хотелось ненавидеть хоть за что-то, лишь бы не начать испытывать другие чувства. Потому что не хотелось ещё больше сойти с ума.

Когда я окончательно потерялась в ощущениях и могла только умолять о большем, его ладонь мягко поднялась по моему бедру, на мгновение сжала ягодицу, легла на копчик, скользнула к талии. Растопырив пальцы, он, кажется, накрыл мою поясницу целиком. Надавил, заставляя прогнуться, и...

— Доброе утро, госпожа Иванова! — приятный женский голос прозвучал под потолком, потому что я не стала подключаться к корабельной сети. — Завтрак будет подан через пять минут. Через сорок минут лайнер войдёт в атмосферу Индры, сходящим пассажирам необходимо собраться для посадки в челнок на седьмой палубе, выход номер шесть.

Короткий монолог корабельного искина заставил медленно и неохотно вернуться в действительность. В которой нашлись только пустая крошечная типовая каюта и тягучее, вязкое, ноющее чувство неудовлетворённости.

Крепко зажмурившись, я грязно выругалась в голос, пару раз стукнула кулаками по койке, потом ещё разок для верности затылком и заставила себя подняться на ватные и подрагивающие ноги. Тело категорически отказывалось верить, что всё приятное было просто сном и закономерного продолжения не последует.

Ну вот почему именно сегодня и именно сейчас мне не могло присниться что-нибудь другое?! Мало того, что единственный мужик в жизни — виртуальный, так и с ним всё наперекосяк!

На трёх квадратных метрах каюты умещалась койка, над ней — полка для вещей. Почти всё оставшееся пространство занимала санитарная кабина, а перед ней имелся малюсенький пятачок свободного пространства, на котором можно было только развернуться. Тесно, но для перелёта — более чем достаточно, размять ноги можно и на какой-то из палуб лайнера.

В кабину я сразу и втиснулась, чтобы успокоить разгорячённое фантазиями тело и смыть вполне реальный пот. Когда вывалилась из неё, столик был уже разложен, на нём дожидались высокий стакан с витаминным коктейлем и большая, поделённая на секторы тарелка с завтраком. Кормили тут вкусно и плотно, благодаря чему перелёт становился ещё менее обременительным.

Пока завтракала, пробудила прикосновением к виску шимку и всё-таки подключилась к сети. Просмотрела последние новости, запаслась прогнозом погоды по Индре на ближайшие пару дней. Дальше бессмысленно: на Земле-то прогнозы недостоверные, а уж эту планету никакими средствами не предсказать.

***Шимка** — сокращение от «широкодиапазонного многофункционального устройства». Биоэлектронное устройство, которое наносится на кожу лица с одной стороны, в области

*виска, глаза, уголка губ и уха. Устройство изобретено около восемнадцати лет назад и быстро распространилось. В настоящее время заменяет в Солнечной империи нейрочипы, вирусы и ряд других устройств. Служит удостоверением личности, средством банковских расчётов, терминалом для выхода в информационную сеть, переводчиком, развлечением и даже медицинским прибором, в зависимости от конкретной модели и прошивки. В выключенном состоянии прозрачна и почти незаметна, во включённом — испускает слабый свет.**

Сбросила ниочёмно-бодрое сообщение для мамы — отчитаться, что жива-здорова. Грамотную переадресацию мне наладил один хороший человек ещё на Земле, так что сообщения к родным будут приходить совсем с другого корабля, а потом и с другой планеты: пусть продолжают думать, что я просто улетела отдыхать. Это как раз тот случай, когда спокойный сон родных стоит маленькой лжи.

Я их искренне люблю, они меня тоже, но от одного только слова «Индра» у отца начинает дёргаться глаз, а мама заметно бледнеет. С этой планетой у нашей семьи связаны не самые приятные воспоминания: пять лет назад я здесь чудом не погибла. Моего стремления вернуться не оценил бы никто. Нет, запереть бы, конечно, не стали, не звери же они, но... В общем, так всем спокойней.

Пять лет назад на Индре при загадочных обстоятельствах погибла археологическая экспедиция, исследовавшая древний и удивительно хорошо сохранившийся храмовый комплекс. Не вся, но существенная её часть. Выжили только те, кто находился во время происшествия в лагере. И я. Вчерашняя студентка, которую обнаружили в совсем другом конце храма без сознания, залитую чужой кровью.

Куда делась пара охранников, они ли убили остальных, почему я выжила — узнать так и не удалось. Официальная версия возлагала вину на пропавших. Мол, наёмники оказались нечисты на руку и решили присвоить какие-то ценные находки экспедиции. Для очистки совести их даже объявили в розыск, но никто не ждал, что пропажу найдут среди живых. Скорее всего, их давно сожрала какая-то местная живность. Но сами следователи в эту версию не верили. Уже хотя бы потому, что, кроме каменных глыб, экспедиция в храме ничего не нашла.

Из меня свидетеля не получилось, в памяти тот день представлял собой большое белое пятно, и никакие средства не помогли восстановлению даже отдельных событий. Специалисты уверяли, что это не психологический блок или что-то вроде, воспоминания стёрты совсем, как будто их не было. Потом, уже гораздо менее уверенно, с кучей сложных терминов, предполагали, что мозг мог так отреагировать на потрясение, и хотя обычно случается иначе...

В общем, особой пользы я не принесла.

Не помогла установить истину и аппаратура, вся техника в храме и за его пределами вырубилась, причём частью — окончательно и бесповоротно. Но последнее как раз никого не удивило, это ведь Индра. Странно то, что вместе с внешней аппаратурой погорели и не подлежали восстановлению даже личные шимки погибших, включая мою, а их очень сложно уничтожить. ИСБ, которая вела расследование, объяснения этому найти не сумела.

***ИСБ** — Имперская Служба Безопасности.*

Тот случай вообще заметно подкосил лично мою веру во всемогущество этой организации, потому что дело, кажется, так и осталось нераскрытым. Подробностей мне, конечно, не сообщали, даже как именно были убиты коллеги, но по поведению безопасников сложилось впечатление, что те и сами ничего не понимали. Радовало, что они хотя бы не пытались обвинять в случившемся меня.

Почти месяц меня наблюдали врачи. Этого времени хватило на восстановление, и даже с запасом. Физически я была совершенно цела, а психологически... Отсутствие воспоминаний с этой точки зрения стало благом: лишив следователей информации, психика защитилась очень эффективно, избежав травм. Сложно было только принять смерть близких друзей, с которыми я вместе училась и попала в эту экспедицию, и любимых учителей.

ИСБ мурыжила меня пару месяцев, потом ещё пару — иногда беспокоила, потом почти год периодически контролировала, а потом плюнула и оставила в покое. За тот год утихли и вполне естественные шепотки окружающих, винившие в трагедии меня. Я на них не обижалась, даже сама порой задумывалась, так ли уж они неправы?

Пожалуй, именно эта мысль угнетала сильнее всего. Конечно, следователи такой версии не выдвигали и, наверное, у них были для этого основания. Это успокаивало и позволяло не терзаться чувством вины всерьёз, но... но.

Следующую пару лет я работала, потихоньку забывая трагедию. Этому способствовало и то, что исследования на Индре полностью свернули по требованию местных. Аборигены и так очень нехотя разрешили нам ту экспедицию и вообще посещение храма, который у них считался «нехорошим местом», а после всего случившегося окончательно уверились, что нет смысла ворошить прошлое.

Руководство института долго билось, приводило аргументы, но как об стену. Сторону аборигенов приняла в конечном итоге и ИСБ. Пришлось сосредоточиться на более доступных вещах.

И хотя лично мне это шло на пользу, но за дело было очень обидно. При своей впечатляющей древности, а по предварительным оценкам ему было не меньше шести тысяч лет, храм сохранился идеально, словно хозяева оставили его только вчера. На разных планетах попадались постройки такого возраста, встречались и более древние, но настолько идеальное состояние попало впервые. И никто не мог объяснить, как это получилось в условиях тёплого, влажного климата и наступающих со всех сторон джунглей.

Догадки, конечно, строили, большей частью фантастические, но о проверке теорий оставалось лишь мечтать.

И всё бы так прошло и забылось, но два года назад я начала видеть сны. Первое время забывала, не обращала внимания и вообще игнорировала: в них не было проблесков стёртых воспоминаний, не было ничего тревожного или страшного, просто... Сны. О том, как живёт храм на Индре, словно туда вернулись его хозяева — или вовсе никуда не уходили.

В снах этих постоянно звучала какая-то странная, заунывная, однообразная музыка — тихо, на фоне. Аборигены — точно такие, какими я их помнила, — ходили среди знакомых стен, разговаривали, совершали некие непонятные действия, наверное, сакрального смысла. Происходящего и сказанного я не понимала: я никогда толком не знала языка харров, как себя называли эти гуманоиды, как все люди пользовалась шимкой, а она во сне не помогала.

На осознание проблемы ушло где-то полгода: сны посещали меня не так часто, чтобы сразу начать бить тревогу. Когда поняла, что во всём этом есть какая-то система и совсем не нормально регулярно видеть во сне существ с другой планеты, которых я уже несколько лет не встречала, долго решала, как со всем этим быть. Тем более в это время я находилась уже в другой экспедиции.

А чуть меньше года назад, когда я вернулась на Землю, к тем снам добавились новые с другими сюжетами. Сродни тому, который мне не дал досмотреть искин. Нечасто, самое большее пару раз в месяц. И вроде бы в них тоже не было ничего страшного, всё как в том анекдоте: меня эротические сны не мучают, я ими наслаждаюсь. Но...

Полгода назад я из-за них рассталась с мужчиной, с которым встречалась три года.

Не из-за них. Из-за *Него*. Потому что чувствовала себя исключительно мерзко, словно изменяла Илье с другим, совершенно реальным, мужчиной.

Великой любви у нас никогда не было, но глубокая симпатия, интерес, дружба и взаимоуважение казались хорошей основой отношений, и было стыдно всё это предавать. Хуже того, я начала ловить себя на нежелании прикосновений реального мужчины. Не то чтобы противно или особо неприятно, просто... это был не Он.

Какое-то время я держалась, потому что понимала: неправильно и даже безумно всерьёз сравнивать странный выверт собственного подсознания с действительностью, в фантазии всё конечно будет идеально. Почти дно, только легальное: за сны у нас пока не сажают.

^Дно — переименование аббревиатуры DNE. В середине XXI века была разработана технология глубокого возбуждения нейронов — DNE, Deep Neuron Excitation. Построенная с её помощью виртуальная реальность способна подменить действительность во всём спектре ощущений. Сеть D-net за десять лет быстро распространилась по миру и поставила человечество на порог катастрофы, а владеющая ей корпорация приобрела огромное влияние. В последующие несколько десятков лет сначала в отдельных странах, потом по всей Земле технология DNE была приравнена к тяжёлым наркотикам и запрещена, а степень достоверности виртуальной реальности строго ограничена. На развалинах прежних государств сформировалась глобальная республика, которая после новой катастрофы, связанной с увлечением коррекцией генома, трансформировалась в первой половине XXII века в Солнечную Империю. ^

Я даже ходила к двум разным психотерапевтам, только всё это не помогло: сознание продолжало отчаянно цепляться за безликий образ выдуманного любовника и категорически не желало от него избавляться. Напротив, сны стали посещать чаще — и эти, и возвращающие в прошлое храма с Индры.

Когда я всё-таки не выдержала и поставила точку в наших с Ильёй отношениях, тот даже не удивился. Что поделать, я всегда была отвратительной актрисой, так что изменение поведения он не мог не заметить, просто — молчал и ждал. Спросил только, действительно ли я люблю другого. И что было отвечать? Что я потихоньку схожу с ума и изменяю ему во сне? Пришлось извиниться и заверить, что дело во мне, что я не готова и всё такое. Кажется, он не поверил, даже несмотря на то, что после расставания с ним я уже не пыталась завести новые отношения: какой смысл, если

закончатся они тем же?

Тот психотерапевт, который пытался разобраться со снами через проблемы в наших с Ильёй отношениях, утверждал, что сны — это результат каких-то проблем в реальности, и всё приговаривал, что нужно вернуться назад, в начало. Вылечиться он не помог, но...

Полгода назад, анализируя в одиночестве пустой квартиры собственную жизнь с первых детских воспоминаний, я отчётливо поняла: пресловутым «началом» в моей в основном нормальной и спокойной жизни могла считаться только трагедия на Индре.

Когда определилась с направлением поисков, стало немного легче.

Конечно, я не надеялась провести собственное расследование и обставить опытных следователей со всеми ресурсами ИСБ, думать о таком попросту глупо. Но вместо случайных мозгоправов я решила обратиться к тем специалистам, которые работали с моей памятью.

С трудом, но я всё же нашла контакты одного из них. Несколько раз мы встретились, поговорили, он провёл пару обследований — и развёл руками. Не нашлось никаких подтверждений, что корни нынешних проблем уходили в то белое пятно, скрывшее трагедию. Только врачебное чутьё, на основе которого, конечно, не поставишь диагноз и не назначишь лечения, подтверждало моё предположение: вся проблема в том, что случилось на Индре.

Ещё месяц мы пытались избавить меня от снов вовсе. Это оказалось несложно, хотя и пришлось спать у него в НИИ под контролем приборов. Вот только качество такого отдыха по непонятным причинам резко снизилось. Я уставала, чувствовала подавленность и вообще выдавала психологическую картину углубляющейся депрессии при совершенно нормальных физиологических показателях.

Такой странный эффект очень заинтересовал специалиста, который был в куда большей степени учёным, чем врачом. Но служить предметом его научной работы я тогда категорически отказалась, поблагодарила и ушла.

Именно тогда в голове родилась глупая, но очень навязчивая мысль: нужно вернуться на Индру, в храм, и вот там я смогу что-то понять.

Некоторое время я с ней боролась, пытаюсь слушаться здравого смысла и голоса разума. Но уверенность всё равно крепла, и, в итоге плюнув на всё, я взяла отпуск, который намеревалась провести, глупо рискуя жизнью на планете, где уже один раз чудом не погибла.

Именно об этом — дурости собственного поведения — я думала, сидя в челноке и таращась в закольцованный красочный ролик, демонстрирующий виды Индры. Думала, но равнодушно, как думаешь о дожде за окном, сидя дома и не планируя выходить.

Я приняла решение, я сюда приехала, а всё остальное — уже как получится. Если я до сих пор не рехнулась, то, если это не кончится, двинусь в ближайшем будущем. Вирт-зависимость налицо, современная медицина, при всём своём могуществе, почему-то не помогает, так может, лучше сгинуть в лесах Индры, чем превратиться в безмозглый овощ дома? Родителям уж точно будет легче: один раз пережить потерю гораздо проще, чем годами наблюдать за живым трупом.

ТЬфу! Какая ж дурь лезет в голову! Это всё от неудовлетворённости, нейтронно!

^Нейтронно — однозначно, определённо, с гарантией, «стопудово». Слово вошло в обиход и стало популярно около ста сорока лет назад, когда космическая миссия достигла первой в истории человеческой космической экспансии нейтронной звезды. ^

— Ты первый раз? — выбил меня из бесконечного цикла унылых мыслей женский голос.

— Что? — я с трудом сосредоточилась на соседке справа.

— Первый раз на Индру? — терпеливо повторила она.

— А, нет, не первый, уже бывала, — ответила через «не хочу». Болтовня с попутчицей гораздо лучше вялого попинывания собственной воли к жизни и не вызывает таких мрачных мыслей, так что нечего киснуть.

— И как они?

— Кто, местные? Да нормально, забавные даже. Длинные только очень, здоровенные, сложно привыкнуть, — пожалала я плечами.

— Значит, не врут! — глаза женщины возбуждённо сверкнули, и я наконец поняла, что мне кажется в её внешности неправильным: изменённый разрез глаз. Явно пластика, причём сложная, от

природы такого не бывает. Глаза больше нормальных, вытянутые, чуть изогнутые, с заострёнными уголками, ярко-зелёные и с вертикальными зрачками. Правда, последнее было, кажется, заслугой линз.

Ох ты ж... Мумифицировать меня заживо, как говорил мой научный руководитель, вот только конченной ксенофилки мне не хватало!

— У тебя ничего не выйдет, харры не оказывают сексуальных услуг, — попыталась я воззвать к её мозгу. Если он, конечно, избежал последствий любви хозяйки к пластике. — Для них это в первую очередь выражение эмоций, если не любви — то симпатии.

— Так ты же только что сказала, что у них большие...

— Харры большие, а не то, о чём ты подумала! — оборвала я резко, борясь с желанием выразительно прикрыть ладонью глаза. Или лучше рот соседке. — Высокие, потому что ноги у них длинные.

— Ну ничего, эмоций у меня более чем достаточно, — восторженно прижмурилась она. — Я всю жизнь мечтала на неков посмотреть!

Я открыла рот, чтобы предупредить... но, подумав, закрыла.

Перед полётом на планеты к представителям чужих цивилизаций всегда проводят инструктаж, что можно, а что категорически запрещено. И если эта дура слушала его каким-то не предназначенным для этого местом, то это только её проблемы. Свернёт ей кто-нибудь шею за грубое оскорбление — туда и дорога.

И — нет, вообще не жаль. Из-за таких, как она, некоторые ксеносы людей к себе на планеты не пускают совсем, только по особому разрешению, которое будешь выбивать до тепловой смерти Вселенной.

Экзотики ей захотелось, тьфу!

— А ты тоже отдохнуть? — спросила она.

— Нет, по работе, — отмахнулась поспешно, уже жалея, что заговорила с ней. Лучше бы дальше самоедством занималась!

— Ужас, как так можно! Ну хоть пара вечеров свободных будет?

— Нет, я на ближайшем лайнере обратно, — упёрлась решительно, а собеседница, чьё имя я так и не узнала, окончательно скисла.

— Как жаль! Она ведь такая необычная!

— Кто? — растерялась я от резкого перехода.

— Ну Индра. Очень необычная, такая дикая...

— Он, — всё-таки не выдержала этого издевательства.

— Кто? — пришла очередь собеседницы недоумевать.

— Индра. Это мужчина, почти как Юпитер.

— Ой, тогда это точно судьба! — обрадовалась она.

Потом соседка затрещала о красоте аборигенов и своих планах, кажется не особенно нуждаясь в собеседнике, но тут мы наконец прибыли, и по объективным причинам стало совсем не до пустой болтовни.

Планета встретила нас яркими огнями космопорта, неподвижной духотой ночи и запахом озона. И нюх, и прогноз обещали грозу в ближайший час — всё как обычно. Не просто же так его назвали Индрой.

У трапа нас посадили в поверхностный транспорт — простейший, колёсный, с двигателем внутреннего сгорания. Здесь стараются не рисковать и не использовать много электроники, чревато: слишком много аварий.

Короткая поездка по полю маленького космодрома, потом — всякие формальности и получение багажа. Заняло это минут десять, потому что челнок доставил на планету от силы три десятка человек: не так уж много желающих посетить эту странную полудикую планету на задворках

обитаемой части Галактики. Торговля идёт, но вялая, для туризма планета подходит плохо. Разве что для экстремального, но таким гостям аборигены не рады, да и наше правительство не поощряет подобные развлечения: ему же потом вылавливать потеряшек по лесам. Или, чаще, уговаривать аборигенов выловить, потому что в местные заросли нормальный человек предпочтёт не соваться. Я вот, конечно, планирую, но... Так то ж нормальный!

Перед выходом из здания космопорта я на всякий случай достала куртку и привязала на пояс, после чего надела рюкзак — единственный багаж. К сборам я подошла очень ответственно, постаралась собрать только самое необходимое и упаковать поаккуратнее.

Соседка по челноку ругалась, пытаясь реанимировать лежащий на боку чемодан, навороченную новенькую игрушку ярко-алого цвета. Похоже, на искусственный интеллект создатели не поскупились, а вот на защите от внешних воздействий — сэкономили. Меня туристка, увлечённая угрозами в адрес транспортной компании, не заметила, чем я с удовольствием и воспользовалась, выскользнула наружу. При этом мысленно пожелала терпения сотрудникам компании: кто-то не умеет читать и проигнорировал предупреждения об особенностях Индры, а им теперь с претензиями разбираться.

Снаружи я с неожиданным удовольствием втянула сложную смесь запахов чужого мира и почувствовала себя до странности уверенно и бодро.

Да, Индра — мужик с характером, и предстоит мне довольно сложная прогулка, но это всё равно не повод для криофуги. Я жива, пока почти здорова, и, может быть, эта поездка действительно поставит что-то в моей голове на место. Чем не повод для оптимизма?

^Криофуга — бегство от мира и проблем в анабиозную камеру. На закате эпохи DNE некоторые зависимые от страха перед реальностью предпочитали такую меру. Вскоре содержание подобных хранилищ признали нецелесообразным, и в течение последующих тридцати лет все, кроме неизлечимо больных, были разбужены и социально адаптированы. ^

И плюк побери, я же в отпуске! Впереди целый месяц отдыха на природе, приключения, местные красоты, а я сижу тухну. И даже если крепнущая с каждым шагом надежда на лучшее не оправдывается и ничего в моих снах эта прогулка не изменит — надо хоть процессом насладиться.

^Плюк — виртуальная нечисть из сетевого фольклора, которая питается мозгами пользователей, слишком много времени проводящих в сети. Популярное ругательство и детская страшилка. ^

Впрочем, до места отдыха предстояло сначала добраться, а это тоже то ещё приключение. Хотя мне ещё повезло: так совпало, что космопорт находился сравнительно недалеко от храма. Если бы руины располагались на другой стороне шарика, боюсь, я бы в принципе не сумела добраться самостоятельно, с транспортом тут трудно.

Космопорт на Индре один, возле самого большого из местных городов. Вернее, это город вырос вокруг космопорта, и живут в нём по большей части пришлые, аборигенов совсем немного, и они в основном приезжают временно, по делам. Называется он без фантазии Индра-1 и, если совсем уж прямо, является единственным городом на планете в том смысле, который мы вкладываем в это слово.

Харры не любят скученности, их поселения — это рассеянные по большой площади отдельно стоящие домики, разделённые лесом или, реже, возделанной землёй, которые не имеют названий. На этих же просторах раскиданы производства, а транспорт — почти исключительно верховой. Есть тут такая забавная зверушка, которая носится с пугающей скоростью, наши биологи хватаются попеременно то за сердце, то за голову, удивляясь, как подобное вообще могло вывестись.

При этом аборигены не такие уж отсталые, они пользуются достаточно совершенными двигателями внутреннего сгорания, просто — редко, только если нужно перевезти большой груз. Пользуются и взрывчаткой на основе нитроглицерина, и порох тоже прекрасно знают, но — дерутся только врукопашную или, если насмерть, холодным оружием. У них считается неприличным защищать себя бронёй и убивать кого-то издали, конечно, если речь не идёт об охоте.

Они вообще довольно странные.

Для начала путь мой лежал на транспортную станцию неподалёку от космопорта. Кое-какая торговля с аборигенами идёт, поэтому они содержат поблизости небольшой парк своих вездеходов: постройке хороших дорог харры предпочитают использование машин высокой проходимости.

Чем дальше от космопорта, тем темнее становилось. Это людям нужно искусственное освещение, а аборигены неплохо видят в темноте. Пришлось активировать одну из нестандартных программ шимки, и перед глазами появилась тонкая тусклая плёнка фильтра. Не очень приятная штука: картинка с ней немного запаздывает и смазывается, при резких движениях начинает укачивать, но так проще, чем цеплять отдельный прибор. Нет, у меня есть очки ночного видения, я вообще

запасливая, но пока можно обойтись без них.

В плетёном кресле под навесом на краю стоянки дремал мужчина, наверное местный смотритель. Плотный, крупный, одетый в обычной местной манере. Немолодой, судя по седой гриве — в пересчёте на наши ему наверняка уже за сотню.

— В ту сторону грузов нет? — обратилась я к харру.

Здороваться словами у местных не принято. Вместо этого они обмениваются электромагнитными импульсами, которые — при некоторых доработках — способна имитировать шимка. Я подготовилась тщательно, поэтому сумела обратиться к аборигену правильно. Харр открыл выразительные синие глаза очень яркого, чистого цвета и уставился на меня с интересом. Послал приветственный сигнал вместе с выражением одобрения и любопытства, склонил голову набок.

А зрачки у них, кстати, совершенно как у нас, круглые. Никакой экзотики. Вообще глаза похожи, разве что в среднем чуть больше и разрез немного иной.

— Далеко? — басовито мурлыкнул в ответ мужчина.

— Махов десять, — прикинула я, переведя выданные инфосетью восемьдесят километров в местную меру.

— Будет, после дождя, — обрадовал он и кивнул в сторону. — Садись, подождём.

Там громоздились какие-то ящики, на один из них я невозмутимо пристроилась. У местных не принято уступать место, это считается оскорбительным — сомневаться в силе и выносливости собеседника.

— Зачем тебе туда? — полюбопытствовал харр, с большим вниманием рассматривая мои руки. Татуировок в их культуре нет, равно как и запрета откровенно пялиться на нечто интересное, поэтому к подобной реакции я быстро привыкла ещё в прошлый визит.

— Отдыхать, — ответила, тоже разглядывая мужчину. Думала, отвыкла за пять лет от их экзотичной наружности, но — нет, сны не позволили забыть.

Всё-таки они красивые и очень похожи на нас. Смуглая кожа, близкие пропорции тела, похожее строение мускулатуры. Различается строение ног ниже щиколоток — у харров там конечности покрыты мехом и «звериные», с длинной стопой и приподнятой пяткой, так что аборигены ходят словно на цыпочках. Из-за такой формы и длины ног они в среднем заметно выше людей при близости остальных параметров.

Ещё у харров сохранился хвост — длинный, голый, подвижный, с пушистой кисточкой на конце. Плечи, шею сзади и по бокам и голову, кроме лица, покрывает пышная грива, причём у обоих полов. Только у женщин она длиннее и менее разросшаяся, ближе к человеческим волосам. Ну и, конечно, подвижные крупные треугольные уши, меховые снаружи, придающие им сходство с персонажами классических комиксов, которых поминала моя попутчица.

Лица у аборигенов тоже почти человеческие, что позволяет нам считать харров довольно красивыми. Помимо отличия в форме глаз, нос немного шире и более приплюснутый, чуть иное устройство челюсти и зубы острее — если немного привыкнуть, перестаёшь замечать.

Но это всё внешние отличия, которые вряд ли способны так уж сильно заинтересовать учёных. Самое потрясающее, что есть в харрах, — это наличие пушистых кошачьих «усов», вибрисс. Называются они «раты» и выполняют совсем другую функцию: принимают и излучают электромагнитные импульсы, которые обрабатывает отдельно выделенный под это участок мозга. На Индре это обычное дело, так общаются многие животные и даже растения, которые зачастую настолько эффективно экранируются, что под пологом леса не работает никакая местная связь.

Да и не только в лесу, с радиосвязью здесь вообще большие проблемы: из-за обилия электричества в атмосфере и живых существах слишком много помех. И компенсировать это связью, построенной на искажении пространства космолитом, которую мы используем для передачи данных между планетами и планетными системами, не получается, там мешают ограничения на дальность с другой стороны.

Обувью харры не пользуются вовсе, да и одеждой не злоупотребляют. Носят короткие штаны по колону, обычно замшевые или кожаные, с широкими ремнями, к которым крепят оружие, прибавляя к этому разве что кожаные жилеты. Редко, по праздникам или в каких-то официальных случаях, надевают простые рубахи с воротом на шнуровке и яркой декоративной вышивкой по подолу — собственно, всё. А вот к украшениям относятся с куда большей нежностью и интересом, обычно таскают какие-то клыки на верёвочках или другие странные штуки — на удачу. Очень уважают браслеты, чаще всего плетёные из всё той же кожи или деревянные с резным узором.

— И где ты собираешься отдыхать там? Пришельцы обычно к морю тянутся, туда, — искренне удивился наблюдатель и махнул рукой, указывая направление в другую сторону.

— Не хочу море, хочу погулять по лесу, — получилось даже почти честно. — А там знакомый есть, Бетро, может, знаешь? У него остановиться можно.

— А-а, знаю! — искренне удивился мой собеседник. — Хороший дом, большой, у него многие останавливаются. А готовит как! — он мечтательно прижмурился.

— Вот-вот, — улыбнулась я. — А ты ещё спрашиваешь, почему туда.

— Ну как угадать, что ты из знающих урши, а не из этих? — он улыбнулся в ответ, пренебрежительно махнув рукой в сторону космопорта.

«Уршами» они называют людей, и это можно примерно перевести как «говорящие плохо». Что поделаться, человеческая гортань плохо приспособлена для некоторых звуков, нормальных в местном языке, и даже с шимкой их воспроизвести невозможно. К счастью, местные на такое обращение с их языком не обижаются, находят наш говор забавным.

Язык у них, кстати, тоже весьма своеобразный. Лингвисты в глубоком недоумении, они такого в других местах не встречали. Законы жизни языков одинаковы не только для всех земных, но и для большинства инопланетных, кроме совсем уж чуждой экзотики, а харрский их нарушает: он слишком однородный. Всё небольшое население Индры, рассеянное по огромной территории, говорит почти одинаково. Есть какие-то жаргонные или местечковые словечки, но это капля в море. Ещё один аргумент за искусственность харров, хотя и не менее спорный, чем прочие.

В этот момент общение прервалось оглушительным грохотом, с которым где-то неподалёку раскололось небо.

Мой собеседник прикрыл глаза и рассеянно пошевелил вибриссами.

— Сейчас, — уронил коротко, и, будто в ответ на его слова, на стоянку и навес волной накатился громкий шелест, с которым хлынул на землю сплошной поток ливня.

Водные плети рванул ветер, пытаясь достать нас в укрытии. Я с удовольствием обнаружила, что место выбрала очень удачно: ящики прекрасно защищали и от воды, и от порывов. Видимость сразу упала, и я на всякий случай отключила ночной режим. Пока сверкало далеко, но это ненадолго, а если полыхнёт рядом, с фильтром можно и ожог сетчатки заработать.

В навалившемся тут же сумраке харр угадывался неопределённой светлой фигурой, отчётливой всего в которой выделялась седая грива.

Гроза громыкала долго. Соседа я в это время не беспокоила: он прикрыл глаза, растопырил «усы» и подзаряжался. Да, такое они тоже умеют, электричество — это вполне подходящая им для жизни энергия наряду с обычной пищей. Исключительно на ней одной они, конечно, существовать не способны, но явление всё равно интересное.

Я всё-таки накинула куртку — дождь смыл духоту и жару, стало гораздо прохладнее. Закутавшись, молча пялилась в темноту, наполненную звуками грозы, и рассеянно думала о том, как занятно порой выворачивается жизнь.

Пять лет назад я была уверена, что больше не вернусь на Индру и харров не увижу. Вспоминать об этом месте, забравшем у меня нескольких дорогих людей, было слишком тяжело и больно. Но вот вернулась и сижу тут, вспоминаю всё, что знаю про аборигенов, и чувствую себя на удивление спокойно, как будто я что-то делаю очень правильно.

Что же всё-таки моё подсознание хотело сказать этими снами? Явно ведь не то, что я соскучилась по Индре! Хотя... что скрывать, харры мне всегда нравились. Одна из самых загадочных современных цивилизаций.

Аборигены живут долго, и, видимо, продолжительность жизни у них такая от природы, а не благодаря технологиям: они, в отличие от привыкших жить быстро людей, не любят спешку. Умирают редко, рождаются редко, и вообще их на всей планете довольно мало, чуть больше полумиллиарда. Приполярные области, пустыни — харры даже не пытаются их заселять, им и так неплохо.

Несмотря на многообразие разумных видов, в большинстве своём гуманоидных, населяющих нашу галактику, жители Индры всё равно способны удивить и здорово выделяются. Антропологи до сих пор теряются в догадках, как сложилась такая цивилизация. При явно хищных предках харры не особенно воинственны, довольно флегматичны, непритязательны в смысле условий жизни и отлично умеют контролировать своё любопытство. Агрессивны они в основном в личном

пространстве, то есть защищая себя и небольшую территорию, и личные отношения между харрами легко могут вылиться в кровавую свару, но массовых столкновений у них не случается вовсе. У них и государств-то разных нет, и даже как будто никогда не существовало.

Наши учёные до сих пор не могут определиться, считать ли вообще то, что есть у местных, государством или нет? Нечто среднее между социализмом и анархией без денежной системы. Хотя поняли они её, принесённую людьми, прекрасно, пользуются нашими деньгами, но — только для расчётов с пришельцами. При таких отношениях, казалось бы, они должны застрять в первобытном укладе и натуральном хозяйстве, но — нет: и полезные ископаемые добывают, и сталь льют, и электричеством пользуются.

Некоторые мои коллеги полагают харров экспериментом некоей древней цивилизации, построившей тот грандиозный храмовый комплекс, который совершенно случайно нашёлся в здешних лесах. Следы этой цивилизации, неизвестно куда сгинувшей, находили на многих обитаемых планетах, её влиянию приписываются и некоторые земные сооружения, вроде пирамид Египта и Теночтитлана. Не в том смысле, что именно они построили, а в том, что вдохновили людей. Аргументом за эту теорию её сторонники считают и культы всевозможных гор — вершин мира у множества древних народов Земли.

Лично я эту версию не разделяю. Некоторое архитектурное сходство, конечно, есть, но пирамида — слишком простая и естественная форма, чтобы всерьёз полагать, будто люди не могли придумать её самостоятельно.

Впрочем, и без земных мегалитов по галактике разбросано достаточно ясных свидетельств, что цивилизация такая существовала достаточно недавно, каких-то пять-шесть тысяч лет назад. К сожалению, никто из дружественных видов, с которыми Солнечная империя вступила в контакт за время собственного существования, не сохранил памяти об этих существах, поэтому следы исследуем не только мы, и не только мы растерянно разводим руками. И не только мы возлагали на храм Индры большие надежды, с которыми пришлось распрощаться.

До сих пор не нашлось никаких письменных свидетельств и, главное, рисунков, оставленных древними, и до сих пор основной считалась гипотеза, что изображения оказались гораздо больше подвержены влиянию времени. Но она не подтвердилась: здесь, где храм сохранился прекрасно, никаких рисунков тоже не было. Похоже, та цивилизация по непонятной причине пренебрегала подобным простым способом самовыражения, и потому мы до сих пор не догадывались, как выглядели её представители. Да, явно гуманоиды, да, близких нам пропорций, но — и только.

Сны заставили меня задуматься и об этом. Почему в них явными хозяевами храма выступали именно харры? Почти такие, как сейчас, разве что одетые иначе. Да, нелепо всерьёз считать эти видения какими-то реальными свидетельствами, но... лично я не могла не верить в них совсем: слишком сроднилась за годы.

Однако самой разумной мне казалась версия о том, что харры могли и не быть создателями этих построек, а использовать их после ухода истинных создателей. Да, сейчас аборигены побаиваются пирамид, но кто сказал, что так было всегда?

Эта идея косвенно подтверждалась и сложными отношениями аборигенов с религией.

Как таковой веры у них не существовало. Про загробную жизнь, сотворение мира и прочие подобные материи они вообще разговаривали неохотно, обычно отделиваясь чем-то вроде «ну возникло и возникло, какая разница». Пожалуй, единственное, что удалось выудить из харров, это странную уверенность, что прежде боги жили среди них. Были они сильны, умны, красивы и бесчувственны, что их в итоге и погубило. Как именно выглядели — память аборигенов не сохранила, как и, собственно, причины гибели древних.

Да и относились к ним харры не как к богам, а со сложной смесью уважения и пренебрежения. Они вообще очень эмоциональны и не одобряют тех, кто что-то делает без чувств. То есть, например, убить из ревности, из обиды, в порыве злости — это вполне по-харрски, такого преступника в половине случаев даже судить не будут, пожурят немного. А вот убийство ради материальной выгоды непременно покарают очень сурово, вплоть до смертной казни. Но такие поступки аборигены совершают очень редко, нет в них столько хладнокровия.

Дождь ещё не успел закончиться, когда мы с соседом получили из темноты сразу несколько приветственных импульсов, и окружающий мир пришёл в движение.

К нам подошла компания из шести харров и принялась обсуждать с хозяином стоянки погрузку и какие-то ещё детали. Я не вникала, сидела спокойно и ждала, пока обратятся непосредственно ко мне, если вообще обратятся. Местные довольно бесцеремонны и за вмешательство в разговор не обидятся, но какой смысл?

Тем более транспортный вопрос решился без моего участия. Харр, которого я про себя называла

смотрителем, попросил подвезти «эту урши» вон туда, к старому Бетро, насколько получится. Один из пришлых обрадованно сообщил, что они едут не просто в ту сторону, но везут часть груза как раз к Бетро, так что мне здорово повезло.

Этот же харр, который представился как Ипро, оказался водителем. Закончив разговор, он махнул мне рукой и зашагал к машине.

Погрузка много времени не заняла просто потому, что грузить ничего не пришлось: шестёрка харров уже притащила к стоянке полностью упакованный прицеп, и оставалось только выбрать тягач. Вот так и докатили, да, своими руками, они довольно сильные ребята. Правда, и груз был не слишком большим, но всё равно мощь хвостатых внушала уважение.

Тягач нам достался новый. Когда люди привезли на Индру свою технику, кое-какие принципы и детали харры охотно позаимствовали. Например, им понравилась идея, что в кабину можно сажать не только одного водителя, но и кого-нибудь ещё — всё веселее. Да и закрытыми делать кабины они начали именно с нашей подачи.

Вообще, по галактическим законам контакта с харрами случиться не могло. Запрещено связываться с цивилизациями, не освоившими ещё межзвёздные перелёты или уж в крайнем случае — межпланетные внутри собственной системы. До такого уровня жителям Индры далеко, да и вряд ли они с собственным отношением к прогрессу когда-нибудь его достигнут.

Но на планету первыми наткнулись браконьеры. Пока всё вскрылось, пока вмешались правоохранительные органы — делать вид, что инопланетного присутствия не было, стало уже поздно.

Надо сказать, братьев по разуму харры восприняли на удивление спокойно. Мы вызывали у них любопытство, но скорее своей необычной наружностью, чем технологиями. Причём люди из всех гуманоидов галактического сообщества показались обитателям Индры самыми интересными, с остальными видами аборигены контактировали вовсе уж неохотно, особенно с негуманоидными.

— Давно Бетро знаешь? — спросил Ипро, когда машина с басовитым урчанием двинулась к окраине города.

— Нет. Была тут... четыре года назад, тогда познакомились, — перевела привычные стандарты в чуть более длинные местные меры. — Бетро хороший, мне в тех краях понравилось.

— Да, у них славно, это ты правильно решила. Вот я ему, значит, и тебя привезу, он гостей любит.

— А что ты вообще везёшь?

— Образцы, — не стал скрывать харр. — Устройства разные — землю обрабатывать, урожай собирать, ткани делать. У них там проверим, понравится — будем использовать.

Всё же у них потрясающая организованность для столь разобщённых существ. Но я прекрасно знала, что поднимать эту тему бесполезно, поэтому заговорила о другом.

— Нужное дело. А расскажи, что интересного за последние четыре года было?

— Это можно!

Харры вообще любят поговорить, поэтому если ты умеешь слушать, то симпатия аборигенов обеспечена. Очень любят, например, обсуждать общих знакомых, у них это не считается дурным тоном. Отчасти, наверное, потому, что они не склонны к лицемерию и притворству в вопросах личных отношений и всегда озвучивают о ком-то одно мнение — что в лицо, что за глаза.

Охотно говорят и обо всяких местечковых новостях, о видах на урожай и даже новой технике, вообще очень открытые. Только некоторые вопросы вызывают странную реакцию. Например, если расспрашивать об их организованности или средствах связи, они только недоуменно пожимают плечами и то ли правда не понимают сути вопроса, то ли помалкивают. И это закономерно будит в исследователях подозрения.

Самая популярная и вполне жизнеспособная теория сводится к тому, что харры составляют этакий коллективный разум. Предполагают даже, что связь у обитателей Индры построена по сотовому принципу, с передачей информации соседям с помощью радиоимпульсов. Но если это и так, подловить их на этом до сих пор не удалось, слишком уж много на этой планете электричества. Устроенных по такому принципу гуманоидов человечество пока не встречало, но что только ни найдёшь на просторах Вселенной!

Косвенно подтверждает эту теорию и поразительно взвешенное отношение хвостатых к прогрессу. Всё, что может предложить человечество, харры единодушно принимают с интересом и оценивают,

насколько это будет им полезно. Но их осторожности и перестраховке в подобных вопросах стоило бы поучиться людям, которые со своим багажом знаний и опытом порой хватаются за всё новое с детской бесцеремонностью.

А сами харры только озадаченно пожимают плечами, не отвечая на вопросы. И категорически возражают против исследований, чем связывают научным работникам руки: галактические законы в этом вопросе неумолимы и требуют не просто согласия разумного вида на его изучение, но согласия информированного. Так что официальной науке остаётся только строить предположения и исследовать косвенными методами. А частных, нелегальных исследователей Индра с его обитателями пока не заинтересовал.

Впрочем, единым мнением в научных кругах даже не пахнет, как это всегда и бывает. Наличие коллективного разума, например, совсем не объясняет разобщённости харров и их очень трепетного отношения к личному пространству и ближайшему окружению. Да и характеры у них слишком индивидуальные, совсем человеческие, так что коллективный разум явно соседствует с личным, и тогда получается совсем уж странное сообщество.

Профессор Говоров, мой руководитель, только посмеивался, слушая подобные рассуждения. Он считал, что мы ищем загадку там, где её нет, и не замечаем самого главного: что общество харров изначально развивалось более правильно, чем человеческое. Что нравственный прогресс на Индре по непонятным причинам опередил технический. Даже склонность хвостатых решать споры врукопашную профессор считал гораздо благородней и выше, чем наши «цивилизованные методы»

Говоров полагал, что стоит искать ответ именно на этот вопрос — почему так, в чём именно разница пути двух цивилизаций? — и пытаться понять, как человечеству научиться у харров нравственности, а не маниакально систематизировать и классифицировать всё вокруг.

Он был убеждённым романтиком и совершенно удивительным человеком.

Я до сих пор не могла привыкнуть, что его больше нет. Вроде бы смирилась, вроде бы переболела — пять лет прошло, достаточный срок, да и помощь мне оказали квалифицированную. Но по-прежнему порой, забывшись, задумывалась, что надо бы посоветоваться с Говоровым.

Если бы он был жив, со своими странными снами я бы в первую очередь пошла к нему. Я люблю родителей, очень люблю, но... с папой можно советоваться в практических вопросах, с мамой — в вопросах чувств и отношений. А здесь, считай, голая наука, и всё, что они могли предложить, я сделала и сама. Кто же виноват, что психотерапия не дала результатов?

И думая об этом, я не сомневалась, что эту поездку профессор бы одобрил. Может, даже сам предложил бы ещё до того, как все прочие средства оказались испробованы, это вполне укладывалось в его характер. Может, именно думая о нём, я и решилась в конце концов на этот нелепый шаг?

Казалось бы, практичный человек, учёный до мозга костей, Владислав Александрович порой проявлял неожиданные грани характера, показывая себя то мистиком, то философом-агностиком. Правда, обосновывал всё это вполне научно: полагал, что во Вселенной слишком много того, что нам ещё предстоит понять, поэтому не стоит столь уж категорично отвергать существование сил, которые мы пока не способны даже толком воспринять.

А я пусть всерьёз не верила, что эта поездка что-то прояснит, но... где-то в глубине души по-прежнему жила наивная, детская вера в чудо. Которую так старался сохранить в своих учениках профессор Говоров.

ГЛАВА 2. Проводник

Машина на больших мягких колёсах катилась плавно, так что за время пути я успела не только выслушать последние новости и рассказать в ответ про свои татуировки и сложную историю натальной живописи на Земле, но и неплохо подремать. Так что, когда мы ближе к полудню доползли до нужного места, я была бодрa и полна энергии.

Будучи весьма эмоциональными и зачастую порывистыми, в том, что касается хозяйства и быта, харры обычно исключительно рациональны. Они любят красоту, но, например, никому не придёт в голову мучиться с доставкой какой-нибудь особенно редкой породы дерева или красивого камня для отделки, когда это не обосновано практическими нуждами. Они просто не понимают, зачем тратить на такую ерунду столько сил.

Здесь, на плоской как стол равнине, большей частью заросшей густым лесом, в пойме большой капризной реки, строятся, конечно, исключительно из дерева. Обрабатывают брёвна каким-то сложным составом, и те не гниют в местном сыром климате. Спасаясь от сырости, предпочитают строить дома на сваях — крепкие, капитальные, к которым не ленятся подводить водопровод и устраивать канализацию. Несмотря на тёплый климат и отсутствие необходимости в монументальных постройках, харры всё равно очень основательны, строят минимум на десятилетия. Так что лёгких травяных хижин, как у диких племён в истории Земли, у них нет, разве что охотничьи шалаши-временки, но это ведь не жильё, так, укрытие.

Дома они охотно украшают внутри и снаружи резьбой по дереву, хитро сплетёнными из разноцветных стеблей травы узорчатыми ковриками и прочей мелочёвкой подобного же толка.

Красиво? Харры считают, что да. Отличается, скажем, от строгой отделки мрамором, пышной позолоты или каких-нибудь ультраиндустриальных интерьеров Земли? Безусловно. Расстраивает ли это кого-то? Нет. Если спросить, не хочется ли им разнообразия, чего-то особенного и другого, всё разобьётся о логичный вопрос хвостатых «зачем?» И так ведь хорошо, и не так уж одинаково — каждый узор индивидуален. Зачем утруждаться из-за ерунды?

Честно говоря, эта точка зрения аборигенов всегда была мне близка, да и дома здешние нравятся, как нравятся их хозяева. Не хватает только всяческих удобных мелочей, которые харры считают излишествами. Они, например, почти не пользуются в быту электричеством, не видят смысла. Греться или охлаждать воздух не надо, им комфортно, готовить предпочитают на открытом огне, в искусственном освещении с кошачьим зрением тоже особой нужды нет.

Насосами для водопровода пользуются, это единственное исключение, но электричество для них аборигены научились запасать в грозы. Как — я даже не пыталась разобраться, но вроде бы наших учёных принцип не заинтересовал, значит, ничего необычного в нём нет.

Дом Бетро на общем фоне выделяется размерами: настоящий особняк по местным меркам. Опорами ему служат стволы в несколько обхватов, над которыми возносятся два полноценных этажа плюс чердак. Но это не для личного пользования и не для демонстрации статуса, уважают Бетро просто так, потому что харр хороший. Это для гостей, которых хозяин очень любит и которые очень ему интересны. В доме постоянно останавливаются всевозможные путешественники — и харры, и даже люди.

А ещё половину первого этажа занимает нечто вроде пивной. Я так и не поняла, какую пользу получает Бетро от этого заведения и чем с ним рассчитываются завсегдатаи, но сюда заходят аборигены со всей округи. В этой их привычке тоже есть что-то кошачье: живут довольно далеко друг от друга, но непременно находят «нейтральную территорию», на которой собираются пообщаться. Правда, сидят не молча, в отличие от кошек, шума от большой компании по-человечески много. Особенно когда хвостатые «насурьчатся».

Странным словом «сурыр» харры называют повсеместно распространённый слабоалкогольный напиток из перезревших плодов дерева сур, по вкусу нечто среднее между земными манго и яблоком. Не то брага, не то мёд — я понятия не имею, как это готовится. И знать не хочу, потому что гадость редкостная: он дико сладкий, и от этого «компотика» на раз развозит даже очень стойких к алкоголю людей.

Харры вообще на удивление любят сладкое, особенно мужчины. Не знаю, как именно их организмы переваривают такое количество сахара, но вроде бы диабетом никто не страдает, зубы крепкие — местные в принципе очень редко болеют. У меня от некоторых блюд зубы сводит, я такое разве что в детстве могла употребить, а эти мускулистые мужики трескают и нахваливают.

А вот крепкий алкоголь они не пьют совсем. Спирт используют, но в промышленности, и судьбу некоторых земных народов, которых погубила «огненная вода», повторять явно не собираются. И это тоже очень интересная особенность местного мировоззрения.

— Приехали! — подтвердил очевидное Ипро, останавливая свой тягач почти вплотную к сваям. Под домом дремало четыре или пять привязанных тсоров, тех самых скоростных верховых тварей — значит, у хозяина какие-то гости.

При свете дня оказалось, что мой водитель довольно молод, ни малейшего намёка на седину, и угольно-чёрен с чёрными же глазами — редкая расцветка, они обычно посветлее.

Я послушно принялась выбираться наружу вместе с рюкзаком. Прыгать не стала: стоило пошевелиться, и выяснилось, что за время пути сильно затекли ноги и спина. Так что я аккуратно сползла на землю с высокого порога, цепляясь за сиденье и ручку массивной двери. С хрустом потянулась всем телом, прогнулась, покрутилась из стороны в сторону, по очереди согнула ноги...

— Надо же, какую ты мне гостью привёз! Мара! — раздался весёлый голос с террасы.

У шимки чувствительность и мощность гораздо меньше, чем у природных антенн аборигенов, да и направленность у них лучше, так что я даже не заметила, когда водитель успел позвать Бетро, заметила его только теперь.

Хозяин дома легко спрыгнул в траву с высоты чуть больше трёх метров. А он уже давно не мальчишка, харр весьма почтенного возраста! Восхитительные у них всё же физические данные.

— Я тоже рада тебя видеть, Бетро, — улыбнулась, по местному обычаю не показывая зубы.

— Иди-ка сюда, урши, дай старому харру себя обнюхать!

Подошёл он сам, чуть присел, чтобы было удобнее, стиснул меня в охапке, еще и хвостом обвил — лестное проявление симпатии и доверия, хвост они берегут.

— Ничего ты не старый, ещё ого-го! — заверила я, с удовольствием отвечая на такое приветствие. Обняла Бетро, как большого кота, уткнулась носом в мягкую седую гриву, от которой пахло тёплым домом и вкусной едой.

— Вот это да! — прокомментировал Ипро. — Так вы и правда хорошо знакомы!

— Насколько можно знать урши. Ты, смотрю, стоишь прямо? — спросил Бетро строго, отстраняясь и придерживая меня за плечи. Забавное местное выражение, они его используют примерно тогда, когда мы «хорошо выглядишь».

— Стараюсь, — улыбнулась снова, на этот раз уже не так радостно. — Разговор есть.

— Иди в дом, — харр выразительно дёрнул головой. — Сейчас с этим хвостом разберусь и приду.

Из дома тем временем высыпало ещё несколько аборигенов — наверное, по зову уже Бетро, подмога для разгрузки оборудования. Не исключено, что они тут в ожидании груза и сидели, чтобы помочь. Мы обменялись любопытными взглядами и приветственными импульсами, и на том общение пока закончилось. Я двинулась к лестнице, ведущей в дом.

Внутри было сумрачно и тихо: окон немного, а все посетители вышли помогать хозяину. Просторная прямоугольная комната, напротив входа — двустворчатая лёгкая дверь во внутренние помещения. В левом дальнем углу — пустой проём, ведущий на кухню с жаровней. Вдоль стен расставлены столы, на некоторых посуда с недоеденными остатками, вокруг столов — простые деревянные стулья. Пространство посередине нарочно оставлено свободным, так принято: в подобных местах — под настроение — танцуют, меряются силой, дерутся насмерть.

На звук шагов мне навстречу вышла немолодая уже, седая харра, тоже хорошо знакомая — Эрра, пара Бетро. Как такового института брака на Индре нет, местные никак не узаконивают собственные отношения. Просто выбирают того, кто нравится, и живут с ним вместе. Чаще всего уже до конца, потому что к выбору постоянной пары подходят очень ответственно. Хотя, конечно, всякое случается, и расставания с шумными скандалами — тоже.

Диморфизм у аборигенов выражен сильно, женщины хоть и высокие из-за длины ног, но заметно мельче мужчин. Стройные, фигуристые, с тонкими кистями и длинными пальцами — это у харров очень важный критерий женской красоты. Одеваются обычно почти так же, как мужчины, разве что всегда, а не от случая к случаю, носят короткие не то майки, не то жилетки, прикрывающие грудь: в этом их приличия удивительно похожи на наши. Ну и дома те, что постарше, часто носят прямые свободные платья до колен и без рукавов — уверяют, что так удобнее. А украшения любят еще больше и, помимо браслетов, часто вплетают в волосы цветные ленточки и ими же украшают хвост. Порой и не только ими, а надевают специальные кольца почти на самый кончик, у основания кисточки.

Чисто женское украшение, к слову. Как уверяла меня вот эта самая Эрра, хвост — первейшее

средство привлечения мужского внимания, и, если умело им пользоваться, окрутить можно любого. А уж если у такой вот талантливой и умелой через ухоженный мех кисточки загадочно мерцает какой-нибудь яркий камушек, то всё, жертва обречена. Ещё очень сочувствовала бедным урши, обделённым такой полезной частью тела.

— Тамара! — обрадовалась женщина. Она почему-то нежно любила моё полное имя и принципиально называла только так. — Ты тут! Как ты, девочка? — тоже обняла, тоже отстранилась, держа за плечи. — Как я рада тебя видеть! Уже и не думала, что вернёшься после всего.

— Я тоже не думала. Эрра, тут такое дело... нужен проводник. Туда, к храму.

Она нахмурилась, смерила меня острым взглядом голубых глаз.

— Пойдём-ка, всё расскажешь. — Харра уцепила меня за локоть и потащила в глубь дома, в свою маленькую «комнату для общения», куда допускались только близкие и желанные гости. Там усадила в плетёное кресло с мягкой подушкой на нём, сама устроилась в таком же напротив и уставилась выжидательно. Пришлось начинать с самого начала, заодно оглядываясь и опять привыкая к местным видам.

Внутренние помещения дома всегда напоминают уютную, тёплую и сухую нору с множеством отдельных каморок. Харры не любят большие пустые пространства, им удобнее в маленьких и даже довольно тесных по нашим меркам комнатах.

Хозяева именно этого дома, ко всему прочему, самозабвенно любят книги, поэтому всё свободное пространство во всех личных комнатах занято именно ими.

С огромным облегчением я рассказала Эрре почти всё, не считая эротической части. Всё же это слишком личное, а она не доктор.

С Бетро и его парой мы познакомились ещё по дороге к храму. Они тогда с удовольствием, очень тепло нас приняли. Хозяин дома и Говоров быстро и легко нашли общий язык и остались очень довольны друг другом, было бы больше времени — наверное, сдружились бы. Но у нас был план экспедиции, а потом...

Потом остатки группы тоже привели сюда: харры-проводники, которые вели нас к злополучным руинам, внутрь, конечно, не заходили, так что они и не пострадали. На месте позвать на помощь не получилось, связную аппаратуру не удалось реанимировать. Так что всё оборудование, целое и нет, бросили в храме и ушли налегке, только с каким-то запасом еды и аптечкой. Причём меня попеременно несли на руках: в себя я по дороге так и не пришла.

Профессор Баранова, которая, имея соответствующее образование (история изначально была для неё хобби, которое со временем стало судьбой), выполняла в группе обязанности врача, по дороге пыталась привести меня в чувство, вводила питательные растворы, и, наверное, именно она в итоге спасла мне жизнь.

Проснулась я только уже тут, в этом доме, и первое время была не в себе. Полностью дезориентированная, не понимала, где нахожусь и что происходит, физически не могла подняться на ноги от слабости. А когда узнала, что произошло, то сначала и не хотела.

Помощь из города прибыла быстро, Бетро отправил кого-то на тсоре с дурной вестью. В Индре-1 из-за этого подняли один из нескольких дежурных вертолётов местной сборки. Но прилетевший врач согласился с Барановой, что нет смысла срочно меня куда-то эвакуировать, а вот брошенные тела в таком климате стоило осмотреть как можно скорее, пока там хоть что-то осталось. Так что пару дней, пока следователи возились с мёртвыми, живые ждали своей очереди у харров, приходя в чувство.

Эрра очень сердобольная женщина, она близко к сердцу приняла и моё состояние, и гибель половины экспедиции и успела привязаться ко мне за те несколько дней, чему совсем не помешала неисправная шимка и невозможность полноценного общения. Всех приняли очень тепло, но ко мне эта пара почему-то особенно привязалась. Говорили, что я напоминаю им старшую дочь.

— И зачем ты хочешь пойти туда? Что надеешься найти? — строго нахмурилась Эрра, когда я закончила рассказ.

— Не знаю, что-нибудь, — неопределённо развела руками в ответ. — Я понимаю, что это довольно глупо, но я просто не знаю, что делать. Сны не проходят, становятся чаще. Не то чтобы они очень сильно тяготят, это даже интересно, но всё равно здорово не по себе. Откуда-то же они берутся?! Да, вряд ли я сумею узнать что-то новое, я это понимаю, но не попробовать не могу. Вот если не получится, тогда и буду думать над другими вариантами.

— Бетро спросим, — со вздохом решила Эрра. — Туда сейчас не ходят совсем. Как твои умерли, так и не ходят. Только Бетро и скажет, кто из мужчин достаточно безумен.

Мы немного помолчали.

— Эрра, всё же почему вы не ходите в храм? Что в этом месте плохого? Ладно, после того, что случилось с землянами, можно приписывать дурную славу, но вы и до этого пирамиды не жаловали. Что там всё-таки?..

— Ай, не знаю! — женщина махнула рукой и улыбнулась. — Я же не была. Парни по молодости бегают, храбрость показывают. Бетро ходил. Говорит, ничего страшного не происходит, просто — тяжело. Стены давят, чувство, как будто ты один во всём мире остался, как будто никто и никогда тебя не найдёт. И словно наблюдает кто-то. Погибали ли прежде? Нет, не помню. Но всё равно страшно. Потому и место плохое, и лезть туда не хочется. Мы же говорили.

— Говорили, — со смешком согласилась я. — Только вы всегда так расплывчато говорите, что свихнёшься, пытаешься понять. И тут — не то отвечаете, не то уходите от ответа.

— Потому что не всё можно и нужно знать, — сообщила она поучительно. — Знания опасны и часто вредны. Мы это знаем и не суём хвосты туда, куда не стоит, когда-нибудь поймёте и вы. Пойдём, Тамара. Мужчины вернулись, я тебя покормлю, заодно Бетро спросим.

В большой комнате стало оживлённей: вроде бы харры не шумели, но присутствие сразу нескольких мужчин изменило атмосферу комнаты. В кухне что-то шкворчало, а трое посетителей, включая Ипро, мирно беседовали — нормальная жизнь.

— Хвостик! — окликнула женщина. — Где ты, дело есть!

Ласковое обращение заставило нескольких присутствующих сдуть смешки в кулаки. Бетро тут уважают, а то и побаиваются, тем веселее им слышать вот это умильное и совсем детское «хвостик». Мне-то забавно применительно ко взрослому сильному мужику, а уж местным...

— Что случилось? — выглянул из кухни невозмутимый хозяин.

Эрра подалась ближе, вытянулась, чтобы прошептать ему несколько слов в ухо. Ухо в ответ пару раз нервно дёрнулось, бесконтрольный хвост — ласково обвил хвост женщины. У них это очень «болтливая» конечность, сразу выдающая и настрой, и отношение. Даже присказка есть «держат хвост клинком» — то есть быть настороже, в боевой готовности и жёстко себя контролировать. И в пику ей неодобрительная характеристика «хвост что палка», которой награждают сдержанных и малоэмоциональных существ, каковых жители Индры вообще-то очень не жалуют.

— Это плохая мысль, — с укором посмотрел на меня Бетро.

— Я знаю. Так есть кто-нибудь подходящий?

— Если только Нидар согласится, — пожал плечами харр.

— Ай, да с чего бы это ему соглашаться! — не поверила Эрра. — Такой умный мальчик...

— Да. И ответственный, — непонятно чему усмехнулся мужчина. — Но если согласится — только он.

— Почему? — нахмурилась я.

— Потому что он спокойно относится к этому месту и не испытывает перед ним трепета, — отозвался Бетро и шевельнул вибриссами. Кажется, добавил что-то персонально для своей пары, чтобы я не слышала. Конечно, стало жутко любопытно, но я сдержалась от расспросов. Вместо этого перешла сразу к делу:

— И где его искать?

— Да что искать, сам вечером придёт. И что вам это место покоя не даёт?

— И не говори, сама не рада, — хмыкнула я в ответ, но тут же осеклась, уцепившись за оговорку. — Погоди, а кому «нам»? Туда кто-то ещё ходил? Вроде же запретили исследования... Я даже боялась, что вы меня туда просто не пустите!

— Да шныряют тут, говорливые, — он передёрнул плечами. — Давно уж ходят. А ты, значит, не с ними? Ну и тем более — что тебя не пускать, если это твоё личное дело.

— Не с ними, я сама по себе. И, насколько знаю, никаких экспедиций и официальных делегаций туда не планировалось. Разве что они по уголовной части, дело-то о смерти так и не закрыли, —

пробормотала себе под нос, не очень-то веря в такой вариант.

— По какой части? — удивился Бетро. — Пойдём уж на кухню, там поговорим.

— Хвостик, ты бы девочку покормил сначала, а потом всё остальное!

— Мы совместим, — поспешила поддержать я идею харра.

— Ай, делайте как знаете! — махнула руками Эрра и ушла здороваться с Ипро, а я за её мужчиной проскользнула в соседнюю комнату.

У харров кухня относится к «грязным» частям дома, поэтому чаще всего размещается в пристройке, за пределами основных стен. Тут под неё был приспособлен балкон под навесом верхнего этажа, загороженный от непогоды и любопытных глаз лёгкими стенками, хитро сплетёнными не то из травы, не то из коры.

Пара столов, пара табуретов, два больших шкафа вдоль стен, раковина с краном. Воду харры не подогревают, считают и так достаточно тёплой; к этому сложно привыкнуть, но приходится. Небольшая круглая печка с крышкой и на ножках: при необходимости можно было как разгрести угли в стороны и сунуть что-то между ними, так и запалить костёр и поставить посуду сверху на открытый огонь.

— Значит, не твои это? — возобновил прерванный разговор Бетро и принялся шустро строгать овощи грозного вида ножом.

— Не мои. Я предположила, что они, может, из следователей, у вас их шретами называют. Но, знаешь, странно как-то... Столько лет прошло, что им тут сейчас делать? Вряд ли появилось что-то новое, откуда! Ой, так, может, это журналисты? По-вашему, то есть, вроде писателей.

^Шреты — у харров одновременно исполняют функции следователей и судей, на местном языке это производное от слова «справедливость». ^

— Странные у вас писатели, если это они, — сказал харр.

— А когда они вообще появились-то?

— Появились... да уж года три захаживают. Нечасто, и вроде разные, но хвостом чую — одна стая.

— И чем странные? Чего хотят?

— Непонятно, — Бетро недовольно прижал уши и раздражённо дёрнул хвостом. — Спрашивают, не было ли чего странного, не приходил ли оттуда кто-то, не появлялись ли урши. Я им каждый раз про их же предыдущих говорю — кривятся, но молчат. О тех-то явно знают, кого-то другого ждут. Уж не тебя ли? — он глянул на меня через плечо.

— Вряд ли. Бетро, мне просто снятся сны, уже несколько лет. Про то, что храм этот не заброшен, и про то, что в нём живут и управляют им твои сородичи. В странных зелёных одеждах, почти одинаковых. Я не помню деталей, но нечто вроде тех платьев, которые Эрра носит. И меня... Знаешь, наверное, правильно будет сказать — меня туда тянет. Я не могу объяснить это рационально. Я честно пыталась избавиться от этого желания, но оно не проходит, и сны снятся чаще. Не знаю, на что я рассчитываю, но... в общем, я решила попробовать не бороться с собой, а просто прилететь сюда и дойти до храма. Как бы глупо это ни выглядело. Так что — нет, я понятия не имею, кто еще заинтересуется этим местом, я тут по личному делу.

— Тянет, значит? — задумчиво покосился на меня Бетро.

— Ты что-то об этом знаешь? — насторожилась я.

— Поговори с Нидаром. Я-то ничего не знаю, а он про храм тоже одно время вот вроде твоего говорил, что там не страшно совсем, и интересно, и тянет. Давно, правда, он моложе тогда был, погорячее. Но если тебя кто из наших поймёт — только он.

— А почему не он выступал проводником тогда, в экспедиции? Если ему там, в отличие от остальных, спокойно.

— Да я уж не помню, где-то его в других краях носило, — отмахнулся Бетро. — Да и недолго любил он тогда ваше племя.

— А сейчас долюбливает? — спросила я мрачно.

— Сейчас повзрослел, — харр улыбнулся. — Не бойся, вреда не причинит, к уршам он сейчас лучше относится. Если договоришься, хороший выйдет проводник.

— Ладно, попробую. Но я так и не поняла про тех, кто о храме спрашивает. Что в них не так? Ну кроме того, что они одна стая? Почему они кажутся тебе странными?

Бетро помолчал, помешивая на большой плоской сковородке что-то одуряюще пахнущее жареным мясом и специями.

— Они другие, — наконец, сформулировал мужчина. — Вот я тебя знаю, остальных твоих умников помню. Горячие головы знаю, вроде молодых харров, которые в лес идут не то по глупости, не то от лишней силы. Шретов тоже помню, которые искали, кто твоих убил. Хитрохвостых всяких видел, которые тут раньше шныряли, всё надеялись пожить чем ценным. Наглых, которые нас выгнать пытались, тоже навидался, и главных ваших, которые потом за них извинялись. А эти другие. И вроде не трусят, точно как вы или шреты, и вроде лишнего себе не позволяют, как те нахалы, а всё равно холка колом, как поговоришь.

— Ничего не понимаю, — пробормотала я. — То ли это какие-нибудь безопасники... Это такая особенная разновидность шретов, которые за самые серьёзные дела отвечают. То ли, наоборот, какие-то преступники. Они что, думают, пропавшие охранники в лесах эти годы прятались? И действительно верят в официальную версию? — последний вопрос был риторическим.

Бетро не стал уточнять, что я имею в виду, и вообще предпочёл закончить болтовню, поставив передо мной тарелку с коротким и строгим:

— Ешь.

Отказываться я, конечно, не стала. Мне вообще кухня харров нравится, когда это не что-то очень сладкое, а уж Бетро готовит так, что я каждый раз с удовольствием вылизываю тарелку. Благо тут эта дурацкая привычка, на которую мама постоянно ворчит, служит комплиментом повару, а не нарушает правила приличия. У них даже тарелки специально для этого низкие и широкие: чтобы не извозиться по уши.

Общаться, тем более общаться с незнакомыми харрами, для которых я экзотика и вообще забавный инопланетный зверёк, настроения не было. Обычно это довольно весело — знакомиться с представителями других разумных видов. И взаимный осмотр зубов, щупанье ушей, шерсти, крыльев проходит весело — если, конечно, все участники посиделок настроены дружелюбно и не обижаются даже на то, что считается в их культуре оскорбительным, а объясняют, почему так делать нельзя.

Но на Индре я уже через это проходила. Тогда действительно было смешно и здорово, и хохотали мы до слёз, и даже сурыр не казался таким мерзким. Балагур и трепло Лю спяну братался с кем-то из хвостатых, мы с Мисси учили еще одного древним, народным земным танцам не пойми каких народов, в которых и сами не очень-то понимали. Все шумели, смеялись, и даже старшее поколение взирало на эту вакханалию снисходительно.

Но все они остались там, в храме. И вроде бы отболело, и я даже сумела простить себе, что выжила, но вспоминать всё равно горько. А здесь совсем ничего не изменилось за прошедшие годы, и я...

В общем, я предпочла забрать забытые во время разговора с Эррой вещи, прихватить там же пару книжек и подняться в выделенную хозяевами комнату.

Читать на харрском я наловчилась еще перед отправкой на Индру: у них забавная письменность, состоящая из отдельных значков. Похоже на то, как будто по строчке пробежалось несколько разных крошечных птичек и зверьков. С шимкой это довольно просто, она подсказывает перевод, нужно только немного приноровиться. Конечно, знанием письменности, как и знанием языка, вот это восприятие через переводчик не назовёшь, но мне хватало.

За прошедшие годы я ни разу не открывала их книжек, хотя несколько привезла на память. Думала, растеряла все навыки, и взяла пару томиков наугад, просто чтобы убить время и занять голову. Но нет, навык забылся не так крепко, и через полчаса я уже бегло читала. Попала удачно, это оказался сборник стихов весьма известного местного поэта, а их поэзия мне нравилась.

Вообще у них очень богатая литература. Изобразительное искусство развито слабо, а вот книги харры любят, это главное местное развлечение. Я тот ещё знаток, но по словам специалиста — литература жителей Индры столь же своеобразна в своих традициях, как и они сами. Например, харры очень не любят описывать дорогу, делают это довольно редко и обычно просто опускают.

Однако долго наслаждаться прекрасным не получилось. Только я вчиталась, как жутко разболелась голова, словно в лоб и глаза начали вбивать по гвоздю. Поначалу боль была терпимой, но чем дольше я пыталась её терпеть, тем сильнее она в меня вгрызалась. Отвыкла я, что ли, от местного электромагнитного фона? Или на погоду начала реагировать?

Благословив собственную предусмотрительность, я распотрошила аптечку, собранную по всем

правилам выживания в дикой природе. Лекарство принесло облегчение почти сразу, но вместе с ним — слабость, заявленную как типичный побочный эффект. Поскольку никакой полезной деятельности от меня сейчас не требовалось, то я решила не прибегать ни к каким тонизирующим веществам, включая даже самые безвредные, а просто завалилась спать.

Выключилась почти мгновенно и, кажется, без сновидений. Во всяком случае, когда меня разбудила Эрра, ничего такого не вспомнила. Слабость после таблеток выветрилась, я опять чувствовала себя бодрой и полной энергии, несмотря на то что за небольшим одиночным окном уже совсем стемнело.

— Нидар пришёл, Бетро его сейчас кормит, чтобы подбодрел, — весело сообщила она. — Спускайся.

— Спасибо!

Я выпуталась из невесомого мягкого одеяла, быстро оделась. Бельё — удобное, новенькое, с функцией самоочистки, — простая майка, водостойкие штаны с кучей карманов, высокие ботинки с терморегуляцией. Куртку оставила в комнате, потуже переплела косу, перевела шимку в режим ночного зрения и почувствовала себя готовой к великим свершениям. Правда, не очень понятно, как я буду уговаривать на них незнакомого харра, которому и даром не нужны такие прогулки, но — что-нибудь придумаю.

Внизу пришлось поменять настройки шимки, какое-никакое освещение тут было, а именно — пара длинных тонких свечей в разных концах зала. Потому что в темноте-то харры, конечно, видят, но не в абсолютной же, и для чтения им освещение требуется, и для какой-то другой мелкой работы. Не говоря уже о том, что свет живого огня они находят очень красивым и приятным.

Сразу стало легче, картинка перестала запаздывать, а вместе с этим — кружиться голова.

Здесь меня перехватил Бетро. Вернее, заметил, подозвал жестом и подвёл к сидящему отдельно харру.

— Вот, это Нидар. Нир, это Мара, про которую я говорил. Разговаривайте, — напутствовал он и ушёл к другим собеседникам, а я решительно плюхнулась на стул напротив своего будущего проводника, полная решимости не вставать отсюда до тех пор, пока он не согласится с этой ролью.

Нидар оказался довольно светлокотым по местным меркам и восхитительно, вопиюще, очень по — кошачьи рыжим, даже с едва уловимыми белыми полосками, так что я едва сдержалась от улыбки. Ну один в один — Кекс, домашний любимец родителей. Разве что у этого глаза зелёные.

А ещё, что я отметила чуть погодя, харр даже по местным меркам был крупным, побольше Бетро и большинства других моих знакомых. Мощная шея, широченные плечи, на груди — несколько крупных клыков и когтей на шнурках. На правой руке несколько кожаных браслетов разного плетения: один над внушительным бицепсом и штук пять — на запястье. И, судя по вилке, левша, тоже редкость.

— Зачем тебе это надо, маленькая урши? — спокойно, безо всякой насмешки спросил Нидар, и я приободрилась. Он, по крайней мере, настроен на разговор и не отказывается сразу и категорически, это даёт надежду. Впрочем, не удивительно, вряд ли Бетро посоветовал бы мне какого-нибудь откровенного хама.

А что «маленькой урши» называет... ну так в сравнении с ним я действительно мелкая, и это он еще сидит.

— У меня нет разумного ответа на этот вопрос, — ответила со вздохом. Уж что-что, а врать тут точно не стоило.

— И зачем ты хочешь туда попасть? — мой ответ харра явно озадачил.

— Как раз наоборот, я очень не хочу туда идти, — усмехнулась нервно. — Но есть глупое ощущение, что я должна туда вернуться. Поскольку наука и медицина мне с моей проблемой не помогла, я решила попробовать довериться интуиции.

— Ты там уже была?

— Четыре года назад, погибшая экспедиция, — кивнула я.

— Погоди, так ты та самая девочка, которая выжила? И теперь хочешь исправить случайность? — улыбнулся он с лёгкой насмешкой.

— Нет, против этой случайности я ничего не имею, — поморщилась в ответ. — То есть лучше бы, конечно, живы остались все, но раз уж я каким-то чудом уцелела — отказываться от этого шанса не

собираюсь. Понимаешь, в чём проблема...

И я в третий раз за сегодня рассказала про сны. Чувствую, к моменту возвращения на Землю об этой истории будет знать весь Индра.

Несколько секунд мы помолчали, причём рыжий рассматривал меня оценивающе, пристально. Вопросов почему-то не задавал, в здравости моего рассудка не сомневался, да и заговорил после паузы на неожиданную тему.

— Это плохая идея, маленькая урши. Идти далеко, сложно. Одно дело — когда большая группа, ни один зверь не сунется. Но вот так... Там дикие места, опасно. Ты просто не дойдёшь.

— Если это единственная проблема — не переживай, я не такая хлипкая, как тебе кажется. По нашим меркам даже очень крепкая.

— Подумай ещё, — он неодобрительно качнул головой.

— Ладно, давай так. Если я уложу тебя на лопатки в драке, эта твоя претензия снимается, — я поднялась. — Всё честно, без оружия, один на один.

— Маленькая урши никогда не видела харра в драке? — улыбнулся Нидар, смерив меня взглядом.

— Ну тебе же это ничего не будет стоить. Мы же не всерьёз дерёмся, и я сама тебя прошу, — загорелась я идеей. — Никто не скажет, что ты дрался с женщиной, считай это шуткой. Не скажет ведь? Тренировочный поединок, — обернулась я к Бетро, улыбающемуся в усы.

— Я чего-то не знаю об урши? — вопросительно уставился на него же рыжий.

— Всё честно, — заверил тот. — Я тоже хочу на это посмотреть.

Ещё бы не улыбался. Он-то знает.

— Ну не волнуйся. Я верю, что ты будешь аккуратен, — весело добавила, едва не подпрыгивая на месте от нетерпения.

Подначивать и брать на слабо, предполагая, что Нидар чего-то боится, я не стала: глупо и оскорбительно, и если вдруг он решит проучить наглую девчонку, это плохо кончится. Нет уж, моё главное оружие здесь — его любопытство. Пусть смеётся, пусть забавляется, пусть гадает, в чём подвох, и просто считает меня ненормальной чудачкой. Всё равно он до последнего не поверит, что я смогу его одолеть.

— Ладно, — сдался наконец рыжий и поднялся. Я правильно оценила, он действительно оказался огромным: если опустить на пятки, будет выше меня на голову, и даже больше, а так я макушкой не доставала ему и до подмышки.

Тут уже мы окончательно стали центром внимания. Присутствующие весело смеялись, в основном надо мной, подначивали на тему того, насколько мне понравился большой рыжий харр, что даже не побоялась привлечь внимание таким способом. Впрочем, с точки зрения местных, это был скорее комплимент и проявление некоторой зависти к Нидару: аборигены ценят в женщинах решительность и характер, и такое вот внимание любому молодому и холостому харру было бы приятно, даже если конкретная женщина ему неинтересна.

Ну а отношение к тренировочным боям у них совсем простое, и никаких особенных ограничений на них нет, может хоть ребёнок со взрослым встать. Потому что это не драка и не размолвка, а просто разминка и чаще всего обучение. И соглашаясь на такой бой, любой принимает на себя ответственность: одновременно обещает не причинять серьёзного вреда и быть аккуратным, но сознаёт возможность случайной травмы.

Нидар сбросил жилетку, снял ремень, который не поддерживал штаны, а служил для ношения оружия — двух кинжалов грозного вида, длиной больше моей руки, и ряда метательных ножей, излюбленного средства местных охотников. Я следовать примеру и раздеваться, конечно, не стала, только выразительно хлопала себя по карманам, давая понять, что они пустые, и прошла на свободное пространство в центре зала, на ходу разминаясь.

Рыжий последовал за мной — высокий, крупный хищник с вальяжными движениями, полными уверенности в себе и сознания собственной силы. Все харры особенно красивы именно вот так, в движении, но мой нынешний противник всё равно выделялся. Невероятно хорош! Сразу видно — сильный воин, настоящий, и любой сородич пять раз подумает, прежде чем всерьёз выйти против него. Впрочем, чему удивляться? Бетро вряд ли мог посоветовать мне для путешествия кого-то менее опытного.

По мере приближения походка Нидара стала более мягкой, стелющейся, пружинистой. Присогнутые ноги, медленно ходящий из стороны в сторону хвост — может, всерьёз мужчина меня не воспринимал, но и глупо поддаваться не собирался. Понимал, что не просто так Бетро веселится.

А я постаралась расслабиться, тоже смягчить ноги и вспомнить всё, чему меня учили.

Пара медленных кругов по залу с обманными резкими движениями со стороны Нидара — просто проверка. И если я в подобных не нуждалась, точно зная, что противник мне достался опасный и серьёзный, то в рыжем с каждым мгновением разгорался интерес.

Быстрое, едва уловимое движение, в конце — удар. Уклоняюсь, не задумываясь о блоках: даже если харр ничего мне не сломает, я же от первого тычка улечу через весь зал!

Пара обманных выпадов, серия ударов — я пропускаю все мимо, не позволяя задеть себя и на волос.

В глазах противника, в прижатых ушах, в хлещущем хвосте — азарт и жгучее любопытство. Вокруг улюлюкают и подначивают, звучат, кажется, даже грубые и пошлые замечания, только я не вслушиваюсь, а Нидар — тем более.

Ещё серия ударов. У него они отнимают не так много сил, и выносливости харру хватит надолго. Даже если не сможет достать, он просто меня загоняет. Он сильный, он опасный, он грозный противник, с которым не тягаться человеческой девчонке, пусть даже я, по земным меркам, совсем не маленькая и не хрупкая.

Но я знаю один секрет.

Вместе с очередным ударом — движение противника всем корпусом вперёд. То самое, которого я ждала. Почти нежный захват огромной руки, шаг с поворотом, подножка и лёгкий толчок, доворот... И звучный «шмяк!» тяжёлого тела об пол.

Повисла звенящая, растерянная тишина: никто вот так сразу не поверил, что какая-то пигалица легко, почти играючи опрокинула огромного мужика. И тот лежит, не шевелится, и вообще — живой ли?

Последний вопрос интересовал и меня. Вроде я не так уж его приложила, крепкий, не должен пострадать, но мало ли!

— Эй, проводник, ты как? — спросила, осторожно подходя, и присела рядом на корточки.

Нидар лежал на спине с открытыми глазами и с непередаваемым выражением лица рассматривал потолок. Когда я приблизилась, едва заметно вздрогнул, видимо, от неожиданности. Сел, опираясь на широко расставленные руки, смерил взглядом — и расхохотался. Радостно так, заливисто, даже слегка запрокинув голову. Я облегчённо перевела дух, потому что боялась куда более нервной и негативной реакции. Следом за рыжим отмерли и загомонили остальные.

— Хитрая маленькая урши! — отсмеявшись, проговорил Нидар. — Подловила. Как ты это сделала?

Он поднялся, я тоже выпрямилась. Вопрос харра поддержали остальные, кто-то даже попросил показать.

— Нет уж, должны быть у слабой женщины свои секреты, — отмахнулась я от страждущего, остальные захохотали громче, а мы с рыжим тем временем вернулись к столу. Мужчина набросил жилетку и сел, ремень застёгивать пока не стал.

— А всё-таки?

— Я в прошлый раз видела, как вы дерётесь, — пояснила тихо. — Обратила внимание, что в вашей рукопашной борьбе совсем нет бросков, а мне как раз эта часть приёмов всегда особенно нравилась.

— Особенно? — с нажимом уточнил он. — А остальное?

— А остальное уже не так.

— Мне казалось, урши не любят драться, особенно женщины. Даже наши редко этому учатся, они предпочитают ножи, — он выразительно хлопнул ладонью по лежащему на столе ремню.

— Мой отец — потомственный военный, офицер. Хотя вы же не воюете, как бы это...

— Я понимаю, о чём ты, — прервал он. И пояснил в ответ на озадаченный взгляд: — Мы тоже стараемся узнать о вас побольше.

— А, ну тогда проще. В общем, он офицер, и нас у него четыре дочери. Нинка, старшая, пошла по

стопам отца, продолжает династию, я... ну вот как-то не сложилось, из младших там тоже непонятно, что ещё вылупится. Но к воспитанию всех четырёх отец подходил основательно. Стрелять и драться мы умеем все. Ну не профи, конечно, но постоять за себя, вот так воспользоваться эффектом неожиданности, как сейчас, — можем. Ты не думай, я прекрасно понимаю, что, дрались бы мы всерьёз, ты бы меня по стенке размазал, и по дороге геройствовать не буду. Я жить хочу.

— Судя по всему, отец хотел сына? — усмехнулся Нидар.

— Как раз наоборот, — возразила ему. — Он очень обижается на такие предположения и не отказался бы еще от пары дочек. Он нас очень любит.

— И отпустил тебя сюда одну? — мужчина насмешливо вскинул брови.

— Не будем об этом, — поморщилась я. — Ты же не пойдёшь жаловаться моему папе?

— Может, и стоило бы, — он недовольно дёрнул правым ухом. — Но не буду, обещал же проводить.

— Погоди? Вот так просто? — растерялась я. — Мы вроде договорились только до моей способности выдержать дорогу. И ты уже согласен? И что взамен?

— Научишь меня вот этим приёмам, — он задумчиво кивнул в сторону центра зала.

— И всё? — не поняла я.

— А что надо?

— Ну не знаю, обычно просят какую-то плату. А ты вдруг соглашаешься тащить меня туда, куда харры вообще-то стараются не ходить, потратить несколько дней своего времени... Извини, но это заставляет нервничать. Зачем это тебе?

— Мне любопытно, что из этого выйдет. И место это интересно.

— И всё? — продолжила допытываться я.

— За тебя попросил Бетро, я его уважаю и не против оказать ему услугу, — как-то странно улыбнулся Нидар и, растопырив вибриссы, что-то просигналил хозяину дома. Тот не обернулся и вообще как будто не заметил, но моего собеседника это не смутило. — А других ответов у меня нет. Можешь отказаться.

— Нет-нет, я только в выигрыше, всё равно не представляю, чем с вами можно расплачиваться, если у вас денег нет, а сделать что-то полезное в ответ я не могу.

— Можешь считать обучение платой, если тебе так спокойнее, — отмахнулся харр и внезапно сменил тему. — А ты совсем не боишься идти вдвоём с незнакомым мужчиной в лес? Может, у меня совсем не мирные намерения?

— Во-первых, тебя посоветовал Бетро, а ему я верю, — с улыбкой вернула я рекомендацию. — А во-вторых, какие еще у тебя могут быть намерения на мой счёт? Взять в заложники? Изнасиловать под кустом? Глупость какая. Я достаточно много про вас знаю, вы так себя не ведёте. Нет, ну наверняка попадают всякие мерзавцы, но вряд ли Бетро бы так меня подставил.

— Договорились, — кивнул Нидар с задумчивой улыбкой. — Может, ты еще и с тсорами ладишь?

— Чего нет — того нет. Твари они забавные, конечно, и вообще кошмар биолога, но научиться ездить было некогда. А что, ты хочешь верхом? Мне казалось, так только риск выше, да и не везде проедешь...

— Можно было бы сократить путь на день, — пояснил он. — Доехать до леса. Подумаю. Утром выйдем. Ещё мне надо посмотреть, что у тебя есть из вещей.

— Да хоть сейчас! — легко согласилась я. — Вот прямо этим утром пойдём? И у тебя никаких дел нет, и отдохнуть не надо, и собраться?

— Отдохнуть я успею, до утра далеко. Собрать нечего, кое-какие мелочи Бетро даст. А дела... Были бы у меня сейчас неотложные дела, меня бы здесь не было. Всё? — усмехнулся, поднимаясь.

— Пока да.

Моей подготовкой и количеством вещей Нидар оказался удовлетворён и, кажется, приятно удивлён. Ни к чему не придирался, одобрително кивал на аптечку, лёгкий спальный мешок, минимум гигиенических средств и сменной одежды. Только маленькая «Оса» — карманный дамский

парализующий излучатель — вызвала насмешливую улыбку.

— И против кого это работает? — спросил, вертя в руке оружие. Мужчина сидел прямо на полу, скрестив ноги, я на табуретке — напротив, а между нами лежал выпотрошенный рюкзак. Шимку опять пришлось перевести в ночной режим, но сейчас это доставляло мало неудобств.

Иронию харра легко можно было понять: «Оса» даже для моей руки маловата, а в его лапе она вообще смотрелась игрушкой. По-моему, у него под скобу и мизинец не пролезет.

— Против людей, — ответила спокойно. — По большей части. Просто это единственное оружие, которое свободно продают гражданским, разрешения на что-то более серьёзное у меня нет. Получить можно, но отец непременно заинтересовался бы, что со мной случилось и зачем всё это вдруг понадобилось.

— Он учил тебя драться и стрелять, а оружие вызвало бы вопросы? — озадачился Нидар.

— Он учил защищаться. А вернее — выкроить время, чтобы успеть убежать и позвать на помощь, — возразила я. — А оружие... ну не люблю я его, я вообще пацифистка. И он это знает.

— Ты — кто?

— Те, кто выступает против решения вопросов военным путём. Я не люблю войну, не люблю оружие и надеюсь, что когда-нибудь человечество достигнет такого морального уровня, когда воевать не придётся вовсе.

— А если встретится враждебный разумный вид? — заинтересовался рыжий.

— Слушай, ну вот только ты ещё не начинай! — Я вскинула руки в защитном жесте. — Мне домашних с этими подколками хватает. Да, я понимаю, что это утопия, что Вселенная несовершенна и за место в ней нужно бороться, неся большие потери. Но я и не призываю никого срочно сложить оружие и возлюбить ближних. Это просто мечта, она не обязана быть достижимой!

— Не обижайся. — Нидар прижал уши, выражая досаду и неловкость, и улыбнулся. — Это хорошая мечта.

— Да ладно, извини, это уже я вспылила, откуда бы ты мог знать...

— Что значат эти надписи? — он неопределённо дёрнул головой и, когда я не поняла вопроса, уточнил. — На твоих руках. На правой дерево и животные, а на левой?

— А, нет, тут всё скорее наоборот, — улыбнулась я. — Вот эти полосы со значками, похожие на браслеты, — я провела по левой руке снизу вверх, — символизируют мировые сферы в индуизме. Это... В общем, одна из древнейших религий и философий на Земле. Это всё не очень похоже на действительное устройство мира, да оно больше и не про реальность, данную в ощущениях, а про путь души. По этой философии душа бессмертна и путь её лежит из низших миров к высшим через самосовершенствование в каждом новом воплощении... В общем, это очень долго объяснять, не занимай голову. Я просто этой философией очень увлекалась, пока училась, вот и сделала. Каждый «браслет» — один из «слоёв» мира, вот здесь их название на санскрите, это один из древних земных языков, и разные символы, олицетворяющие то, что существует на этом уровне мироздания. А вот это как раз надпись, — я провела пальцем по цепочке египетских иероглифов на правом плече. — Дословно переводится как: «Кто убивает, тоже будет убит. Кто приказывает убивать, тоже будет убит по приказу». Это тоже один из древних мёртвых языков. В институте это казалось очень крутым, сейчас... просто красиво. Вот это, — показала надпись на внутренней стороне правого предплечья, — тоже старый мёртвый язык, латынь. «Завтра будет лучше». А остальное... — я запнулась, проследила пальцем длинную ветвь плюща, обвивающего остальную руку и островки отдельных пиктограмм. — Это на память. Каждый вот такой значок — это кто-то из тех, кто... остался тогда в этом храме. Книга — профессор Говоров, наш учитель, это вот кисточка и палитра — Мисси, моя лучшая подруга, она очень рисовать любила. Это... В общем, всё равно ты их не знал, — оборвала я себя, чувствуя ком в горле. Ещё разревётся не хватало!

— Очень интересно, — задумчиво проговорил Нидар, глядя на меня с непонятым выражением лица. — Одновременно красиво и много смысла. Хорошее искусство.

— Ты о чём?

— Об этих рисунках на коже. Можно? — он протянул руку, явно намереваясь пощупать.

— Да, конечно, — я заставила себя встряхнуться и протянуть руку в ответ. — Только они никак не ощущаются.

— Необычно. — Он осторожно провёл кончиками пальцев по моему предплечью, щекоча и слегка

царапая — кожа рук у харра оказалась грубой, обветренной и шершавой. — Расскажешь мне про эту... Индусм? Потом, по дороге.

— Если хочешь, — пожала плечами. — А тебе зачем? У вас же нет никакой религии.

— Потому и интересно, — улыбнулся Нидар. — Ладно, собирай всё обратно. Мне нравится, как ты подготовилась. Все правила расскажу завтра, по дороге.

Говоря это, мужчина поднялся. А когда я утвердительно угукнула, вышел, только кисточка хвоста перед носом махнула. Забавная такая, рыжая, в форме сердечка.

Упаковав обратно в рюкзак все одобренные проводником вещи, я собиралась спуститься вниз, к харрам: возиться в одиночестве при свете фонарика (разбирая рюкзак, я наткнулась на него и искренне обрадовалась встрече) было скучно. Читать не получится, спать же вроде бы не хотелось.

Только планы пришлось изменить в угоду боли, которая опять вгрызлась в мой лоб. Правда, на этот раз ощущения показались не настолько мучительными, вполне терпимыми. Похоже, привыкаю к новым условиям. Можно было даже без медикаментов обойтись, но я не стала себя мучить, приняла лекарство и завалилась досыпать.

ГЛАВА 3. Переправа

Утром Эрра подняла меня не так рано, как ожидалось. Я думала, что «утром» значит «выйдем на рассвете», а стоило бы учитывать местный менталитет и помнить, что харры не любят спешки.

Внизу, в большой комнате, завтракал только Нидар, остальные гости разбрелись. Бетро я тоже не увидела, тарелку мне принесла хозяйка. Рыжий сегодня был молчалив, задумчив и сосредоточен, поздоровался коротким импульсом, не отрываясь от еды. Беспокоить его вопросами я не стала, хотя причина такого настроения заинтересовала.

Да и первые пояснения относительно пути мне давала Эрра, когда мы спустились на улицу и там подошли к паре осёдланных тсоров.

— Я вас немного провожу, — сообщила женщина, глядя одного из лежащих зверей, находящегося в состоянии покоя, по длинной узкой морде. — Куда можно добраться верхом. Это седло для поездки с ребёнком, пока он маленький. Будет не очень удобно, но, мне кажется, ты поместишься. Забирайся.

— Приключения начинаются, — пробормотала я себе под нос на родном языке и без возражений полезла, куда сказали.

Ну страшно, ну и что? Выбора-то нет, а я обещала не доставлять проблем.

Ладно, очень страшно, потому что ехать предстоит не на понятном транспорте, а на непредсказуемом живом существе, да еще каком! Недобитый вовремя метеоритом динозавр с хладагентом вместо крови. Эта рептилия носится с «крейсерской» скоростью около восьмидесяти километров в час, то есть мчатся так она может часа полтора-два. А в рывке с места развивает, говорят, до полутора сотен.

Вообще, я не уверена, можно ли тсоров считать рептилиями или биологи классифицируют их как-то иначе, но внешне похоже: гладкая почти чёрная кожа с тиснёным узором, длинный хвост с тремя плавниками на конце, мощные, жилистые задние ноги и рудиментарные передние лапы с большой кожистой складкой-перепоной — ещё не крылья, уже не руки. Тсоры используют эти конечности как радиаторы и стабилизаторы на бегу, смешно растопыривая в стороны.

Наши учёные до сих пор не могут поверить, что подобное существо, которое за милую душу жрёт горючие углеводороды, могло вывестись само. Даже после того, как на Индре нашлось внушительное количество диких видов с тем же рационом, целые экосистемы: на планете много мест, где нефть выходит на поверхность, и местная живность научилась использовать энергетический ресурс. А тсоры не только нефть, они и каменный уголь грызут с удовольствием, если находят, и сухую древесину, если прижмёт. Правда, на деревянном рационе очень теряют в выносливости.

Метаболизм у них странный, с резкими переходами от стремительного бодрствования к неподвижности полного покоя, близкой к анабиозу: слишком значительно для обычного сна замедляются все процессы.

Пожалуй, единственный их недостаток как транспорта — низкая грузоподъёмность. Низкая, конечно, в сравнении с достижениями технического прогресса, а так сто двадцать килограммов — более чем достойный вес. Который тоже не даёт покоя биологам.

Отчасти из-за этого ограничения с нами поехала Эрра. Можно было пристегнуть детское сиденье к тсору Нидара, но этот харр и сам небось весит больше сотни, так что зверушка просто не вывезет двоих. А сажать меня одну... Проще сразу пристрелить. Нет уж, я лучше вот так, багажом. К тому же, кто-то же должен вернуть зверей обратно.

Аборигены надели специальные защитные маски с очками, выдали мне похожую. Та оказалась великовата и сидела очень неудобно, но альтернативой было обветрить лицо и наестся насекомых, так что пришлось смириться с мелкими неудобствами. Я вцепилась в страховочный ремень, благодаря судьбу за его существование, и мимо замелькали деревья.

В первый момент сердце стукнулось в горле и рухнуло в пятки, но потихоньку оттуда выбралось, когда стало понятно, что не так страшен тсор, как мои мысли о нём. Бежал зверь достаточно плавно, я быстро приоровилась, да и правила им Эрра ловко и уверенно. В конце концов я даже пожалела, что не получится вот так проделать весь путь. А ведь на самом деле удобно, почти как на мотоцикле, если не задумываться о том, что тварь эта живая.

Вскоре я еще раз напомнила себе, что вообще-то в отпуске, и, окончательно расслабившись, начала глазеть по сторонам и наслаждаться прогулкой безо всяких заморочек. Тем более полюбоваться было на что, да и погода радовала — теплень, голубое небо в белых кляксах облаков.

Этот регион, где по странному совпадению находятся космопорт и древний храм, заметно отличается от прочих обитаемых территорий. Здесь очень много земель расчищено под сельскохозяйственные нужды, гораздо больше, чем в других местах. Огромная равнина, на которой сады чередуются с полями и почти нет островков дикой природы. Именно эту часть пути Нидар решил «сэкономить» за счёт тсоров.

Правда, чем дальше мы ехали, любуясь пасторальными сельскими пейзажами и наслаждаясь погожим деньком, тем больше сомнений у меня возникало. Потому что если верить карте, Бетро жил совсем близко от леса, и выходило, что сейчас мы закладываем большой крюк. В компетентности рыжего харра сомневаться не приходилось, но всё же хотелось знать, почему он выбрал именно такой странный маршрут.

Окончательно я утратила понимание происходящего, когда мы выскочили к берегу реки — не особо могучей, но всё-таки широкой и полноводной, совсем не лесной ручей, — за которой возвышалась живая зелёная стена. Некоторое время бежали вдоль воды, между прибрежным кустарником и чередующимися квадратами разноцветных полей и садов, заметно сбросив скорость, а потом и вовсе остановились в сырой низине. Здесь река немного разливалась, подмыв противоположный песчаный берег, и в русле виднелись островки. С нашей стороны здесь впадал ручей.

— Приехали, — сообщила Эрра, стягивая маску и останавливая тсора возле ручья. Тот тут же лёг на брюхо и, погрузив морду в воду, начал жадно пить.

Харра легко спустилась на землю, гораздо менее грациозно сползла за ней и я.

— А почему мы тут идём? Мне казалось, в прошлый раз была другая дорога, — обратилась я к проводнику.

— Тут удобнее, — лаконично отозвался он. Обменялся короткими импульсами с Эррой, моя шимка их не поймала, и, поправив небольшой серо-зелёный рюкзак на плечах, так же коротко спросил: — Готова?

— Вроде бы, — ответила неуверенно и тоже проверила снаряжение. Подтянула лямки и пару раз подпрыгнула на месте, что бы убедиться, что всё держится хорошо и ничто не мешается. — Спасибо! — обратилась к женщине.

— Лёгкой дороги, — улыбнулась она в ответ. — Мы отдохнём и обратно, твой зверь будет у нас.

Нидар кивнул и, поманив меня ладонью, двинулся к прогалине между кустами, явно намереваясь спуститься к воде.

— Что-то случилось? — не выдержала я через пару мгновений.

— То есть? — глянул он через плечо.

— Ты какой-то нервный и угрюмый. Что-то не так?

— А, — Нир как-то непонятно дёрнул головой и недовольно отмахнулся хвостом. Как раз в этот момент мы спустились к кромке воды, мужчина обернулся, и я сумела оценить странное выражение его лица — не то досада, не то веселье, не то смущение. — Не обращай внимания.

— Это сложно, — сказала честно. — Мы тут с тобой вдвоём, и от тебя зависит моя жизнь.

— Просто утро, — усмехнулся рыжий. — Не люблю рано вставать, всегда настроение от этого портится. А сегодня пришлось. И надо уже привыкать, в лесу тоже придётся, в тёмное время двигаться опаснее...

— Тьфу! А я всякие ужасы думать начала! — облегчённо рассмеялась в ответ. — Тогда могу оставить в покое.

— Да ладно, что уж теперь. Пойдём, тут мелко, — он кивнул на реку.

— Мелко тебе или мелко вообще? — спросила я с иронией, выгнув брови.

Нидар смерил меня оценивающим взглядом, фыркнул насмешливо и проговорил, опускаясь на корточки:

— Я так и знал, что этим всё закончится и ты сядешь мне на шею.

— Я просто спросила, я, если что, плавать умею! — растерялась я.

— Да ладно уж, садись. Только за уши не хватайся, больно. Ну?

Последний оклик заставил меня стронуться с места и всё-таки подойти к харру ближе.

— Меня последний раз так отец катал, когда мне лет пять было.

— Да я тоже последний раз так сестру катал лет пять назад, — поделился мужчина и, придерживая меня за бёдра, плавно выпрямился. Первым порывом было всё-таки схватиться за уши, но я пересилила себя и вцепилась в лямки рюкзака, что бы создать иллюзию опоры.

Вин! Нет, я ему вполне доверяю, не уронит, но... какой же он всё-таки высокий, а!

В этот момент Нидар встряхнулся, поправляя ношу на плечах. Конечно, этого я не выдержала и, взвизгнув от неожиданности, ухватилась за единственную доступную «ручку».

— Р-руки! — сквозь зубы процедил харр, рефлекторно крепче сжав в ответ мои бёдра.

Синяки точно останутся, что ж он такой сильный-то...

— Прости, — поспешила я выпустить многострадальные уши и виновато пригладила короткий встопорщенный рыжий мех. — Но в следующий раз, когда так резко дёргаешься, предупреждай. У меня обезьяньи гены просыпаются, я пытаюсь ухватиться за первую попавшуюся опору.

— Хорошо, что у тебя нет когтей, — усмехнулся он. — За руки мои держись. Готова?

— Поехали! — кивнула я, послушно уцепившись за жёсткие ладони мужчины. Они действительно оказались замечательной альтернативой ушам. Уж всяко надёжнее!

Правильно я подняла этот вопрос про глубину брода. Мелко там было с точки зрения рослого харра, то есть ему по подмышки, а я бы, пожалуй, и с головой кое-где под воду ушла.

Пока шли, я вновь восхищалась точностью и совершенством вестибулярного аппарата аборигенов. Да, у них есть хвосты, это помогает сохранять равновесие на двух таких маленьких точках опоры, но всё равно удивительно. У Нидара даже с довеском в виде меня не наблюдалось никаких проблем с равновесием, и это с учётом скользкой, неустойчивой поверхности под ногами и течения — пусть не слишком стремительное, но оно было.

Где-то на середине реки, на отмели, харр вдруг замер и развернулся вниз по течению. Вытянулся, приподнявшись «на цыпочки», растопырил вибриссы и насторожённо повернул уши.

— Что такое? — через несколько мгновений шёпотом спросила я, боясь шевельнуться.

— Ерунда, — еще через пару секунд Нидар отмахнулся от меня ухом, как от надоедливой насекомого, и продолжил путь.

Вода в реке была тёплой, воздух — тоже, поэтому я бы даже не отказалась немного промокнуть. Но не сложилось, штаны и ботинки показали себя с лучшей стороны. На берегу харр аккуратно ссадил меня, очень по-кошачьи брезгливо отряхнул лапы и полез в рюкзак, откуда достал трок — плод любви мачете с сапёрной лопаткой. Очень популярный у местных инструмент, который как только не используют. Им только драться нельзя, причём не с технической точки зрения, а с моральной.

При общем слишком спокойном и диком, на взгляд современного человека, отношении харров к убийствам, использовать для этого трок нельзя, отнять с его помощью жизнь — это страшное преступление, и вообще очень оскорбительно. Наказывают даже за убийство животного таким орудием, пусть и не очень строго. Может, только самозащиту простят, и то — женщине или ребёнку, а не взрослому мужчине.

— Может, всё-таки расскажешь, почему мы пошли именно этим путём? — спросила я, с интересом разглядывая близкую зелёную стену густого влажного леса, от которого тянуло гнилью, удушающе-сладким и остро-свежим. Станный и очень сильный запах, в первое время от него даже голова кружится — я прекрасно помнила это по прошлой поездке.

— Потому что мы идём вдвоём, — пояснил Нидар, опять внимательно прислушиваясь к чему-то в стороне, внизу по течению. — Тот путь в общем короче, но больше идти по лесу, и места там опаснее. И эту дорогу я знаю лучше. Ладно, к делу. Главное правило: слушаться беспрекословно. Если я командую — делать. Молча. Я замираю — ты замираешь. Молча. Вопросы потом, когда разрешу. Ясно?

— Всю дорогу молчать или до команды можно разговаривать?

— А ты сможешь? — улыбнулся он.

— Если необходимо, — пожала плечами.

— Не надо жертв, — фыркнул харр. — Можно говорить. Даже нужно, особенно перед тем, как за что-то схватиться. Но лучше всё-таки ничего не трогать, идти за мной след в след и не вешать уши. Всё, хвост клинком, двинулись.

Этот лес — или, правильнее сказать, «джунгли» — на первый взгляд не так уж сильно отличается от некоторых земных пейзажей. Вообще большая часть жизни, которую человечество встретило за время активного освоения космоса, построена на похожих принципах. Не вся, и встречаются очень странные формы, например, обитающие в водородной атмосфере газовых гигантов. Предполагают даже, что некоторые из них могут быть разумными, хотя разум этот настолько чуждый, что вступить с ним в контакт пока не получается.

Но в основном жизнь в галактике развивается в знакомом нам направлении, и никто до сих пор не может дать ответа на вопрос, почему так происходит. Откуда берётся эта жизнь? Существовала ли некая древняя цивилизация, «засеявшая» миры, или процесс это естественный, или всё дело в метеоритах, переносящих жизнь с планеты на планету, — споры не утихают. Гнут свою линию, конечно, и религиозные деятели, и сторонники теории хаоса, которые верят в самопроизвольное возникновение живого из неживого, всё никак не угомонятся.

Последние лично мне кажутся самыми странными, даже божественный замысел выглядит на фоне их идеи логичным и правдоподобным.

Как мы близки с харрами, так похожи наши планеты — не одинаковы, достаточно вспомнить тсоров и их сородичей, но и не так уж чужды. И тесное сплетение крон над головой, и рыхлый слой перегноя под ногами, и густой подлесок, занимающий весь доступный объём, — всё как на Земле. Зелёный и коричневый с вкраплениями других цветов — естественный, приятный глазу фон. А детали... Честно говоря, я слишком плохо знаю флору и фауну родной планеты, чтобы восхищаться или ужасаться различиями. Могу лишь наслаждаться видами.

Впрочем, одну особенность игнорировать не получалось: обилие радиосигналов, на приём которых была настроена сейчас шимка, чтобы понимать харров. Даже с её скудным диапазоном этих сигналов принималось столько, что я в итоге плюнула на взаимопонимание с аборигеном и отключила прибор, как мы делали и в прошлый раз. Словами Нидар общается, как-нибудь разберусь, а то чувство как посреди густонаселённого города — сплошные помехи. Интересно, каково было бы харрам с их чувствительностью где-нибудь в земном мегаполисе?

Первые шаги дались довольно легко, здесь лес оказался не очень густым. Я с удовольствием любовалась особенно приметными местными растениями — какие — то были знакомы по прошлому визиту, какие-то я видела впервые.

Например, вот эти яркие — от лимонно-жёлтого до морковно-оранжевого — воронки в мой рост, а то и выше, я хорошо запомнила. Они относились не к растениям и даже не к грибам, а к животным, причём трёхполым. Вот эти как раз являлись тем самым третьим полом, который «вынашивал» общее потомство, а двое других родителей, подвижных и больше похожих на зверей в нашем понимании, кормили и защищали своего третьего. Жили они небольшими группами поблизости от оседлых воронок.

Когда мы проходили мимо, пара стоящих на страже самцов приподнялась на задних лапах, провожая чужаков насторожёнными взглядами. Походили они на нечто среднее между тсором и оленем. Покрытые короткой бурой шерсткой, с мощными задними ногами и более короткими и подвижными передними лапами, с красивыми оранжевыми венчиками на головах, в которые срослись длинные уши и нечто вроде рогов. Красота эта служила не только для привлечения внимания противоположного пола, но и вполне утилитарно, как антенна.

Потом деревья сблизилась, дорогу заступил густой подлесок и паутинные переплетения лиан, тропу укрыл плотный зелёный сумрак. Продвижение замедлилось, харру пришлось налечь на трок, отвоёвывая буквально каждый шаг. Впрочем, не похоже было, будто его всерьёз утомляет такая работа.

В этой чаще тоже нашлось на что посмотреть, только здешнее «население» вызывало скорее благоговейный трепет и опасения, чем восторг. Ветра здесь не было, но всё равно листья то и дело дрожали, постоянно звучали шорохи, тихий хруст, крики и писк, на фоне которых хлесткие удары трока терялись, — жизнь кипела и бурлила, заставляя напряжённо озираться. Нидар казался совершенно невозмутимым, и то обстоятельство, что он настороже, выдавали только беспокойные уши и нервный хвост.

Я шла на два шага позади, что бы не отставать и не лезть под руку. На мгновение замерла, когда сбоку, по ощущениям совсем рядом, пронзительно закричало нечто, очень похожее по звуку на человека, а когда развернулась...

— Нир? — окликнула напряжённо, потому что впереди рыжего не было. Сплошная зелёная стена

без следа повреждений. — Нидар! — закричала громче, медленно отступая назад, потому что стена зашевелилась, потекла слоями длиннющих веревок-щупалец. — Ты где? Ты там?!

Погуляли. Его что, сожрало... вот это?

И, похоже, не наелось, потому что щупальца стремительно двинулись по земле, явно намереваясь взять меня в кольцо.

— Ни-ир! — заорала в голос, лихорадочно соображая.

Не могу же я его бросить!

И куда бежать?! Да меня сожрут по дороге!

Но чем я могу помочь?! Вряд ли на это подействует «Оса», тем более когда она в рюкзаке...

Ближайшие щупальца с неожиданной прытью метнулись ко мне, и это стало последней каплей: ноги приняли решение вместо головы.

Прорубленная харром дорога оказалась отличным — и единственным — возможным путём отступления. Сзади слышались нечеловеческие крики и шелест, зелёное нечто явно продолжало преследование. Но оборачиваться и проверять, насколько оно близко, я не стала: не хватало ещё, как в плохом кино, споткнуться в этот момент, упасть и быть сожранной!

Сбавила темп я только тогда, когда сообразила, что позади всё стихло, а дыхание всерьёз сбилось. Быстро глянула через плечо, не увидела погони и, наконец, остановилась, что бы оглядеться внимательней. От погони действительно удалось оторваться, и это была хорошая новость. Плохая... чаща с прорубленной тропой осталась где-то позади, и теперь я понятия не имела, где именно нахожусь. Вряд ли убежала далеко, но толку — то от этого?

— Приехали, — пробормотала себе под нос.

Лес притворялся мирным и безопасным. Как будто ничего не случилось.

Вот же повезло с проводником... А такое хорошее впечатление производил! Вин... И что мне теперь делать посреди леса?! Я же понятия не имею, в какой стороне храм, тут же никакие средства навигации не работают!

Так. Стоп. Главное — не паниковать. У меня есть оружие и я пока жива, это главное. А если оружие есть, надо держать его наготове.

На этом простом деле я для начала и сосредоточилась. Нельзя останавливаться, нельзя позволять себе мрачные и унылые мысли, а то точно расклеюсь. Потом обдумаю, что и почему случилось, когда окажусь в безопасности, а пока надо шевелиться. Движение — это жизнь.

Сняла рюкзак, достала «Осу» и прикрепила кобуру к поясу. Рюкзак на место, проверить оружие. Так.

Теперь что? Теперь нужно определиться с дорогой. К храму соваться смысла нет, туда я точно не доберусь, даже если бы знала точное расположение. Значит, нужна река, цивилизация — за ней. Теперь самое сложное: определиться, с какой она стороны.

Я с тоской оглядела ближайшие деревья — толстенные, увитые лианами. Единственное, что приходило в голову, это залезть на одно из них и оглядеться оттуда, причём лезть надо на самое высокое. Как выбрать? Наверное, оно должно быть самым старым и толстым в окрестностях.

Вроде бы логично, да? И даже влезть можно, если постараться. Главное, что бы лиана не оказалась ядовитой.

Я осторожно, с оглядкой, подошла к выбранному дереву, внимательно осмотрела, вспоминая всё то, что успела узнать о местной растительности, и пытаюсь определить знакомые опасные формы. Жаль, местная флора почти не описана нашими учёными: тут работы на многие годы не одному институту, а занимаются ей пара кафедр. Слишком много интересных живых планет и слишком мало биологов.

Подумав, я нацепила куртку, чтобы по возможности защитить кожу. Жаль, перчаток нет, они в мой список необходимого не вошли. Если выживу, непременно учту на будущее.

Лезть оказалось не так уж трудно. Будь это неохватное дерево голым, и мне бы осталось только походить вокруг, облизываясь, но природа подыграла и устроила почти лестницу, обтянув ствол лианами. Сложнее всего оказалось находить мысками ботинок просветы в густом зелёном ковре.

О постороннем я по-прежнему старательно не думала. Рука, рука, нога — толчок, вторая нога — толчок. Рука, рука, нога... Размеренно, не задерживаясь надолго, не зависая на одном месте, потому что от этого только сильнее устаёшь.

Как здорово, что я в хорошей физической форме. И как замечательно, что порой ходила ради собственного удовольствия на скалодром: до профи мне далековато, но путь вверх хотя бы не пугает, даже при отсутствии страховки. А как потом полезу вниз — лучше пока не думать.

— Стой, маленькая урши! — окликнул меня снизу знакомый голос. — Спускайся.

Я глянула через плечо вниз.

Нидар. Живой.

На мгновение замерла, прикрыв глаза. Ткнулась лбом в лианы, пару раз глубоко вздохнула, задавливая в себе все эмоции — и хорошие, и плохие. А потом медленно и аккуратно двинулась в обратный путь: нога, нога, рука, рука...

Вниз своим ходом сложнее, чем вверх, это тебе не на страховке съехать, а забралась я на добрых метров тридцать.

— Цела? — спросил харр, к которому я подошла на подрагивающих от напряжения и облегчения ногах.

— Что это было? — спросила мрачно. Рыжий выглядел слегка потрёпанным, открытые участки кожи пестрели царапинами и какими-то бурными пятнами. — Какого?..

— Крумикар, хищное растение, — ответил мужчина. — Его нельзя заметить заранее. Почему ты побежала, я же велел стоять! Он реагирует на движение и шум.

— Ты пропал! — проговорила, стараясь следить за голосом и не начать орать на своего единственного союзника здесь. — Только что был, я под ноги посмотрела, опять взгляд подняла — впереди зелёная копошащая стена! Откуда я могла знать, что нужно стоять?! — голос всё-таки негодуяще взлетел.

— Я ратил, — чуть нахмурился он. — Ты же вроде понимаешь.

Негодование тут же сдулось, я почувствовала себя круглой душой и виновато опустила взгляд.

— Я... в общем, я шимку отключила, много помех, — призналась нехотя. — Я же ею эти ваши сигналы улавливаю. Извини, надо было сказать. Я... сложно привыкнуть к этому вашему способу общения, да и в прошлый раз мы прекрасно обходились без них.

— Ладно. Главное, обошлось. Устала? — после короткой паузы проговорил Нир и ободряюще сжал моё плечо.

Не стал обострять и ругаться, предпочёл просто закрыть тему, и за это я была ему очень благодарна. Всё-таки хорошего мне проводника Бетро сосватал!

— Нормально, — поморщилась в ответ и всё-таки подняла взгляд на харра. — Ты как? Это не опасно? — показала на широкую ссадину на его плече.

— Нормально, — улыбнулся рыжий. — Он не настолько ядовитый. Пойдём.

— Я сильно увеличила наш путь? — спросила мрачно.

— Не особенно, — ответил Нидар спокойно, уверенно двинувшись в выбранном направлении. — Может, пару часов. Сейчас дойдём до ручья, попьём и немного отдохнём.

— Расскажи мне про этого крумикара. Что это?

Тварь оказалась из той экзотики, подобную которой на Земле точно не встретишь, да и в местных джунглях это был редкий зверь. Аборигены считали её растением, а куда отнесли бы наши биологи — я не представляла, потому что упоминаний о ней не встречала. Не удивлюсь, если окажется, что наши с этим существом ещё не сталкивались.

Тело — или корневище — крумикара обычно пряталось под землёй, но могло при необходимости перемещаться, правда, медленно и на небольшие расстояния. Из него росло множество лиан-щупалец, которые тянулись вокруг «гнезда» на многие десятки метров и просеивали окружающее пространство, поджидая подходящую жертву. Зазевавшегося бедолагу щупальца хватали, спелёвывали и подтаскивали к туловищу, где в него впрыскивался яд, он же пищеварительный сок.

Реагировал крумикар на громкие звуки и быстрое движение, тогда как радиосигналы игнорировал вовсе, так что я своими воплями сделала только хуже.

— Выходит, я ещё и тебя подставила?

— Подставила... Наверное. Ты повела себя неправильно, но я ждал чего — то подобного.

— Извини, — вздохнула тяжело. — Я понимаю, что я тут скорее обуза, но...

— Никто не заставлял меня соглашаться, — спокойно пожал плечами мужчина. — Я прекрасно знал, за что берусь. Но, надеюсь, впредь ты будешь осторожнее.

— Я сделала выводы, — вздохнула нервно. — Спасибо, что не ругаешься. Только этого... крумикара тоже жалко, из-за меня пришлось убить редкого зверя...

— Убить его не так — то просто, — возразил Нидар. — Когда я порезал несколько лиан, он понял, что добыча не по зубам, и предпочёл отступить.

— Вот оно что, — задумчиво заметила я. — Говорят, звери не дерутся до последнего, это черта разумных.

— Спорно, — не согласился он. — Но для крумикара верно.

— А почему же они такие редкие, если такие осторожные? Мне казалось, вы бережно относитесь к собственной природе и не убиваете зверей массово, какими бы ценными они ни казались, а само оно как будто достаточно живучее. Неужели есть еще более страшный естественный враг?

— Насколько знаю, таких врагов у него нет, только паразиты, — легко признался Нидар. — Но я не знаю, как оно размножается. Может, сложность в этом?

— Логично. Да, и шимку я включила, и отключать не буду, можешь ратить, если что.

— Полезное устройство, — похвалил харр, оглянувшись через плечо. — И красивое.

— Да уж, что нам ещё остаётся, с такой — то несовершенной конструкцией организма! Только Компенсировать устройствами, — усмехнулась в ответ и рассеянно потёрла лоб. От пережитого волнения, не иначе, опять разболелась голова. Только на этот раз уже вяло, тупо и назойливо — можно терпеть, но настроения не улучшает.

Перед привалом мы сделали еще одну короткую незапланированную остановку: Нидар достал из рюкзака небольшой полотняный мешок и сложил в него несколько крупных ярко-фиолетовых овальных плодов, сорванных с травянистого растения вроде банана. На моё любопытство предсказуемо ответил, что это наш обед, отличный и питательный фрукт с длинным названием «тамрикартук», вполне пригодный и для людей: подобные харры выращивали целенаправленно и уже испытали на инопланетных гостях. А на ужин проводник пообещал поймать что-нибудь мясное.

До привала я шла, надеясь перетерпеть боль, и эта мысль отвлекала от всех прочих, в том числе — от анализа недавних событий и взглядов по сторонам. Шла, смотрела под ноги и на спину Нидара, боясь снова потерять его из виду, и на ходу массировала то лоб, то виски, то мочки ушей, смутно припоминая, что что — то из этого должно облегчать неприятные ощущения.

Но то ли помнила неправильно, то ли это был не мой случай, но на привале пришлось лезть за аптечкой, устроившись по указанию проводника в паре метров от мелкого ручья прямо на земле. Воду, заверив в её безопасности, рыжий набрал сам в небольшой кожаный мешок и положил рядом.

— Что-то случилось? Поранилась? — насторожился Нидар. Похоже, старинный символ — красный крест на белом поле, который украшал небольшую сумочку, — мужчина знал.

— Голова болит, — пояснила спокойно. — С момента прибытия. Наверное, к новому миру привыкаю. Сегодня уже совсем слегка.

— Странно, — задумчиво качнул головой рыжий. Но продолжать расспросы не стал, рассёк первый фрукт трюком на две половины, обнажив нежно-розовую мякоть с крупными жёлтыми косточками. — На, попробуй. Шкурку не ешь, она противная и жёсткая, а вот семечки тоже можно погрызть, вкусно.

С сомнением оглядев липкую мякоть, которую харр умудрялся ловко выгрызать прямо так, я достала из рюкзака ложку. Мужчина понимающе усмехнулся.

Плод действительно оказался вкусным, нечто среднее между персиками и бананами, я даже узнала этот вкус, что — то такое на Индре уже пробовала. И сытным: к концу первого я почувствовала, что наелась.

Головная боль отступила еще раньше, оставив после себя лёгкую слабость, апатию и — тоскливое уныние. В голову сразу полезли все те мысли, которые я с момента столкновения старательно от себя гнала. Я нахохлилась, зябко обняла себя за плечи; конечно, харр не мог этого не заметить. Он поднялся, что бы снова набрать воды, а потом опустился на корточки рядом со мной.

— Ты точно в порядке? — хмурясь, спросил он. — Точно только голова?

— Голова уже прошла, — отмахнулась с недовольной гримасой. — Просто до сих пор я сначала бежала, потом на дерево лезла, потом мы шли и она болела, и как-то не до того. А сейчас...

— Что — сейчас? — окончательно растерялся мужчина.

— Нас чуть не сожрали! — вздохнула мрачно. — А я повела себя как полная дура, сразу же нарушила твоё распоряжение и только чудом не попала еще кому-нибудь на зуб. Мерзкое ощущение. И я теперь не представляю, как дальше идти. И страшно, и тебя я, выходит, подвела...

— Не бойся, маленькая урши, — улыбнулся Нидар, как показалось, с облегчением и отечески-покровительственным жестом потрепал меня ладонью по макушке. — Не так всё плохо. И повела ты себя толково. На дерево осмотреться полезла? Или прятаться?

— Осмотреться. Я же понимала, что мы недалеко от реки.

— Хорошо. Ещё можно вдоль ручья идти, если такой попадётся, — сообщил мужчина. — Они тут все более-менее в подходящую сторону ведут, к реке выйдешь, а там понятно уже.

— Не нравится мне такой настрой, — вздохнула я и вымучила улыбку.

— Всякое может случиться, — философски возразил харр. — Но штуку эту свою не отключай, — он выразительно постучал себя пальцем по щеке. — К шуму быстро привыкнешь. Пойдём?

— Пойдём, — кивнула решительно и поднялась на слегка гудящие ноги. — Спасибо. Не знаю, правда, почему ты переменял мнение и не воспользовался поводом вернуться. Я же нарушила условия договора...

— А мне тоже уже захотелось туда пойти, давно не был, — улыбнулся проводник.

Остаток дня прошёл сравнительно спокойно. Во всяком случае, обошлось без серьёзных потрясений и, что радовало еще больше, без ошибок с моей стороны. Харр нередко застывал, пропуская мимо каких — то животных. Пару раз я даже слышала, как что — то большое ломится сквозь заросли, и искренне радовалась, что ломится оно мимо.

Один раз получилось не мимо. О приближении чего — то большого возвестила нарастающая дрожь земли, ткнувшаяся под колени. Нидар замер, как делал это обычно, насторожённо вытянувшись и приподняв уши, потом резко скомандовал: «Ко мне!» — и сам кинулся к ближайшему толстому дереву.

Я не заставила себя ждать, хотя дальнейшие действия аборигена вызвали вопросы. Он вжал меня в оплетающие ствол лианы так, что дышать стало больно, крепко вцепился в живые верёвки и, кажется, постарался стать по возможности плоским. Даже прислонился к зелени щекой, расфокусированно глядя прямо перед собой.

Дрожь земли всё больше нарастала, а я, не рискуя задавать вопросы, рассеянно размышляла о строении мышц харров. С ходу и не определишь, что твёрже, рыжий или дерево за спиной.

Интересно, а люди тоже такими бывают? Вот так крепко обнимали меня всего трое мужчин в жизни: двое парней, которые хоть и были дружны со спортом, но всё же не настолько, и отец, который силён, как бык, но он большой и довольно мягкий. Тех же, кто вёл подобный харрову образ жизни, я вообще среди знакомых вспомнить не могла. Ну разве что среди отцовских друзей найдутся, кто-нибудь вроде спецназовца дяди Майка, но лезть к ним с обнимашками мне никогда не приходило в голову.

Эти отстранённые мысли не мешали с интересом разглядывать вблизи гладкий подбородок мужчины, широкий нос, серебристо-серые тонкие пруттики вибрисс, из-за которых слегка искажалась форма челюсти и скул — наверное, там крепились дополнительные мимические мышцы, позволявшие двигать ратами. С одной стороны, интересно опять задаться вопросом, нахожу я чуждые лица аборигенов красивыми или нет, а с другой — в моём положении больше и смотреть не на что.

— Замри, — шёпотом велел Нидар, когда сверху посыпалась какая-то труха.

А потом заросли затрещали, выпуская существо размером со слона, только шире, массивней,

покрытое тяжёлыми роговыми пластинами брони. Следом за ним — ещё и ещё, они пронеслись мимо, появляясь из-за закрывающего нас дерева, так что морды я рассмотреть не могла. Некоторые пробежали очень близко, иные даже задевали боком дерево, отчего то вздрагивало и лианы под моей спиной дёрнулись. Над головой истошно верещала какая — то живность.

Один зверь налетел прямо на ствол, с рёвом проскреб кору, разрывая лианы не то бивнем, не то просто боком. К счастью, харр успел перехватиться, рванув меня за собой. Правда, вжал в дерево еще крепче, но жаловаться не приходилось: такие туши размажут по земле и не заметят, а сама я бы точно не удержалась. Только возможности смотреть по сторонам не осталось вовсе, теперь перед глазами было горло, ключица и плечо харра, а в висок и щёку впечаталась ляпка его рюкзака.

К счастью, долго это не продлилось. Стадо прошло, пробежала пара отстающих. Нидар для порядка выждал ещё десяток секунд и отстранился.

Я шумно вдохнула, закашлялась и едва удержалась от того, что бы тихонько стечь по стволу дерева харру под ноги. Тот, кажется, что-то прочитал по моему лицу, потому что придержал под локоть и обеспокоенно спросил:

— Ты в порядке?

— Да, сейчас буду, погоди, — закивала, на всякий случай цепляясь свободной рукой за ляпку его рюкзака. — Ну ты силён, а... И твёрдый — жуть! Такое ощущение, что меня между двух деревьев зажало!

Отвечать на это рыжий не стал, только улыбнулся иронично, а через несколько секунд я достаточно выровняла дыхание, чтобы уверенно держаться на ногах.

— Всё, отпускаяй, я вроде жива. Что их так испугало? А то, может, нам тоже стоит куда-нибудь поспешить?

— Что угодно, — отмахнулся мужчина. — Серьёзная беда согнала бы всех, а не только багрумов.

Хотя смотрел он в ту сторону, откуда пришло стадо, слишком задумчиво и внимательно, что бы я могла вот так с ходу поверить.

— Ты уверен?

— Пойдём, — он недовольно дёрнул хвостом.

Настаивать не стала, хотя про себя и отметила оставленный без ответа вопрос.

На ночлег остановились в десятке метров от берега небольшой речушки. Как объяснил харр, подобные частой сетью пронизывали лес, вытекая из раскинувшихся чуть в стороне болот, которые нам предстояло обойти по самому краю. Для ночлега Нидар с поразительной ловкостью и быстротой устроил небольшой шалаш из живых веток раскидистого куста, которые хитро загнул к земле и накрыл крупными широкими листьями найденной неподалёку пальмы.

Охота у мужчины тоже не заняла много времени, а меня он освободил даже от сбора топлива, оставив «стеречь лагерь». Найти сушняк тут было проблематично, поэтому для костра предполагалось использовать определённые местные породы деревьев — смолистые, они хорошо горели и в сыром виде.

— Чувствую себя совершенно бесполезной, — проворчала я, наблюдая, как сноровисто Нидар разделяет в стороне от разгорающегося костра тушку какого — то мелкого зверька. — Я точно ничем не могу помочь?

— Зачем? — Мужчина ответил насмешливым взглядом. — Я сам могу всё сделать.

— Я понимаю, но всё равно... Неудобно. Я мало того что днём дел наворотила, так еще теперь сижу, спам читаю...

— Что? — явно озадачила его последняя конструкция.

— Бездельничаю, — перевела на литературный язык.

— Маленькой урши скучно? — тихо засмеялся он.

— Маленькой урши стыдно, — возразила упрямо.

— Стыдно было бы мне, если бы я не смог позаботиться о женщине, за которую принял ответственность, — качнул головой Нидар. — Я ведь уже согласился проводить.

— Это у вас такие отношения между полами, — отмахнулась я. — А мы три века назад вообще прошли этап утраты значения института семьи, потом уже одумались. Ладно, неважно. Меня учили, что плохо бездельничать, когда другие работают, и мне от этого не по себе. Какая разница, женщина я или нет? Я тебя сюда потащила как защитника и проводника, а не кухарку и личную служанку. Я не совсем беспомощная, честно!

Харр искоса глянул на меня с непонятым выражением лица, немного помолчал.

— Ты обещала слушаться. Вот слушайся: отдыхай. Идти долго, успеешь еще устать.

— Подловил, ладно! Действительно, обещала, — признала я, но сдаваться не спешила. — Тебе-то чем плохо, если я помогу?

— А мне будет стыдно, если я сам не справлюсь с такой мелочью и заставлю делать что-то слабейшего.

— А как же слабейший станет сильнее и чему-то научится? — спросила я вкрадчиво.

— Хитрая и упрямая маленькая урши! — засмеялся рыжий. — Учиться хочешь?

— Учись всегда, учись везде... А дальше не помню, но точно какой-то умный человек сказал, — отозвалась весело.

— Иди сюда, — посмеиваясь, позвал харр. — Будешь учиться квиккока разделявать.

Два раза повторять я не заставила, пересела ближе, на ходу доставая из кармана складной нож — просто на всякий случай, а то троком я скорее себе полруки отхвачу, чем что-то тушке.

Орудие труда Нидар отобрал, с интересом осмотрел, проверил заточку и вернул с явным одобрением, после чего я уже с полным правом и с согласия мужчины принялась ему мешаться. Ну то есть учиться, конечно, но один бы он точно быстрее управился. Хотя сам проводник показал себя очень хорошим, терпеливым учителем: не рычал, не ругался, всё больше посмеивался. Когда я совсем уж откровенно делала что-то не то, он просто брал мою руку в свою и показывал нужное движение наиболее доходчиво. При этом мой кулак с ножом помещался в лапище харра целиком.

— Слушай, Нир, а сколько тебе лет? — спросила я.

Квикок к этому моменту был разделан, щедро смазан соком очередного растения в качестве маринада, нанизан на тонкие прутики и ждал своего часа завёрнутым в пальмовые листья у разгорающегося костра, возле которого Нидар забил в землю четыре рогатины.

— Двадцать четыре. Почему ты спросила?

— Так это, выходит, мы почти ровесники, — запнулась, пересчитывая на привычные годы. — Мне по — вашему где-то двадцать один. А спросила... Думала, может, ты старше в два раза, может, срочно пора отращивать почтительность.

— Почему ты так решила? — искренне удивился харр.

— Ты как-то странно ко мне относишься, «маленькой» вот называешь.

— А что, большая? — рассмеялся он и выразительно приподнял кисть моей руки, аккуратно удерживая двумя пальцами. Тоже, видимо, обратил внимание на соотношение размеров.

— Для своего вида — вполне среднестатистическая, — пожала плечами. — Это ты просто здоровенный, даже в сравнении с остальными харрами.

— Я мало общался с урши, и это были мужчины, — спокойно пояснил он. — Они больше и не кажутся такими забавными.

— Ну да, Бетро упоминал, что ты нас очень не любил, — вспомнила я, не обратив внимания на последнее замечание. Мне, может, тоже забавно на его хвост и уши смотреть, чего тут стесняться!

— А за что вас было любить? — Взгляд Нидара стал серьёзным, тяжёлым. — Урши убили моих родителей и брата. Я тогда был совсем мальчишкой.

— Извини, — пробормотала я неловко, опуская глаза. — Я как-то не подумала об этом.

— Зачем ты всё время просишь прощения? — после короткой паузы спросил он. — Ты же не имеешь к этому отношения.

— Извини, это... Тьфу! Форма вежливости такая, — пояснила со вздохом. — Я извиняюсь не потому,

что виновата в тех событиях, а потому, что напомнила тебе о них, заставила испытать неприятные эмоции. Ещё у нас часто извиняются за беспокойство, обращаясь к кому-то. Вежливость.

— Как сложно, — решил Нидар. — У нас просят прощения за вред, а не за слова.

— Да, я что-то такое помню, — кивнула неопределённо. — Выходит, мне повезло и ты подобрел?

— Я познакомился с другими урши. Узнал, что вы очень разные, что те были преступниками. Глупо продолжать сердиться на всех пришельцев сразу из-за того, что среди них есть голохвостые.

— Какие? — озадачилась я.

— Не все харры одинаково разумны, — спокойно улыбнулся Нир. — Это были известные... Банда по-вашему? — он запнулся перед незнакомым словом. — Давно, лет пятьдесят назад. Они брили хвосты, — мужчина выразительно дёрнул упомянутой конечностью, тряхнув пушистой кисточкой. — Всех давно поймали и наказали, слово осталось. Оттого, что такие были, все харры не становятся плохими. Почему урши должны?

— До многих людей эта мысль не доходит, — заметила я. — Но я помню, да, про вас даже предупреждают, что вы очень рассудительные и терпимые, и нарваться на проблемы можно только по собственной дурасти. Удивительно. Вы вроде бы изначально хищники, должны быть более агрессивными и нетерпимыми, а на деле — наоборот, среди вас куда больше понимающих и разумных существ, чем среди людей, всё прочее — редкие исключения. При этом вы преспокойно живёте на своей планете, с нашей точки зрения, довольно слабо развиты, а мы сколько лет космос осваиваем...

— А это разве связано? — Нидар насмешливо вскинул брови. — Мы повзрослели, вы — еще нет.

— Вот это-то и поразительно, что вы так быстро это сделали, а наша цивилизация старше и более развитая — и всё никак, — вздохнула я. — Куда-то не туда мы в древности свернули.

— Может быть, — проговорил он с лёгкой улыбкой в уголках губ и протянул мне горячий прутик. — Ешь. Должно быть вкусно.

Не обманул, квикок в маринаде действительно оказался хорош. Нежное кисло-сладкое мясо заставило почувствовать себя зверски голодной и безраздельно завладело моим вниманием, сразу стало не до разговоров. Нидар тоже явно проголодался, но он и мясом не ограничился, доел ещё пару дневных фруктов.

— Ложись, — кивнул он на шалаш. — Скоро дождь будет, не мокни.

— Ага, сейчас только, умоюсь.

Подход к воде я уже знала, в безопасности реки харр заверил еще раньше, так что сейчас только кивнул и сопровождать не пошёл. Много времени это не заняло, вернулась я расслабленной и довольной, позёвывая и насвистывая бодрый мотивчик. Правда, стоило взглянуть на Нидара, сразу стало понятно: неприятности дня ещё не кончились.

ГЛАВА 4. Охотники

Харр стоял на одном колене, чутко прислушиваясь к чему-то в лесной темноте и поводя вибриссами. Ладони его лежали на рукоятках кинжалов, и это обеспокоило меня гораздо больше, чем общая напряжённость позы.

— Мара, спрячься, — велел мужчина, не глядя в мою сторону. Чем дополнительно встревожил: он, кажется, первый раз назвал меня по имени. — Не в шалаш, вон туда, — махнул в сторону густого кустарника. — И не высовывайся.

Напомнив себе главное правило — сначала слушаться, потом спрашивать, — поскорее забила в тот куст, куда махал мужчина. На всякий случай достала «Осу» — вряд ли от неё может быть какой-то толк, но мне стало спокойнее — и улеглась в траве, так, что бы в просвет между листьями видеть поляну. Растерянно отметила, что у шимки стало гораздо меньше помех: кажется, куст экранировал сигналы, как и многие местные растения.

Пока я устраивалась, Нир тоже подготовился. Теперь он сидел на корточках между шалашом и костром, и со своего места я видела, что ножны на его боку опустели, наверное, кинжал переместился на землю. Мужчина облокотился на колени, сложил руки перед собой, накрыл ладонью кулак, и я готова была поклясться, что кулак этот не пустой.

Что же такое Нидар увидел или почувствовал? Слишком странная реакция на появление любого животного. А если не животные, то — что?..

Окинув взглядом моё укрытие, рыжий удовлетворённо кивнул и с равнодушным видом уставился в огонь.

Несколько минут харр сидел неподвижно, и о том, что он не спит с открытыми глазами, свидетельствовал только изредка нервно вспарывающий воздух хвост и насторожённые уши, одно из которых неподвижно следило за чем-то сбоку, а второе — подрагивало, поворачивалось, прислушивалось к голосу ночных джунглей.

Напряжение достигло пика, я совершенно уже извелась, стараясь не шевелиться и не дёргаться, когда и мой несовершенный слух уловил новый звук: сюда явно кто-то приближался, с треском проламываясь через заросли. Не багрум, что-то гораздо меньшее, но почти такое же шумное. Или мне просто так казалось от напряжения ожидания?

Теперь уже оба уха харра были направлены к источнику шума, а потом он и голову повернул, поджидая. И когда на поляну выбрались трое, я в первый момент не поверила глазам.

Это были люди. Хорошо вооружённые люди в лёгкой экспедиционной броне с поднятыми лицевыми щитками, но с опущенными «очками» ночного видения. Один с тяжёлой штурмовой винтовкой, какой-то модификацией старой доброй плазменной «Указки», которую он небрежно нёс на плече, двое — с чем попроще. У второго вообще оружие осталось в кобуре на бедре, а третий у нас на глазах вынул на свет «глиста». То есть, конечно, «ГИС-Т», но народ давно уже его переименовал. Ручное боевое оружие для операций на кораблях, выжигающее только органику.

По спине пробежал холодок, я нервно стиснула рукоять своей крошечной «Осы».

Провалиться мне на дно, да что вообще происходит?!

— Без резких движений, хвостатый, — заговорил тот, который не вынимал оружия, а двое других взяли Нидара на прицел. — Где девка?

— Ушла в туалет, — спокойно ответил харр, не шевелясь. Даже хвост прижал к ноге, чтобы не выдавать лишних эмоций.

— Куда?

Рыжий указал взглядом в сторону, как и велено, не делая резких движений.

— Посмотри, — велел старший тому, что с «глистом». Боец послушно зашагал, куда послали, тихо матеря себе под нос планету и её леса, в которых нормально не работают даже тепловизоры.

Нир едва заметно прижал уши, рассеянно разглядывая двух противников, слегка переменял позу. Боец с винтовкой даже не обратил на это внимания, разглядывая не столько харра, сколько лагерь. Командир и вовсе сцепил руки за спиной.

Несколько вязких, долгих мгновений тишины — и мир взорвался с жутким грохотом. Я сжалась, не сразу сообразив, что это начинается обещанная Нидаром гроза: слишком громко, слишком близко и неожиданно ударил гром. А тип с винтовкой и вовсе дёрнулся, испуганно заозирался.

Эта ошибка стала последней. В свете костра блеснул металл, «Указка» негромко ухнула, выплюнув стужок плазмы куда-то вверх и вбок, и стукнулась оземь. Огонь с шипением прошёл сквозь дерево и листву, вокруг отчаянно заверещал, кажется, весь лес разом, а через мгновение, хрипя, рядом с оружием завалился его хозяин, зажимающий пробитое горло ладонью в перчатке. Почти сразу на землю осел командир этого небольшого отряда, который даже не успел выхватить оружие.

Третий, с «глистом», почти вернулся к этому моменту, поэтому смерть товарищей застал. Ругаясь, выстрелил в то место, где секунду назад сидел Нидар, но тот оказался быстрее. Ещё выстрел, ещё... а потом он дёрнулся, замер и рухнул плашмя, выпронив оружие.

— Молодец, — ровно похвалил Нир, поднялся на ноги, встряхнулся. — Выходи, всё. Не думал, что ты выстрелишь.

— А что там думать, это же парализатор! — отозвалась я, выбираясь из кустов и избегая смотреть на трупы. К которым как раз первым делом направился харр, что бы вернуть свои ножи.

— То есть он жив? — явно заинтересовался мужчина. — Хорошо, сможет ответить на вопросы. Ты знаешь, как снимается эта скорлупа?

— Да, — ответила неуверенно и подошла к отключённому бойцу. Внимательно осмотрела стыки пластин, нажала в обозначенных маркировкой местах, заставляя «скорлупу» распадаться на отдельные фрагменты, и начала стаскивать их по одному.

Нидар, до сих пор очень пристально наблюдавший за процессом, тут же вмешался, не позволяя мне самой ворочать крупного мужчину.

— Давай я.

Ободрал броню, шустро и накрепко связал человека извлечённой из рюкзака верёвкой, а сегменты сложил кучкой немного в стороне.

— Погоди, — набралась я наглости. — Я его оружие возьму, вдруг пригодится.

— Зачем? — харр поднял на меня пристальный, тяжёлый взгляд, не вяжущийся с его обычной манерой общения.

Да вообще всё его поведение сейчас не вязалось. Спокойный, деловой, убивающий без малейших сомнений... Нет, предъявлять ему по этому поводу претензии я не собиралась: очевидно же, что ничего хорошего от этих громил ждать не приходилось, зачем бы я им ни понадобилась. И понятно, что харры к крови и смерти в целом относятся совсем не так, как я. Но...

— На всякий случай, — пояснила, пожав плечами.

— И ты сумеешь без сомнений забрать жизнь? — вопросительно вскинул брови Нир, улыбнувшись уголками губ.

— Не уверена, но не обязательно же убивать. Можно, например, выстрелить в ногу...

— Ладно, — после короткой паузы всё-таки кивнул харр. Кажется, не поверил, просто не пожелал спорить из-за такой ерунды. — Собери вещи. Сколько он будет без сознания?

— Недолго, пару минут.

— Хорошо. Иди.

Я послушно поднялась с места и принялась суетливо сворачивать лагерь, избегая смотреть в сторону мужчины, который возился с трупами. В голове толкались бесчисленные вопросы, сводившиеся в сущности к одному: что это было?! Кто эти люди, что им от меня надо, как они выследили нас в этом лесу?!

Когда свернула спальник и выползла из шалаша на неровный свет пламени, наша полянка приобрела гораздо менее пугающий вид. Трупы пропали, у костра горкой свалены элементы брони, которую рыжий явно стащил со всех троих, особняком — винтовка и командирская пушка в кобуре. В костре, воняя и щедро чадя, что-то ярко горело. Судя по тому, что единственный оставшийся здесь бандит лежал совершенно голым, это была их одежда.

— А зачем ты сжёг?.. — растерянно спросила я, переводя взгляд с костра на сидящего на корточках возле тела харра.

— Не хочу мусорить, — отозвался тот.

— А тела где?

— Убрал, — отмахнулся Нидар. — Иди сюда, смотри. Очнётся, будешь переводить, если откажется говорить. Я верно понял, ты не знаешь, кто это и что им нужно?

— Нет. И вряд ли это... законопослушные граждане.

— Хорошо, — удовлетворённо кивнул рыжий и опять уставился на пленного.

— А куда ты их убрал? — спросила я, потому что тишина, нарушаемая редкими громовыми раскатами, давила на уши. — И почему тут так хорошо слышно гром?..

— С грозой всегда так, в лесу далеко слышно. А убрал... Туда, — он неопределённо махнул рукой в сторону.

— А раздел зачем?

Нидар смерил меня новым испытующим взглядом и ответил ровно:

— Падальщики быстро разберутся с трупами, а всё лишнее только усложнит им задачу.

Вин! И зачем я спросила?..

Я проглотила все просящиеся на язык замечания по этому поводу и за неимением других развлечений принялась рассматривать пленника. Нагота его после всех событий вечера смущала мало, да и сам он, строго говоря, меня не очень интересовал. Просто надо же на что-то отвлечься!

Темнокожий, среднего роста, крепкого сложения, на правом плече старый белый шрам от ожога, плохо залеченный — ещё одно свидетельство того, что он не состоит на службе ни в каких силовых подразделениях. Дядя Майк — всё тот же отцовский друг — заверял, что все боевые ранения, да и небоевые тоже, в ведомственных госпиталях лечат очень аккуратно, даже показывал следы, которые мало походили на это безобразие.

Человек судорожно выгнулся всем телом — первый признак окончания действия «Осы». Несколько раз хаотически дёрнул связанными ногами, плечами, головой. Потом открыл глаза, не сразу сфокусировал взгляд, а когда сфокусировал — кажется, собрался заорать. Не успел.

— Тихо, — уронил Нидар, поменяв позу: опустился на колено, одной рукой придержал пленного за горло, а второй — прижал нож к паху лежащего. Тот испуганно заскулил на одной ноте. — Говори. Кто вы такие?

Вопросы Нир задавал чётко, коротко, по существу, а пленный не стал изображать героического разведчика в руках врагов и заговорил, спешно вываливая всё, что знал.

Впрочем, знал он немного. Наёмник, заплатили за работу на дикой планете. Приказы отдавал тот командир, которого убил Нидар, более высокого начальства не видел. Народу нагнали много, в их лагере чуть ниже по течению реки, которую мы переходили вброд, — двадцать человек. Лагерь, вероятно, не один, а сколько их — неизвестно. Цель тоже непонятна, но, кажется, что-то эти люди хотели от того многострадального храма. Зачем понадобилась я — неизвестно. Было велено притащить живой и здоровой, судьба сопровождающих никого не интересовала.

Засекли нас еще на переправе, выследить сумел как раз вот этот самый тип: он умел читать следы. Не слишком хорошо, по собственному признанию, но мы не очень-то прятались. Имелись или нет среди наёмников другие следопыты — не знал. Из всех наёмников знаком был примерно с половиной, они работали одним отрядом, среди них точно не было.

Всё. Больше никакой пользы «язык» не принёс.

— Возвращаемся? — тоскливо спросила я.

Харр медленно качнул головой.

— Нас возьмут на берегу. Нельзя.

— Может, просто позвать на помощь? Ты не можешь связаться со своими? — предложила тревожно. — А они бы передали всё нашим... шретам.

— Нет. Пойдём в храм. Бери вещи, иди к ручью, я догоню.

Я снова проглотила всё, что хотела сказать, подхватила свой рюкзак и двинулась, куда велели. Позади опять заскулил пленный, запросил пощады... А я постаралась плотнее зажать уши и стиснула зубы, потому что участь наёмника не оставляла сомнений. И моё слово ничего не изменит.

Отдохнула, съездила в отпуск, разобралась со странными снами! Провалиться мне на дно, куда я

вообще вляпалась?! И главное, как теперь отсюда выпутываться?..

Нидар подошёл совершенно бесшумно и привлек моё внимание, коснувшись локтя. От неожиданности я шарахнулась вбок, хватаясь за кобуру. Харр никак на это не отреагировал, спокойно дождался, пока переведу дух, и спросил, протягивая винтовку и третье оружие в кобуре:

— Ты знаешь, как можно это необратимо вывести из строя?

— Давай попробуем, — кивнула неуверенно. — А ты не хочешь их использовать? И броню.

— Зачем? — он пожал плечами. — Без них удобнее.

— Ну да, прошлых хозяев всё это не спасло, — нервно усмехнулась я.

— Эта скорлупа приносит больше вреда, чем пользы, — заметил рыжий, пока я пыталась раскурочить «Указку». — Она усыпляет осторожность, заставляет чувствовать себя неуязвимым. Урши думают, что оружие и броня делает их сильнее, но наоборот, они ослабляют. Давай я. Сюда бить? — Он отобрал камень, которым я собиралась разбить управляющий блок.

Там, на берегу, мы бросили испорченное оружие, присыпав прелой листвой, и зашагали прочь. Нидар, прекрасно ориентировавшийся в темноте, впереди, я в очках ночного видения, добытых из рюкзака — следом. Они работали гораздо лучше шимки в ночном режиме, но делали мир почти чёрно-белым и очень контрастным, тоже не самое приятное ощущение, но доставать фонарик я не рискнула, мало ли как на него отреагируют лесные обитатели. Через несколько секунд рыжий остановился, оглянулся и молча обвил кончиком хвоста моё запястье, чем вызвал только короткий нервный смешок.

А потом над головой громко зашелестело, и лишь спустя какое-то время, когда первые капли просочились сквозь плотные кроны и упали на макушку, я сообразила, что наконец пошёл дождь. Надвинула капюшон. И поняла, что от пережитого стресса меня начинает потряхивать.

— Нир, стой! — окликнула его.

— Что такое? — насторожился мужчина.

— Ничего, я просто хотела выпить лекарство.

— Опять голова?

— Нет, нервы, — усмехнулась криво. — У меня там есть пара полезных препаратов, которые помогут взбодриться.

— Зачем? — нахмурился он.

— Ну знаешь ли! Не каждый день на моих глазах режут наёмников, которые почему-то охотятся за мной! — возмутилась в ответ, вытаскивая из рюкзака заветную аптечку, а из неё — аппликатор с нужным средством. — И лезть туда, где меня наверняка ожидают с непонятными, но однозначно неблагородными целями, тоже, знаешь ли, совсем не хочется. Меня уже трясёт! И если ты не хочешь получить истерику...

Я осеклась, когда мужчина осторожно сжал моё плечо.

— Не бойся, маленькая урши, — проговорил он тихо, мягко, едва ли не промурлыкал. — С тобой ничего не случится. Обещаю.

— Хотелось бы верить, — закончив и убрав аптечку, я криво усмехнулась в ответ. Раздражённо утёрлась рукавом: по запрокинутому, чтобы смотреть на харра, лицу тонкими ручейками стекала вода, срывалась с подбородка и норовила попасть за шиворот. Одно утешение, она была тёплой. Правда, мокрый снаружи рукав помог мало. — Что мы будем делать, когда дойдём до храма? Нас наверняка станут ждать именно там. Я вообще не понимаю, зачем ловить меня заранее, если мы всё равно туда идём, и они наверняка это прекрасно понимают! Может, дело вообще не в нём? Может, меня из-за чего-то другого пытаются поймать?

Сказала и сама поняла, как глупо это звучит. Зачем нагонять сюда такую толпу наёмников? Уж точно не ради поимки одной безвредной девчонки! Скорее, меня решили прихватить заодно, раз уж удачно попала под руку, и это не может быть связано с чем-то вне Индры. А значит, дело в храме. Потому что, кроме той истории с экспедицией, в моей биографии интересен только отец, но вряд ли он кому-то интересен *настолько*.

— Дело в храме, — уверенно повторил мои мысли Нидар и потянул дальше. Всё так же «на верёвочке», хвостом удерживая запястье. — Может, не хотели ждать.

— А какая разница, если всё равно потом идти? Здесь же вроде чревато использование техники. — Разговор отвлекал от мрачных мыслей или успокоительное уже подействовало, но мне стало легче, руки перестали трястись, а мысли — хаотически, заполошно метаться.

— Не техники, ваших сложных игрушек, — возразил тот.

— Имеешь в виду, у них тоже может быть вертолёт? — сообразила наконец. — Ну... если им действительно что-то настолько нужно, что нагнали сюда толпу вояк, могли и на технику не... ой! Извини.

Я запнулась о невидимый в темноте корень, который не сумел различить прибор, и полетела бы носом в хлюпающую под ногами грязь, если бы не Нир. Он сначала подсёк меня хвостом, словно вываживая рыбу, а потом ещё успел обернуться и подхватить под локти.

— Скоро остановимся, — заверил, игнорируя как мою неуклюжесть, так и извинения. — Как найду подходящее дерево.

— Дерево?

— Увидишь, — улыбнулся рыжий.

Грива его от влаги слиплась и облепила голову и плечи тёмными щупальцами. Уши были чуть прижаты, наверное, чтобы в них не затекало, и только это обстоятельство давало понять, что харр вообще замечает непогоду, которая явно не доставляла ему особенных неудобств. Наверняка привык, даже не пытался вытирать лицо, а я то и дело фыркала, пытаюсь избавиться от ползущих по щекам и застывших глаза капель.

— Так получится быстрее, — окинув меня задумчивым взглядом, кивнул он каким-то своим мыслям. Сбросил со спины рюкзак, повесил его вперёд и, отвернувшись, присел на корточки. — Садись.

— Мне кажется, это...

— Садись, маленькая урши. Я не хочу, чтобы ты в темноте свернула шею.

Помешкав пару секунд, я всё же послушалась. Да и возражала больше из вежливости, потому что... да, мне тоже совсем не хотелось свернуть шею. Не говоря уже о том, что ноги, не получившие ожидаемого отдыха, неприятно гудели. А совесть мою слегка успокаивало то обстоятельство, что тащить он меня собирался не на руках, а на закорках. По опыту знаю, так проще: сама младших, бывало, таскала, будучи ненамного их старше.

— На шею не дави, — предупредил он и встряхнул меня, поправляя. Сдержать испуганный вскрик я сумела, а вот не вцепиться крепче в пытающуюся уйти из-под рук опору — нет.

Издевается, что ли?

— Извини, — виновато буркнула, перехватываясь за плечи. — Но всё-таки предупреждай, когда так делаешь.

— Да, я помню. Ты говорила, — ответил он смешком и быстро зашагал сквозь заросли, благо тут они были не настолько густыми и прорубаться не приходилось.

— Но всё-таки зачем им понадобилась я? — пробормотала я тихо. — И с кем они собираются сражаться таким количеством?

Нидар выразительно пожал плечами, но всё же проговорил:

— Что-то ведь случилось тогда, когда погибли урши. Наверное, в этом дело.

— Но никто не знает точно! Следователи, правда, очень неохотно отвечали на мои вопросы, и, может быть, не знаю я, а у них больше информации? Может, правда до чего-то дошли?.. Может, нашлись пропавшие охранники и что-то рассказали? Может, официальная версия не так уж неправдоподобна и это действительно они виноваты? Нашли каких-то поделщиков, вернулись... Но тогда зачем столько лет ждали?! Да даже если так, не представляю, ради чего эти явно небедные люди могли бы начать так суетиться! А ты как думаешь?

— Я думаю, мы пришли, — спокойно ответил Нир. — Держись крепче, я поднимаюсь вверх.

Такие деревья я уже встречала в местных лесах. Они попадались реже, чем стройные исполины с высокими кронами, но всё же экзотикой не казались. Толстенный, гладкий ствол начинал ветвиться почти у самого корня, образуя плотный кокон толстых, причудливо закрученных спиральями ветвей, на которых росли огромные листья-лопухи, каждый чуть ли не с меня размером.

Идея ночлега в его кроне не показалась настолько уж безумной. Я вряд ли смогу уснуть, сидя как птичка на жёрдочке, но такое укрытие казалось более безопасным, чем шалаш на земле. Даже странно, что в прошлый раз Нир рискнул устроиться внизу.

— Постой, давай я лучше сама. Я справлюсь, так точно будет удобнее.

— Хорошо. — После мгновенного раздумья Нидар поставил меня на землю и кивнул на ближайшую огромную ветку, перемещая рюкзак на спину. — Вперёд.

Выглядел он предельно серьёзным и невозмутимым, и я решила, что ехидство в последней команде мне почудилось.

— Сейчас, погоди, я одно важное дело сделаю, — предупредила, прячась от спутника за стволом дерева: физиологические потребности никуда не делись.

Главное неудобство вот таких путешествий — туалет под ближайшим кустом. Если бы не это, я бы, может, с удовольствием жила в лесу чуть ли не на постоянной основе. Конечно, есть ещё одна большая проблема, отсутствие нормальной ванны или душа, но тут современные технологии немного выручали: бельё очищало и себя, и кожу. Да, дорого, но в таких условиях без него вообще непонятно, как выживать! Хоть частичное ощущение чистоты...

Свои способности по части древолазанья я переоценила, всё-таки ветки оказались слишком огромными, чтобы цепляться за них было легко, да и усталость сказывалась. Конечно, задавшись целью, я бы всё равно вползла наверх, но рыжему не хотелось ждать, и он регулярно меня подсаживал: то давал опору ноге, то колену, то вообще подталкивал в попу, как ребёнка.

Но и о том, что начала взбираться самостоятельно, я не пожалела. На спине харра было бы гораздо страшнее и, подозреваю, неудобнее: порой ветки очень тесно сближались, и даже мне было сложно между ними протискиваться, что уж говорить о более крупном мужчине! Так что в любом случае пришлось бы в какие-то моменты двигаться самостоятельно, и вряд ли в итоге вышло бы быстрее.

К счастью, слишком высоко Нидар не полез, поднялся туда, где начинались листья, присмотрел удобное место, где тесно сближались две ветки, поправил пару листьев так, что бы закрывали от дождя.

— Вот тут и переночуем.

— Не уверена, что смогу уснуть, — призналась честно.

— Почему?

— Высоко и ненадёжно. Я высоты не боюсь, но всё-таки не кошка — спать на дереве. И после всего этого.... - я неопределённо мотнула головой вбок.

— Я буду тебя держать, — заявил харр. Уселся на ветку верхом, прислонился спиной к стволу и выразительно похлопал по «жёрдочке» перед собой. — Садись. Нужно хоть немного отдохнуть.

Я тяжело вздохнула, но, признавая справедливость сказанного, принялась гнеститься в охалке рыжего. Поначалу попыталась дистанцироваться, но потом плюнула на эту глупость и откинулась на широкую грудь харра. Какая уж тут вежливость, такт и сохранение личного пространства! Сон важнее.

В итоге мы разместились на удивление уютно. Нидар скрестил лодыжки у меня под коленями, зацепился руками за лямки моего рюкзака, приобнимая за плечи и заодно придерживая. Я немного поёрзала, тихо ворча себе под нос, что если и засну, то к утру у меня затечёт решительно всё, и у рыжего — тоже. Но тот только молча посмеивался. Всё-таки удивительно терпеливый мужик!

Спала я... странно. Словно тонула в чём-то чёрном и вязком, то и дело окунаясь с головой. Липкое, неприятное ощущение.

Во сне звучала музыка, если можно так назвать эти звуки, напоминающие о чём-то древнем, шаманском: мерный стук барабана, тянущий несколько нот странный вибрирующий голос — не то живого существа, не то какого-то инструмента. И эти звуки пронизывали собой мешанину из событий долгого, трудного дня, вытягивая на поверхность все пережитые страхи и рождая новые.

После каждого видения я словно поднималась ближе к поверхности этой топи, сознавала себя спящей, пыталась повернуться, досадуя на неудобство постели, и опять проваливалась в новое сновидение. Но даже в такие моменты музыка как будто не стихала.

Проснулась окончательно я, кажется, именно тогда, когда в голове наступила тишина. Вернее, именно по этой тишине определила, что уже не сплю, что вокруг давно рассвело и чувствую я себя

на удивление неплохо. То есть в душе по — прежнему мутный неприятный осадок и дурные предчувствия, но мыслей повторно закинуться успокоительным нет.

А когда я сообразила, в каком положении нахожусь, предмет раздумий и вовсе кардинально поменялся. За ночь я умудрилась перевернуться на живот и теперь лежала, не просто уткнувшись носом в шею харра, но еще и обнимала его обеими руками под жилеткой. Причём мужчина отвечал тем же: одна его ладонь лежала у меня на спине под рюкзаком, а вторая — вольготно разместилась на попе.

Не спеша шевелиться, я задумалась, что делать. Первую идею, отстраниться и извиниться, быстро отогнала. Вот ещё не хватало начинать строить из себя недотрогу и неиспорченность! Тем более... приятно же ради разнообразия пообниматься с живым мужиком в реальности! Ну не человек, ну с хвостом и ушами, но симпатичный же. И тело у него такое, что просто стыдно не воспользоваться возможностью. Да и не делаю я ничего неприличного.

Не смогу сделать, даже если захочу. Потому что мышцы затекли так, что я не чувствую ног, какие уж тут неприличные радости тела!

Да и не только ног...

— Выспалась, маленькая урши? — ровным, совсем не сонным голосом спросил Нидар и, кажется, даже обнял меня покрепче.

— Ну так, — пробормотала неопределённо. — Боюсь пошевелиться, ноги затекли. И спина. Всё-таки спать в такой позе — то еще приключение... Я не очень тебя пинала? — спросила, не предпринимая попыток освободиться.

— Не очень, — в голосе рыжего послышалась улыбка, которая быстро пропала: — Тебе снилось что-то плохое?

— Ну после такого вечера было бы удивительно, если бы приснилось что-то хорошее! — отозвалась я с нервным смешком. — А как ты это определил?

— Ты всхлипывала и дрожала. И бормотала что-то, я не понял. Наверное, на своём языке.

— Короче, понятно, поспать спокойно я не дала и тебе. Извини.

— Мне хватило, — спокойно возразил Нидар, перехватил меня под мышки и потянул, легко повернул на спину. Потом сел сам и принялся уверенными, отточенными движениями разминать мне бёдра.

— Ты что делаешь? — всё-таки не выдержала я.

— Ты же сказала, что затекли ноги. — Я почувствовала, что он пожал плечами.

Так. Кажется, я окончательно перестала что-то понимать.

Конечно, такая забота приятна, а всяческий подтекст... Вскоре начал восстанавливаться кровоток и я окончательно перестала видеть в процедуре какие-то посторонние намёки, только шипела от боли сквозь зубы. Но уж слишком охотно этот харр со мной нянчится, подозрительно. Конечно, все его действия при желании можно объяснить практической необходимостью: и таскать меня на плечах ему, может, проще, чем ждать, и спать на дереве спокойней, а что пришлось держать меня всю ночь в охалке — так только ради безопасности. И вот сейчас проще помассировать мне ноги, чем пытаться спустить так. Но всё равно — странно.

— Нир, почему ты со мной так возишься? — спросила в итоге, заодно отвлекая себя от неприятных ощущений.

— Как — так?

— На руках таскаешь, ноги вот разминаешь, хотя с последним я бы и сама справилась. Я, конечно, очень тебе благодарна и не в претензии, но что-то подсказывает, будь на моём месте мужик, ты бы над ним так не тряся.

Нидар помолчал несколько секунд, кажется, в смятении, а потом озадаченно проговорил:

— Как тебе такое только на ум пришло... Нет, я бы, конечно, не стал так заботиться о мужчине.

— Ага. Тогда остался один вопрос: а ты вообще как меня воспринимаешь, как девушку или как ребёнка?

— Всего понемногу, — засмеялся он. — Зачем тебе это?

— Интересно. Нам предстоит провести наедине еще несколько дней, и я пытаюсь понять, чего от тебя ждать. То есть понятно, что вряд ли чего-то плохого, но хотелось бы деталей.

— Ты меньше ростом, чем наши женщины, — после короткой паузы проговорил рыжий. — Уже в плечах и слабее физически. А еще урши говорят и ратят неправильно, ближе к детям, чем к взрослым харрам. Поворачивайся, — скомандовал он, но дожидаться, пока соображу, куда именно, не стал и, чуть отодвинув меня, развернул к себе лицом, что бы заняться голеньями. — Поэтому иногда я чувствую тебя ребёнком. Но голос и поступки взрослые, красивое женское тело, приятное, хотя и немного чуждое, лицо. Красивый, необычный цвет волос, у нас таких светлых и солнечных не бывает. Глаза яркие, голубые, мне такой цвет больше всего нравится. Поэтому в остальное время я вижу привлекательную молодую женщину. И... возиться с тобой приятно. Особенно во втором случае. Достаточно деталей? — он бросил на меня насмешливый взгляд.

— Кхм. Более чем, — медленно кивнула в ответ.

Нет, я знала, что харры прямолинейны, особенно мужчины, но к такому оказалась не готова.

А впрочем... Нашла из-за чего дёргаться! Ничего такого шокирующего он, если подумать, не сказал, и если совсем уж честно, я и сама о нём нечто в том же духе думала. Ведь хорош же! Даже жаль, что инопланетный дикарь с хвостом и мохнатыми лапами.

— Лучше? — спросил Нидар.

— Да, пожалуй, — опомнилась я, сообразив, что и боль уже прошла, и ладони харра на голеньях начинают ощущаться совсем иначе. — Двигаемся дальше?

— Пойдём. Пить хочешь?

— Хочу, но есть — больше.

— Сейчас найдём что-нибудь.

Спустились мы быстро, а через несколько минут вышли к очередному ручью, где Нир оставил меня умываться и вообще приводить себя в порядок. Вернулся он вскоре с новыми фруктами: ярко-оранжевые, размером с крупный апельсин, они представляли собой толстостенные мешочки с густой вязкой белой жидкостью, в которой плавали мелкие семечки. Жижа оказалась ужасно сладкой, а вот мякоть приятной — мучнистой, чуть пряной.

— Удивительно, сколько тут всего съедобного, — заметила я. — А ядовитые плоды есть?

— Есть. Вон, например, — Нир кивнул на растущий неподалёку невысокий куст, облепленный густосиними крупными ягодами. — Умереть не умрёшь, но приятного мало. Ешь, с собой брать не будем, маруки совсем не хранятся. А то можно было бы не охотиться.

— Почему?

— Они очень сытные. Самый сытный фрукт из тех, которые я знаю.

— Нир, ты вчера так и не ответил, что мы будем делать, когда придём к храму? — спросила через пару минут. — Там же наверняка будут эти.

— Подождём помощи, оттуда её проще позвать.

— Почему? — растерялась я.

— Потому что проще, — рыжий недовольно дёрнул ушами, всем видом давая понять, что других пояснений не будет.

Ну и ладно.

— А как ты думаешь, остальные будут нас преследовать? Они ведь наверняка забеспокоятся, когда те трое не придут, найдут их броню. И... тела.

— Вряд ли.

— Вряд ли — что?

— Вряд ли найдут тела, — спокойно пояснил мужчина. — В лесу пища надолго не залёживается... Ты чего? — озадачился он, когда меня на этих словах перекосило, и я поспешно закрыла рот ладонью, отложив марук.

— Слушай, я всё понимаю, ты циничное и суровое дитя природы, и если бы ты их не убил, то они бы

убили тебя и со мной что-то нехорошее сделали. И что падальщикам без разницы, что жрать. Но... вин! Мне противно думать о людях как о пище. Да, даже несмотря на то, что я понимаю и признаю справедливость сказанного!

— Вечно вы всё усложняете! — качнул головой Нидар. Но тему великодушно сменил. — Преследовать могут, но мы отобьём у них такое желание. В лесу это несложно.

— Из-за их самонадеянности? И веры в оружие?

— Да, в основном.

— И что, ты будешь мастерить ловушки? — оживилась я. — Ну там всякие колья строгать, волчьи ямы делать, это которые с такими кольями на дне...

— Какая у тебя богатая фантазия! — харр удивлённо вскинул брови.

— Честно говоря, это не у меня фантазия, это у земных киношников. Ты даже не представляешь, сколько у нас таких придуманных историй про всяких одиноких героев в лесах и джунглях, которые примитивными средствами борются со злыми врагами.

— Пока я буду копать ямы и строгать колья, они успеют найти нас просто случайно, не прилагая усилий. Да и броня их от такого защитит, — весело фыркнул Нидар. — Зачем эти твои герои такое делают, если у них столько времени?

— По-разному, — уклончиво ответила я, но потом всё-таки созналась: — Я, честно говоря, не помню. Но такие фильмы смотрят не ради сюжета, а ради приключений. А если не будет кольев, то как ты собираешься их останавливать?

— Не я. Лес. Увидишь, — не стал вдаваться в подробности мужчина. — Пойдём.

Что рыжий имел в виду, я поняла очень быстро. Если раньше мы с ним аккуратно обходили опасные места, то теперь харр прокладывает путь напрямую, а может, даже старался выбирать наиболее рискованные участки. И было у него одно неоспоримое преимущество перед преследователями: он отлично знал повадки местных опасных тварей, а вот пришельцы — нет.

И я узнала очень много нового о растительном и животном мире Индры. Конечно, обошлась бы и без таких знаний — может, спала бы лучше, — но один полезный вывод всё же сделала: этот лес действительно способен постоять за себя. Здесь слишком много ядовитых тварей. Может, будь наёмники одеты в броню более тяжёлого класса или хотя бы носи эту полностью закрытой и с хорошими воздушными фильтрами, большинство угроз оказались бы им безразличны. Но судя по тем преследователям, которых мы видели, они слишком безалаберно относятся к этой планете и недооценивают её.

Всё же Нидар абсолютно прав в том, что говорил об оружии и броне. Я и раньше подобное замечала, за собой в том числе, просто не было случая задуматься.

Достижения цивилизации, безусловно, полезны, они облегчают жизнь, но дают призрачное ощущение полного контроля над обстоятельствами и окружающим миром. Мы кажемся себе всезнающими и всемогущими, и сложно поверить, что какие-то кусты на чужой планете с удовольствием подзакусят не только нами, но и всеми нашими средствами защиты. Конечно, всевозможных первопроходцев и профессионалов, работающих в подобных условиях, это не касается, они прекрасно знают, чем может обернуться любой неосторожный шаг. Но простые люди слишком самонадеянны, а Индра — обманчиво прекрасен и кажется обжитым, хорошо изученным. Местные-то ходят по этим джунглям как будто без опаски!

Да, сейчас нам противостояли наёмники, люди бывалые и подготовленные, но вряд ли они привыкли действовать в условиях диких, неисследованных джунглей. Если даже следопыт, то есть человек как будто специально обученный, пренебрегал не только фильтрами, но даже лицевыми щитками брони, то от остальных тем более не приходилось ждать осторожности. Может, только в том случае, если кто-то из них погибнет на глазах товарищей, но... Вряд ли при таком раскладе они продолжат преследование, скорее уж правда — встретят в храме.

Всю дорогу я силилась понять, что могло заставить некоего весьма богатого человека затеять эту возню. Организовать такую операцию ведь очень дорого, а действует тут наверняка частное лицо, не ИСБ или кто-то в роде.

Что настолько ценного нашла экспедиция, о чём я умудрилась забыть? Даже если отбросить изначально живущую во мне уверенность, что пропавшие охранники тут ни при чём, и допустить, что именно они кому-то рассказали о находке.

Деньги? Разве что месторождение чего-то очень ценного и редкого, но месторождение — совсем не

тот куш, ради которого стали бы рисковать прямо сейчас. Да, именно с такой целью пришли на Индру нечистые на руку первооткрыватели, которых вытурило правительство. Ну, не считая биоресурсов. Но теперь, когда за этим миром наблюдают, ввязываться в незаконную добычу чревато, такое долго не утаишь, а работы должны вестись постоянно.

Информация? Но никаких великих открытий экспедиция совершить не успела, мы вообще очень недолго пробыли в храме. И вряд ли что-то резко изменилось за тот день, который выпал из моей памяти. Да даже если отвлечься от действительности и провала в ней, опираться только на теории и мои сумбурные сны, я просто не представляю, что там может быть такого впечатляющего, ценного или шокирующего! Те, кто это построил, создали земную цивилизацию? Даже если закрыть глаза на цифры и прочее, то... Ну нет в этом ничего настолько важного! Вернее, важное-то может быть, но только с точки зрения науки, из этого никак не получить выгоду.

Разве что допустить, будто там сохранились некие потрясающие воображение древние технологии... Но какие? Как?! Сейчас это просто груда камней! Да, хорошо сохранившаяся груда, но не настолько же! Если там когда-то было нечто более интересное, оно уже давно истлело и поросло травой.

А впрочем...

Что-то же случилось с экспедицией. И либо стоит поверить официальной версии при всей её зыбкости, либо... Что? Не представляю. То есть вариантов множество, всё это было описано много раз до моего рождения всевозможными писателями и сценаристами. И мыслей много, только дельных среди них нет: в голову лезут откровенно бредовые конспирологические теории.

— Нир, а почему всё-таки харры избегают этого храма? — спросила я на привале. — Неужели из-за одной только давящей атмосферы?

— А этого мало? — рыжий озадаченно вскинул брови. — Много хороших, приятных мест для жизни, зачем загонять себя туда?

— Ну не обязательно ведь там жить, просто... Вам что, совсем не интересно?

— Что не интересно?

— Кто, зачем и когда это построил? Кому там поклонялись? Почему сейчас у вас вообще нет религии? Кто были эти бесчувственные боги? Почему в итоге погибли? Как вышло, что этот храм столько простоял и до сих пор не разрушился под напором леса и атмосферы?

— Нет.

— Что — нет?

— Не интересно, — улыбнулся Нир. Несколько секунд насмешливо разглядывал совершенно оглушённую таким ответом меня, после чего добавил: — А зачем? Мы знаем, что они слишком увлеклись делами разума, забыв о чувствах. Мы знаем, что счастье не от ума, а от сердца. Зачем искать что-то ещё?

— А для некоторых людей счастье в познании нового, — возразила я. — Неужели среди вас таких совсем нет? И в вас совсем нет любопытства? Это же так интересно — как устроен мир, что в нём и как происходило раньше и случится потом!

— Чистое стремление знать разрушает, — очень спокойно и серьёзно проговорил Нидар. — Если оно вообще способно иметь какие-то чувства, то чувства эти — всегда страхи, порождённые одним главным, страхом смерти. А если не пугает смерть, то все так ценимые вами знания теряют значение.

— Но какая-то техника у вас есть, есть исследования! Вы добываете полезные ископаемые, строите машины, развиваетесь, — возразила я. — Значит, всё же пытаетесь познавать мир. И почему-то же ты был зол на урши, которые убили твоих родных!

— А я и не говорил, что все харры совсем свободны от страхов, — снова улыбнулся он. — Я тогда был ребёнком, да и теперь страхи остались. Но это не повод им потакать.

— Что же выходит, если вы наконец избавитесь от своих страхов, вы все дружно умрёте?

— Не бояться смерти — не значит не хотеть жить, — весело возразил Нидар. — Жизнь — это счастье. Счастье в равновесии с собой, в каждом новом дне, в родных и любимых существах рядом.

— Но ведь любовь к ближним, инстинкт размножения — это в конечном итоге тоже порождение страха смерти!

Упёртость рыжего начала уже раздражать. Тот, кажется, это видел, но оставался невозмутим.

— Когда это инстинкт, — возразил он. — Но может быть и желание.

— На одном желании далеко не уедешь, и всё в итоге закончится вымиранием вида, — проворчала я.

— Инстинкт нужен тем, кто недостаточно разумен.

— Но ты же сам только что говорил, что дело не в разуме, а в чувствах? — Я поняла, что близка к тому, чтобы окончательно запутаться.

— При чём тут разум, если дело в разуме? — харр озадаченно вскинул брови, и я на несколько мгновений зависла, глядя на него потерянно и недоверчиво. Издевается, что ли?

Правда, через мгновение в голове будто щёлкнуло, и я всё-таки вспомнила немаловажную деталь: мы же разговариваем через переводчика!

— Повтори это еще раз, — попросила мрачно, отключая в шимке автоматический перевод, позволявший воспринимать слова собеседника как сказанные на родном языке.

— Что случилось? — любопытствовал Нидар, послушно повторив.

— Тьфу. Короче, у нас с тобой проблема в терминологии, — вздохнула раздосадованно. — Мой переводчик считает, что эти два слова — одно и то же, хотя я теперь слышу, что звучат они по — разному.

— Шайян и найвин? — уточнил мужчина. — Почему?

— Понятия не имею! Надо спрашивать у тех, кто программу составлял, — проворчала, чувствуя себя на редкость глупо. — В чём между ними отличие?

Не знаю, насколько я сумела понять сказанное, а Нидар — объяснить, но у меня сложилась довольно странная картина мировоззрения харров. Нашему пониманию знаний, а также разума в целом соответствовало первое слово, связанное с интеллектуальным, естественным познанием. Все эксперименты и теории устройства мира, которые строили люди, относились сюда. А вот вторым понятием определялось высшее, априорное знание, которое индивид получал... откуда-то. Нир так и не смог объяснить природу этого знания и почему именно оно — правильное. Просто потому, что сам никогда не задавался подобными вопросами: он точно *знал*, что это так.

Я же напомнила себе давно и прочно забытый курс философии и на этом предпочла свернуть обсуждение. Что-то я разошлась, в самом деле, на ровном месте. Ведь были и в земной истории сторонники подобной концепции, хотя точно вспомнить, кто именно, я так и не смогла.

Интересно только, почему в переводчик не внесли это отличие?

А впрочем, чему удивляться! Переводчик у меня прошит общегражданский, туристический, а на кой туристу тонкости? Лингвисты и антропологи наверняка в курсе местной философии, может, и нам в прошлый раз давали другую программу, а чтобы объясниться — достаточно простых правил.

Но теперь хотя бы понятно, что заменяет аборигенам религиозные представления.

В остальном день у нас прошёл на удивление спокойно и без потрясений. Наверное, потому, что сегодня я была гораздо внимательней, а Нидар — предусмотрительней. Поскольку он специально выискивал опасных существ, то соблюдал повышенную осторожность. А с учётом моей неопытности ещё и здорово перестраховывался, что не могло не радовать.

Останавливались мы часто, несмотря на нежелание харра тратить время на подготовку сюрпризов преследователям.

Где-то Нир заранее объяснял, как проходить тот или иной участок. Например, так было под кроной развесистого кровососущего дерева, под которым мы шли, старательно пригибаясь. С ветвей свисали тонкие белёсые отростки, похожие на воздушные корни, и их нельзя было касаться, причём мужчина особенно настаивал на том, чтобы шагать при этом как обычно, чтобы не изменять след, а не вставать на четвереньки, упрощая себе жизнь. Правда, этот план ставило под угрозу наличие в кроне ссохшегося трупа невезучего крупного зверя, который висел чуть в стороне, оплётённый сыто разбухшими «корнями». Но заметить его было сложно, для этого требовалось сразу искать подвох.

Мерзкое зрелище. Повод гордиться собственными нервами: как человека неподготовленного меня непременно должно было стошнить от такого зрелища, но — нет, обошлось.

Порой Нидар просто замирал и отдавал команды с помощью радиосигналов — когда мы подходили к гнезду чего-то, ориентирующегося на звук.

Один раз харр даже взял меня на плечи, когда мы переходили довольно глубокий ручей. На его берегу мы остановились на привал, однако воду пили принесённую с собой. На первый взгляд нормальный и неотличимый от остальных, ручей был населён какими-то опасными микроскопическими паразитами, которые к аборигенам снаружи не липли, а вот за людей Нидар поручиться не мог, поэтому предпочёл меня перенести. Наличие их он определил по каким-то едва уловимым признакам вроде особого цвета водорослей. Правда, я сомневалась, что наёмники настолько безалаберны: уж воду-то, которую пьют, они наверняка проверяют.

А пару раз Нир всё-таки останавливался именно для того, чтобы организовать ловушку. И если первая бесхитростно должна была уронить с дерева нечто вроде большого осинового гнезда с очень недружелюбными и, конечно, тоже ядовитыми обитателями, то вторая сбрасывала несколько... бомб-вонючек, кропотливо изготовленных харром. Проводник очень аккуратно наполнил несколько пустых шкурок маруков, запашиво прихваченных с собой, помётом какого-то животного и млечным растительным соком.

— Слушай, я всё понимаю, но ты серьёзно думаешь, что вонь и пара грязных пятен кого-то остановят? — растерянно спросила, с почтительного расстояния наблюдая за производством ловушек детсадовского уровня. Наполнял их Нир при помощи обструганной парой ударов трока ветки-лопаточки.

— Наоборот, — возразил страшно довольный рыжий.

— Наоборот — что? — Кажется, я начинаю привыкать к его редкому для харра немногословию.

— Привлечёт. Это помёт аквира, быстрого и опасного хищника. Здесь охотничьи угодья очень крупного самца. Смесь постоит и будет пахнуть течной самкой, аквиры от такого шалеют. Особенно когда видят обман.

— Я не хочу знать, откуда ты знаешь, как пахнет течная самка аквира, — пробормотала задумчиво. — Скажи мне только, зачем в вашей жизни нужна *такая* смесь?

— Иногда бывает нужно поймать и убить аквира, — спокойно пожал плечами Нидар. — Так проще всего.

Я в ответ только глубокомысленно кивнула.

Нет, всё-таки чтобы привыкнуть к этим нравам, совершенно недостаточно про них читать и даже оказаться бок о бок. Мне в прошлый прилёт казалось, что я вполне освоилась среди харров, но — нет, похоже, понимала я их на уровне вежливого туриста, который ничего толком не знает, но умеет не нагрубить в разговоре. Конечно, само по себе это уже хорошо, достаточно вспомнить мою попутчицу в челноке, но...

Нир снова прав. Слишком мы самонадеянные со своими благами цивилизации вроде шимки, способной мгновенно всё перевести и обеспечить иллюзию понимания.

ГЛАВА 5. Последствия

Остановились на ночлег мы уже затемно, когда мне пришлось вновь достать очки и привыкнуть к чёрно-белому миру. Нидар решил разбить полноценный лагерь, и я вздохнула с облегчением: совершенно не хотелось опять гнеститься на дереве. Но всё же спросила, когда мы уже сидели у потрескивающего костра:

— Ты уверен, что нас не нагонят? Думаешь, отстали?

— Отстали, — уверенно кивнул Нир.

— Откуда ты знаешь?

— От леса, — пожал плечами рыжий. — Он беспокоится, когда чужие идут. Они шли, потом повернули назад.

— Ловушки сработали? — оживилась я.

— Да.

— Тоже от леса узнал? — уточнила с лёгкой иронией. — А с каким результатом — он не рассказал?

— С нужным, — улыбнулся Нир. — Они повернули назад, мы можем идти спокойно.

— Ну да, они встретят нас в конце пути, — тяжело вздохнула, глядя в огонь. — Товар с доставкой, ага.

— Мы будем к этому готовы.

— Так и они тоже!

— Не бойся, маленькая урши, — мягко проговорил он. — Всё будет хорошо.

— Мне бы твою уверенность! — проворчала упрямо. — Ладно, я помню, я же обещала тебя слушаться, вот и тут постараюсь убедить себя, что тебе виднее.

— Ешь, — строго оборвал Нидар мои причитания.

Тут я возражать не стала, есть со всеми этими стрессами хотелось страшно. Ещё хотелось в душ или хотя бы искупаться, но об этом я тем более не заикалась. Желала комфортных условий — надо было ехать на тот курорт, на котором я отдыхала сейчас по мнению родителей. А раз решила вместо отпуска рискнуть головой и сунуться в дикие джунгли — сама себе злобный плюк, и будь добра терпеть мелкие бытовые неудобства. Жива, и ладно.

— Почему ты прилетела сюда одна? — спросил Нир через некоторое время, словно подслушав мысли.

— А с кем должна была? Папе точно не до того, да и не хотелось волновать родителей подробностями. Не сестёр же тащить, они у меня ни разу не бойцы спецподразделений! Я из них самая закалённая, в экспедиции мотаюсь, хоть немного представляю себе такую жизнь. Нинка, конечно, крепкая, но она к кораблям привыкла, нельзя её в лес, — я хихикнула. — А младших тащить — дополнительная обуза.

— Друзья?

— Мои друзья остались там, — я нервно дёрнула головой в сторону, где по прикидкам находился храм. — Новых за прошедшее время как-то не завелось.

— А мужчина? Тоже? — Нир неопределённо качнул головой в том же направлении.

— Нет, его просто нет, — я усмехнулась, вспомнив загадочного героя своих снов. Вряд ли шизу можно назвать постоянным мужчиной. — Был, но как-то не сложилось.

— Почему? — полюбопытствовал харр.

— Не сложилось, — пожалала плечами, воспринимая бесцеремонность аборигена философски. — Можно сказать, я была не настолько в нём заинтересована, чтобы образовать постоянную пару и жить вместе.

Может, начни он расспрашивать о погибших, я бы всплила и возмутилась, а тут... Особой трагедии в нашем с Ильёй расставании я не видела, и рассказывать об этом было нетрудно.

— Ему не повезло, — немного рассеянно и, как показалось, довольно улыбнулся рыжий.

— Спасибо, конечно. — Интересно, он действительно со мной заигрывает? Или мне кажется и это опять местная исключительная прямолинейность? — Ты, я так понимаю, тоже пока не нашёл себе ту самую?

— Пока что, — неопределённо пожал плечами мужчина. — Спешить в этом неправильно. Ты закончила? Давай спать.

— Ага, пора бы уже, — широко зевнула я в ответ, запоздало прикрыв рот ладонью. — А когда мы будем учить тебя кидать людей?

— Завтра остановимся пораньше, можно уже не спешить, — спокойно отмахнулся он. — Лучше вот туда, — окликнул он меня, когда я сунулась по естественной надобности в ближайший куст.

— Он тоже ядовитый? — шарахнулась я.

— Нет, — широко улыбнулся харр. — Просто колючий, потом чесаться будешь.

— Ты меня успокоил.

Пока я отсутствовала, Нидар засыпал костёр и аккуратно собрал вынутые за время ужина вещи обратно в рюкзаки, чтобы подвесить их на ближайшее дерево, пряча от всяких мелких любопытных животных и насекомых.

Последних тут, как в любом нормальном лесу, была уйма, в том числе и кровососущих. Но, на моё счастье, существовали репелленты длительного действия, которые прекрасно помогали от этих мерзких тварей. Причём от местных даже лучше, чем от земных: домашние комары привыкали ко всему.

Я заползла в низкий шалаш, где на нескольких листьях уже был разложен спальник, забралась в этот замечательный мешок с отличной терморегуляцией и почти сразу отрубилась. Последним впечатлением на грани сна и яви было то, что ко мне присоединился харр. Лёг сзади, невозмутимо подгрёб поближе, обнял одной рукой... Сил возмутиться или хотя бы удивиться такому поведению уже не осталось. Да и желания, если совсем честно, тоже, иначе как-нибудь преодолела бы сонливость.

Сон опять начался со всё той же неумолчной, монотонной музыки, но сегодня в нём присутствовал сюжет.

Комнату, в которой происходило таинство, я и узнавала, и нет. Она точно находилась в храме, это не вызывало сомнений, но я не видела её раньше и не помнила. Гладкие серо-коричневые стены — пустые, безликие, лишённые украшений, как и почти везде в этом огромном комплексе. Но их оттенял живой зелёный травяной ковёр и цветущая большими, яркими алыми цветами лиана, оплетающая стол алтаря в центре. Кроме этой огромной плиты здесь имелся каменный трон, увитый тем же растением.

На троне сидел нагой харр — безмятежный, совершенный и прямой, словно статуя. Спокойное лицо, белоснежная грива, эффектно контрастирующая с золотисто-смуглой кожей, скульптурно вылепленное тело идеальных пропорций.

Божество, не смертное создание.

Показалось странным отсутствие не столько одежды, сколько каких-нибудь украшений. Но тут же, в этом же самом сне я — сторонний наблюдатель — возразила себе, что ничто подобное ему и не нужно: идеальное творение природы не нуждалось в дополнительном обрамлении.

Мысль озадачила. Тело и впрямь прекрасно, даже на человеческий взгляд, но с чего бы мне находить совершенным грубое лицо с более выраженными, чем у современных харров, звериными чертами?

На этот вопрос ответа не дал даже сон, да и забылся он, когда в глаза бросилась новая деталь: алые полосы глубоких свежих порезов на запястьях харра. Руки мужчины расслабленно лежали ладонями кверху на подлокотниках трона, и стекающие капли крови чертили на коже тонкие полосы-браслеты. Опасности для беловолосого бога эти раны не представляли, я знала совершенно точно.

На алтаре, ногами к трону, лежала девушка. Человеческая. Также совершенно нагая, и густые, длинные светло-русые волосы ореолом окутывали кукольно красивое лицо, струились по камню и стекали в зелень лианы. Безучастный, пустой взгляд серых глаз был направлен в потолок — бедняжка явно находилась под действием какого-то дурмана. Она даже не вздрагивала, когда

жрецы — два одетых в зелёные наряды без рукавов харра — тонкими стилетами рисовали на молочно-белой коже кровоточащие узоры.

В изголовье жертвы стоял третий жрец, кажется главный. Он что-то говорил — медленно, с паузами. Молился? Руководил? Заклинал?

С каждым словом барабаны стучали злее, музыка становилась всё напряжённей.

Какая-то часть ритуала ускользнула от внимания: вдруг оказалось, что жрецы окончили своё дело, кровавая сетка покрыла уже всё тело женщины.

Голос старшего повелительно взлетел. Харр на троне открыл яркие, неестественно жёлтые глаза, в которых читался только безбрежный холод. И я окончательно поняла, что не могу назвать это существо иначе как божеством — равнодушным, чуждым, далёким.

Белый поднялся красивым, упругим движением, сделал несколько шагов к алтарю. Старший жрец сказал несколько слов, в которых прозвучали просительные интонации. Двое других — приглашающе развели равнодушной жертве ноги.

Белый молча приблизился к алтарю, встал на него на колени, явно намереваясь приглашение принять.

Меня замутило от отвращения и нежелания видеть то, что будет дальше. Я дёрнулась, пытаюсь зажмуриться — и проснулась с бешено колотящимся в горле сердцем. Неосознанно метнулась вновь, чувствуя, как что-то сковывает движения, и услышала над ухом мягкий, успокаивающий шёпот:

— Тихо, маленькая урши. Всё хорошо, это только сон.

Почему-то поверила я сразу и безоговорочно. Потом сообразила, что двигаться мне не даёт собственный спальник и тяжёлая рука мужчины, обнимающая поперёк, и окончательно успокоилась. После чего вновь соскользнула в сон.

Тот же самый.

Насилие в моё отсутствие уже свершилось, я знала это совершенно точно, как бывает только во сне. И для жертвы, кажется, всё кончилось. Совсем — всё. Мертвенно-бледная, неподвижная, окончательно и бесповоротно равнодушная ко всему, она лежала на том же алтаре, и жрецы пеленали тело широкими белыми лентами, как мумию.

К моему «возвращению» свободными от бинтов оставались только лицо и ноги ниже колен. Потом харры прервались и начали толстыми кисточками наносить на открытую кожу какую-то зеленоватую маслянистую субстанцию. Старший опять что-то бормотал, стоя на коленях возле самого алтаря и положив на него руки. Кисти его терялись среди крупных треугольных листьев.

Потом жертве одним из ритуальных ножей остригли волосы, и один из младших жрецов куда-то их унёс. На месте прежнего великолепия остались только короткие, неровно отрезанные пряди. От этого надругательства над телом стало еще противней.

К возвращению третьего второй помощник успел замотать до конца ноги — небрежно, оставив стопы торчать наружу. Голову они бинтовали уже вдвоём, плотно и очень старательно. Может, и волосы потому отрезали, что мешали...

Когда закончили, старший жрец поднялся на ноги, отдал ещё один приказ, и все трое вышли, оставив спелёнутое тело на алтаре. Свет померк, и в моём сне опять осталась одна только музыка — медленная, размеренная, до тошноты торжественная.

Проснулась я после всего этого в отвратительном настроении, разбитой и совершенно не отдохнувшей, и уже в одиночестве — харр встал раньше. Шимка утверждала, что я не так сильно заспалась, но по ощущениям казалось, что время к полудню. Ещё немного полежав, я заподозрила неладное и вспомнила, что загружала программу первичной диагностики, шимка умела и такое. Через несколько секунд приборчик показал температуру тридцать шесть и девять, гемоглобин на нижнем пределе нормы и слегка пониженное давление.

Надеюсь, это не первые симптомы какой-то жуткой местной болезни?

С этой мрачной мыслью я заставила себя выбраться из спальника, свернула его и выползла наружу, под рассеянный древесными кронами прохладный утренний свет. Ни дар, скрестив лодыжки, сидел у костра, на котором поджаривались какие-то зелёные шарики, нанизанные на прутья вперемежку с кусочками мяса. Я запоздало вспомнила, что остатки вчерашней добычи мужчина заботливо смазал соком какого-то растения и, завернув в листья, убрал в свой рюкзак. Видимо, сейчас и достал.

— Ты вовремя, я уже собирался будить. Сейчас будет готово.

— Угу. Пойду умоюсь.

Воду мы в этот раз брали в совсем крошечном и ужасно холодном роднике. Умывшись, я освежела и немного взбодрилась, хотя мерзкий сон помнился на удивление отчётливо, гораздо ярче предыдущих.

Нидар за завтраком поглядывал на меня задумчиво, но молчал, и я была ему благодарна: общаться не тянуло. Впрочем, вкусное пряное мясо и плоды, похожие на сладковатую картошку, повлияли благотворно, и поэтому чуть позже, когда харр всё-таки заговорил со мной во время сборов, я отнеслась к этому спокойнее.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Уже лучше. А что?

— У тебя какие-то красные пятна на скулах, ты их всё утро чешешь.

— Да? — встревожилась я и потёрла действительно слегка зудящую щёку. И поняла, что кроме неё у меня еще и поясница чешется, и руки, и даже голова. — Ну как сказать, в целом ничего ужасного, все показатели более-менее в норме, но общее состояние утром было противное. У вас, случайно, нет никакой болезни с такими симптомами?

Нир пожал плечами, потом рассеянно качнул головой.

— Нет. Ничего такого.

— Может, съела что-нибудь? Или потрогала. Или вдохнула, — пробормотала я, спешно закапываясь в аптечку.

Или, скорее, сходила вчера в туалет в какой-то не очень подходящий куст, но это предположение озвучивать не стала.

Конечно, на страшное заболевание это пока не походило, может, просто аллергическая реакция, но я предпочла перестраховаться. Полдозы универсального антидота, полдозы иммуномодулятора, доза антигистаминного — надеюсь, хоть что-то из этого поможет.

— Тебе опять приснился плохой сон? — спроси харр, задумчиво наблюдая за моей вознёй.

— А что, я опять говорила во сне? — спросила со смешком.

— Нет, но в какой-то момент задёргалась и начала вырываться.

— А, я даже это помню, это я уже проснулась, — сообразила через пару секунд. — Снилось, да. Такая мерзость, — поморщилась недовольно. — Не знаю уж с чего. Прежде я таких гадостей про этот храм не видела, а тут...

— Расскажи, — попросил Нидар.

Я на мгновение замешкалась, но потом решила, что скрывать особо нечего, и вкратце пересказала сюжет ночного кошмара. К концу которого поняла, что лекарства, кажется, подействовали, во всяком случае зуд прошёл.

— Как думаешь, к чему всё это было?

Рыжий задумчиво пожал плечами, потом всё-таки проговорил:

— Я не знаю, почему ты видишь эти сны. Но мне кажется, это правда они. Те наши... боги.

— Значит, они тоже были харрами?

— Кто знает, — он опять пожал плечами. Несколько секунд разглядывал меня задумчиво, потом сказал: — У тебя краснота прошла.

— Это хорошо. Наверное, вчера за какой-нибудь не тот куст схватилась, — с облегчением заключила я. — Хвала современной фармацевтике. Пойдём?

— Пойдём.

Третий день пути по лесу выдался самым спокойным. Сказывалось отсутствие погони, да и тело моё привыкло к постоянной ходьбе через лес, и внимание достаточно заострилось, чтобы замечать всё подвижное и неподвижное местное население. Я, кажется, даже шагать начала тише, хотя всё

равно именно я производила весь шум за наш маленький отряд: звериные лапы харра ступали совершенно беззвучно.

Нидар оказался не только отличным проводником, но и замечательным экскурсоводом. Кажется, отсутствие преследователей заставило его несколько расслабиться, поэтому он начал не просто отвечать на мои вопросы о каких-то бросающихся в глаза элементах пейзажа, но уже самостоятельно заострять внимание на тех деталях, которые я и не заметила бы.

Проводник увлечённо рассказывал о повадках животных и растений, которые в моём восприятии быстро перестали разделяться, потому что некоторые животные здесь не могли шевелиться, а растения — наоборот, очень активно передвигались. Показывал самые странные и необычные формы жизни, давал полюбоваться изумительными цветами, причудливыми птицами и потрясающими видами.

Было очевидно, что мужчина искренне любит этот яркий, пёстрый, бурный мир. И глядя на них обоих — харра и его лес — я понимала, что просто не могу оставаться равнодушной к последнему, невзирая на всю его опасность, непредсказуемость и чрезвычайную ядовитость.

Да и с первым всё складывалось очень непросто...

Его слова про «привлекательную молодую женщину», сказанные на том дереве, никак не шли из головы. И я бы, может, хотела не замечать некоторых деталей поведения Нира и так называемых «невербальных сигналов», но — не могла. И чем дальше, тем яснее понимала, что отношение его ко мне выходит за рамки делового. Он не только с мужчиной-нанимателем, но и с какой-нибудь другой женщиной, я была в этом уверена, держался бы совсем иначе. Меня же не просто опекал, а явственно и со свойственной харрам прямолинейностью демонстрировал чисто мужской интерес.

Садился всегда поближе, с видимым удовольствием предлагал помощь в преодолении препятствий даже там, где я вполне справилась бы самостоятельно, охотно пользовался каждой возможностью дотронуться. Причём в последнем, усиливая мою растерянность, особо усердствовал хвост, который так и норовил то обвить мою руку, то приобнять бедро. И я представления не имела, как на это реагировать: одно дело, когда мужчина распускает руки, а хвост... Поди пойми, специально он это делает или нет! Тем более вид у хозяина хвоста настолько спокойный, как будто он ничего не видит и совсем ни при чём.

И, наверное, стоило бы возмутиться и высказать ему собственное недовольство, но... не было никакого недовольства. Внимание и интерес Нидара доставляли удовольствие, и я вдохновенно делала вид, что не замечаю его поведения. Охотно и даже зачастую сознательно играла в игру «ничего особенного не происходит», сама с не меньшим удовольствием касалась в ответ... и частью собственного сознания буквально выпадала в осадок, не веря, что это всё происходит на самом деле.

Нет, Нир безусловно очень приятный мужчина. Мне импонировало его немногословие, нравилась невозмутимость, обстоятельность и монументальная надёжность, которой харр до странности напоминал отца. Нравилась чуть снисходительная, осторожная мягкость в общении со мной — не столько с женщиной, сколько просто слабейшим существом. Я знала такую породу сильных мужчин, снисходительных и очень терпеливых к «маленьким», и всегда ей восхищалась. И будь он человеком...

Собственно, вот именно в этом заключалась главная проблема. Официально имперское законодательство не делало различий между биологическими видами своих граждан. Но как большинство землян, видящих представителей иных цивилизаций разве что в роли туристов, я никогда не понимала, как вообще можно заинтересоваться чужаком. Ну ладно еще те инопланетяне, которые внешне не отличаются вовсе, но... харр? И что, я всерьёз рассматриваю его как привлекательного мужчину, вот с этими ушами и хвостом? Извращение же в чистом виде! И, похоже, эти сны — не единственная и не самая большая моя проблема с головой.

Но последняя мысль посещала меня довольно редко и, увы, никак не сказывалась на поведении.

В этот раз на ночёвку мы остановились еще до заката на каменистом берегу потрясающе живописного темно-зелёного озера, у небольшого водопада, которым впадал в него прозрачный ручей.

— Нир, а купаться можно? — спросила я, с вожделием и настороженностью глядя на близкую воду. — Там ничего хищного или ядовитого не водится?

— Можно, — с улыбкой разрешил мужчина, бросив свой рюкзак на землю. Подошёл, встал за плечом, опять обвил хвостом моё бедро. И я опять сделала вид, что не заметила. — Но сначала лагерь. И ты обещала меня учить.

— Ага, — зачарованно кивнула я и усилием воли заставила себя отвернуться от манящей водной глади. — А вода зелёная из-за водорослей?

— Да.

Пока Нидар устраивал шалаш, я причёсывалась, чтобы переплести косу. Волосы у меня не очень длинные и довольно жёсткие, почти не путаются, так что особых неудобств они в дороге не доставляли, но для тренировки лучше бы убрать потуже.

И в процессе я поймала себя на неожиданном мандраже. Неужели так боязно ударить в грязь лицом? Глупости какие. Я же и так прекрасно понимаю, что всерьёз с этим типом не справлюсь, и совершенно уверена, что вреда он не причинит и будет очень осторожен. Тогда чего я беспокоюсь?

А может, потому и беспокоюсь, что знаю: не будет драки. И даже в глубине души надеюсь на это.

Но я быстро взяла себя в руки и заставила встряхнуться, а потом и вовсе настроилась на серьёзный лад. Что бы я там себе ни надумала, а незнакомые приёмы интересовали рыжего на самом деле, и он действительно хотел научиться.

Не удивляло и то, что схватывал он на лету и оказался гораздо более талантливым учеником, чем я в своё время. Чтобы он понял принцип, оказалось достаточно один раз показать приём медленно, чтобы освоить — несколько раз медленно повторить.

Я показала несколько интересных бросков, сама заодно выучила хитрую подножку, отлично работавшую против аборигенов с их специфическим строением ног. Как и следовало ожидать, отработывая броски, Нир очень осторожничал и ни разу меня толком не уронил.

Понемногу мы увлеклись и перешли от обучения к небольшому спаррингу. Нидар в этот раз больше парировал, брал в захваты и лишь изредка обозначал удары лёгкими тычками, а вот я вокруг него прыгала с азартом и даже не пыталась сдерживаться. Давно я не тренировалась с живым противником, только разминалась на тренажёрах, чтобы совсем не забыть, оказывается — соскучилась.

Рукопашный бой вот в такой лёгкой, тренировочной форме всегда мне нравился, и — да, это служило ещё одним предметом шуточек на тему пацифизма. Но для меня это был в первую очередь спорт и разминка, близкая скорее к танцу, чем к сражению. А тут еще и партнёр неприлично хорош, как отказаться!

И то ли я слишком увлеклась, то ли Нир nepозволительно расслабился, но в какой-то момент я умудрилась удачно уронить харра. Правда, торжествовала недолго: лёгкая подсечка, и мир кувыркнулся, а я с размаху шмякнулась о землю рядом с рыжим. И почти сразу оказалась надёжно прижата к земле и зафиксирована этим же самым харром в весьма провокационной и даже почти интимной позе — с заведёнными за голову руками и крепким мужским бедром между моих ног.

А в следующее мгновение меня с головой захлестнула бесконтрольная, дикая паника.

От ужаса затрясло, я закричала и забилась, пытаюсь освободиться. Когда Нидар, явно не ожидавший такого поведения, в растерянности отпрянул и откатился в сторону, я вскочила и, ничего не видя из-за застилающих глаза слёз, попыталась спастись бегством.

Опасности леса в этот момент не волновали, главная угроза исходила от мужчины.

— Мара, стой!

Но я на оклик даже не оглянулась.

Харр быстро сориентировался. Догнал меня на краю поляны, крепко обхватил поперёк туловища поверх рук, поднял. Я продолжила орать и биться, попросту не слыша уговоров и задыхаясь от ужаса.

А потом воздуха перестало хватать уже по объективной причине: проводник со мной в охапке прыгнул в воду. Но нахлебаться я не успела, уже через пару мгновений голова оказалась на поверхности. Я судорожно задышала, по — рыбы открывая рот, и Нир ослабил хватку, давая свободу.

Это был бы подходящий момент, чтобы предпринять новую попытку к бегству, но паника схлынула. Вернее, инстинктивный страх сменил направление: пугал уже не харр, а потеря опоры и полная дезориентация в пространстве. Я развернулась и крепко вцепилась в жилетку мужчины, даже обвила его ногами за талию. Зажмурилась, уткнулась лицом в плечо.

Осторожно придерживая меня под бёдра, Нидар вышел на берег. Сел, одной рукой обнял, а второй начал ласково гладить по голове, и не думая отцеплять от себя. И это замечательно, потому у меня пока не было ни сил, ни желания существовать отдельно. Большой, горячий, надёжный харр, который совсем недавно и поверг меня в панику, сейчас вдруг стал единственным ориентиром в

пространстве и якорем. Казалось, если разжать руки, то с головой захлестнёт что-то неопределённое, но совершенно точно — чудовищное. Меня била крупная дрожь, в руках и ногах собиралась вязкая слабость, а в голове не нашлось ни одной внятной мысли, только какая-то мутная гелевая субстанция.

Нир долго молчал. Заговорил только тогда, когда я перестала трястись. В голове моей к этому времени как раз начало понемногу проясняться.

— Что случилось, маленькая урши?

— Не знаю, — выдавила с трудом, сишло. — Кажется, это называется «паническая атака».

— Ты подумала, что я могу... — Его ладонь на моей голове замерла.

— Нет! — поспешила возразить. — Не подумала, я доверяю тебе и понимаю, что ты не сделаешь ничего плохого. Это что-то подсознательное, инстинктивное. Извини, я...

— Хватит извиняться, — резко и неодобрительно оборвал он.

— Да, прости, я... — тут я уже сама осеклась, а харр хмыкнул и прижал мою голову к плечу. Его мокрая грива пахла странно, остро, но я бы не сказала, что неприятно.

— Откуда это в тебе?

— Хотела бы я знать! — пробормотала вяло, чувствуя, что меня окончательно отпускает, возвращается способность связно мыслить. После недавней вспышки осталась только слабость и нежелание шевелиться. — Раньше ничего подобного не происходило, я бы запомнила. С другой стороны, меня никто и не прижимал так, насколько я помню... Всё это странно. В том смысле, что я, конечно, не психиатр, но такие реакции не возникают спонтанно, должна быть какая-то причина, травма! А её нет. Не было в моей жизни ничего... — заговорила и запнулась. — То есть был тот провал в памяти, когда погибла экспедиция. И сон этот ещё... Неужели меня тогда кто-то?.. — запнулась опять. — Но никаких физических повреждений не было, да и врачи не выявили никакой психологической травмы! Могло быть так, что стёрлись все прочие воспоминания, а вот такая память тела — осталась?.. Мне всё меньше хочется туда идти и разбираться с прошлым, — прерывисто вздохнула я. — Проклятые сны. Мало мне было... — но выдохнуть слова о потерях так и не смогла.

Тяжёлая, горячая ладонь Нидара опять прошлась по моим мокрым волосам.

— Нельзя оставлять за спиной врагов, — проговорил харр через пару минут. — Нельзя оставлять в прошлом такие вопросы, они мешают жить. Нужно пережить и принять, а не забыть. Ничто не забывается совсем.

— Ты так уверенно говоришь... На собственном опыте?

— Да, — ответил он спокойно. — Я не успел до конца отомстить за родителей. Не успел добраться до двоих, главных. Их увезли ваши шредеры. Я долго злился на всех уршей, хотя и понимал, что те были преступниками и неправильно всех смешивать в одно. Попытка задавить гнев, уговорить себя, но это не помогало. Пока я не понял, что злюсь не на убийцу, а на ваших шредеров, которые отобрали мою добычу.

— И что ты тогда сделал? — заинтересованно подбодрила я, потому что харр замолчал.

— Тогда я повзрослел, — проговорил Нир с улыбкой в голосе. — А злость ушла.

— А если не получится выяснить? Если мы сейчас напрасно сходим и сны никуда не денутся? И это ещё при том условии, что нас там не убьют эти мутные уголовники...

— Не убьют. А прошлое... Ничто не забывается совсем, — повторил он. — Ничто не исчезает бесследно.

— Вряд ли я сумею найти там что-то новое, чего не заметили профессионалы. Там же уйма следователей была!

— Профессионалы. Посторонние, не ты. Ты же не возвращалась туда после того, как очнулась у Бетро?

— Кто бы меня пустил! — вздохнула прерывисто. — Да если бы пустили, не в том я тогда была состоянии, чтобы хотеть вернуться. Но почему ты так уверен, что дело именно во мне?

— Ты выжила. И сны видишь ты. И эти охотятся за тобой. Думаешь, просто так?

— Аргумент, — признала я нехотя.

Ещё пару минут мы молча посидели без движения, только Нидар продолжал гладить меня по голове. Хорошо. Приятно.

Эта мысль заставила окончательно очнуться.

— Надо еще раз проверить, — решила я и отстранилась, чтобы посмотреть на мужчину.

— Что?

— Мою реакцию. Один раз накрыло — это случайность. Если ты меня вот так зажмёшь повторно, и снова накроет, значит, уже система.

— Мне не нравится эта идея, — хмуро возразил харр.

— Да ладно, мы теперь оба знаем, чего ждать и как со всем этим бороться, сюрприза не будет. Озеро рядом, если что — опять макнёшь, делов-то!

— Может, позже? — предпринял еще одну попытку мужчина.

— Нет уж, давай закроем этот вопрос окончательно, — упёрлась я и завозилась, выпутываясь из объятий. Поймала себя на мысли, что с удовольствием ещё бы вот так посидела и совсем не возражала бы, если бы Нидар гладил меня не только по голове, и завозилась с удвоенной энергией. — Пусти, давай быстренько попробуем — и купаться!

— Беспокойная маленькая урши, — проворчал рыжий, но отпустил.

— Ну иди сюда, — позвала я, укладываясь на земле на спину. Стараясь не думать, насколько двусмысленно выглядят моё поведение и слова.

Мужчина недовольно качнул головой, но всё-таки поднялся на колени, навис надо мной, окинул мрачным взглядом. Потом молча подался вперёд, одной рукой прижал мои запястья к земле, навалился сверху...

На второй раз реакция получилась не настолько бурной. То ли в первый раз сыграл свою роль эффект неожиданности, то ли слишком многое выплеснулось в той вспышке, но я вполне себя контролировала. Несмотря на то, что ужас затопил сознание, нахлынуло удушье, сердце сумасшедше заколотилось, холод и слабость сковали руки и ноги. Не дожидаясь, пока я задёргаюсь или закричу, Нидар отпрянул.

Я тут же села, обхватив себя обеими руками в попытке унять дрожь. Прикрыла глаза, сосредоточилась на дыхании, чтобы успокоиться. Это заняло некоторое время, которое харр так и просидел рядом — на коленях, отсев на пятки, положив ладони на бёдра. Внимательный, напряжённый.

— Эксперимент можно считать успешным, — пробормотала я наконец, когда стало легче дышать. — Понять бы ещё, что меня сильнее всего беспокоит — зафиксированные руки или...

— Нет, — непреклонно оборвал харр. — Хватит проверок!

— Да ладно, это же для пользы дела! Нужно же...

— Не нужно, — возразил он. — Иди купайся, я займусь ужином.

— Но почему ты не хочешь...

— Не хочу, — мужчина рывком поднялся и явно вознамерился уйти.

— Постой! — я спешно подскочила, догнала, перехватила его за локоть. — Ну что ты взъелся на ровном месте?

— Я сказал нет! — рыкнул Нидар, но руку мою стряхивать не стал и даже обернулся.

— Я поняла, не ругайся, я уже не пытаюсь настаивать! — поспешила заверить. Вполне искренне, кстати: реакция мужчины сейчас интересовала меня уже гораздо больше, чем собственный вскрывшийся страх. — Нет так нет, это не столь уж принципиальный вопрос. Почему это тебя так разозлило?

— Это... мерзко. — Кажется, покладистость оказалась правильной тактикой, потому что харр заметно расслабился, разгладилась хмурая складка между бровей.

— Что именно?

— Намеренно вызывать в тебе страх. Не во враге или хотя бы неприятном существе, а в маленькой слабой женщине, которая мне нравится. Отвратительно. Поэтому — нет, больше не проси. Тем более нет никакой надобности, только твоё глупое любопытство.

От этой строгой отповеди я растерялась, смутилась и немного втянула голову в плечи, опустив взгляд. Были бы уши как у харра — точно бы виновато прижала.

— Извини, я совсем не подумала, что тебе это может быть так неприятно...

— Хватит извиняться, — вздохнул он. Потрепал меня ладонью по макушке, словно ребёнка, и уже своим обычным спокойным, мягким тоном добавил: — Иди купаться, маленькая урши. Скоро начнёт темнеть, и ночью будет гроза.

Продолжать разговор я не стала, только проводила Нидара взглядом.

Вин! В такие моменты я действительно чувствую себя маленькой рядом с ним, причём отнюдь не в смысле размеров. С ума сойти, он ведь всего на несколько лет старше! Вот они, последствия гуманного воспитания в развитом обществе...

Глупо получилось с этой проверкой. Главное, когда я предлагала, всё казалось таким естественным и правильным, потому что ну интересно же, как оно всё работает. И уже даже не так страшно, потому что понятно, чего ждать и в чём проблема.

А потом Нир высказался, и я почувствовала себя ребёнком, который попытался скормить роботу-уборщику бутылку пены для ванн, чтобы посмотреть, как из него полетят пузырьки, как в мультике. В итоге ни пузырьков, ни робота-уборщика, только ведро и мокрая тряпка в руках. У родителей подход к воспитанию всегда был простой и эффективный: нахулиганил — разгребай последствия своими руками.

Как-то вдруг стало понятно, что это всё слишком серьёзно и в такие чёрные дыры собственной психики грязными руками лучше не лезть, не имея специального образования. И окружающих не втягивать, которым — удивительное дело! — совсем не весело участвовать в таких экспериментах.

За последнее было особенно стыдно. Я эгоистично даже не подумала, что Нидару с его подчеркнuto бережным отношением ко всякой мелочи может быть настолько неприятно. Что опять характеризовало его с лучшей стороны, а меня — повергало в смятение. Потому что...

Как бы я ни пыталась самоедством заглушить одну пугающе приятную мысль, но избавиться от неё не получалось. Вот это невозмутимое Нирово «женщина, которая мне нравится» настойчиво звучало в ушах и вызывало нелепую довольную улыбку.

Провалиться мне на дно! Ну почему он так похож на человека? И почему он не человек?!

Поглощённая этими сумбурными мыслями, я сходила за порционным универсальным моющим средством (раз так повезло с водоёмом, надо пользоваться), поближе к воде скинула ботинки и штаны, с честью выдержавшие принудительное купание и не промокшие, стащила насквозь мокрую майку. Сложила всё аккуратной стопкой, воровато огляделась и сбросила вдобавок нижнее бельё. Когда ещё выдастся возможность поплавать в открытой воде совсем без купальника! На нудистский пляж я ради такого точно не пойду, не очень-то приятно при куче народа оголяться — не то воспитание. А тут вроде никого постороннего на многие десятки километров вокруг. Разве что Нидар может вернуться раньше, но он вежливый, он отвернётся, если попросить.

Дно озера оказалось каменистым и на удивление чистым, хотя я морально готовилась к толстому слою ила под ногами. Впрочем, ещё неизвестно, что хуже, он или острые камни! Так что в воду я всё-таки вошла, но очень медленно и осторожно, помылась, а потом наконец неторопливо поплыла, наслаждаясь ощущениями. Вода была как раз той температуры, когда в неё не слишком сложно войти, но при этом ещё можно плавать.

Стоило отвлечься от Нира, как голову заняли совсем другие мысли, о будущем и прошлом. Впрочем, неизвестно, что хуже...

Я ведь так и не сумела выяснить, как именно были убиты мои коллеги. Сама не помнила, изображений с места трагедии мне никто не показывал, на вопросы не отвечал. В прессу подробности тоже не просочились, там прозвучала только официальная версия, а пронирливые журналисты до места происшествия вообще не сумели добраться.

Поначалу мне совсем не хотелось знать детали, я пыталась смириться со смертью близких людей. Потом, когда начала видеть сны и осознала их, попыталась осторожно расспрашивать тех, кто нашёл покойников, всё же с двумя из них мы работали вместе, но без толку. Оба категорически

отказывались отвечать, ссылаясь на подписку о неразглашении. А пресловутых журналистов от них еще раньше шуганули следователи. Очень доходчиво шуганули, не знаю уж, каким образом.

Это выглядело очень подозрительно, но я тогда твёрдо решила быть разумной взрослой женщиной и не лезть куда не просят, чтобы не провоцировать полицию и не привлекать к себе её внимание. Ладно если попаду на доверительную беседу с каким-нибудь серьёзным типом при чинах, а ведь могут припомнить и то обстоятельство, что я выжила! От бесполезного свидетеля до крепкого подозреваемого — не так уж далеко.

Ненадолго же хватило моего здравомыслия!

Впрочем, прилетать на Индру мне никто не запрещал, местные тоже разрешили эту прогулку, так что ничего предосудительного я не совершала. Ещё бы не эти странные наёмники...

Но вода ласково обнимала тело, гладила кожу и потихоньку вымывала из души не только усталость, но и мрачные мысли. Сейчас я почти верила в благополучный исход этого предприятия: что мы непременно дойдём до храма, с бандитами разберутся специалисты, а я выясню, почему меня мучают эти сны. И разгадка окажется какой-нибудь... не очень жуткой. Да, вряд ли смерть стольких людей можно объяснить чем-то милым и невинным, но возможны же разные варианты!

Озеро было размером с небольшой бассейн, метров двадцать пять открытого пространства, и такое развлечение быстро наскучило. Я подплыла ближе к берегу, легла на воду, раскинула руки и ноги и замерла, разглядывая высокое небо, наливающееся к вечеру сочной синевой, и слушая шум в ушах. Сосредоточилась на дыхании, постаралась почувствовать себя частью воды.

На какое-то время это даже получилось, но потом я начала замерзать и поплыла на сушу. Старательно нащупала ногами острые камни, сделала несколько шагов... И замерла, в шоке разглядывая сидящее на берегу существо. Выглядело оно как гибрид крупной собаки и дикобраза: высокие лапы, крупное тело, вытянутая острая морда и длинные иголки. Животное сидело возле моих вещей, частью даже на них, и с интересом обнюхивало. На моих глазах к первому подошло второе такое же, и первое, зашипев, оскалилось, демонстрируя острые иголки зубов.

Прекрасно! Не успела отвернуться, а мою одежду уже присвоили и даже успели за неё поругаться.

Обведя взглядом берег, я с облегчением обнаружила чуть в стороне, у ручья, рыжую харрову макушку с треугольными ушами. Мужчина сидел на корточках спиной ко мне и, кажется, возился с добычей. Я медленно отступила обратно в воду по шею и окликнула:

— Нир!

— Вылезай, тебе еще обсохнуть надо, — откликнулся тот, не оборачиваясь.

— Вот с этим как раз проблемы. Меня не выпускают.

Харр на этих словах одним движением поднялся и обернулся, насторожённо сжимая в руке нож. Но, увидев игольчатых тварей, тут же расслабился.

— Не бойся, они не опасны.

Я осторожно двинулась вперёд, но первый, завладевший моими вещами, угрожающе зашипел, глядя прямо на меня.

— Слушай, Нир, а они об этом знают? Ну, что они не опасны?

Мужчина усмехнулся, приблизился на несколько шагов и, чуть пригнувшись, утробно зарычал. Очень натурально, по — звериному, ощерив острые клыки и прижав уши. Игольчатые существа с испуганным визгом удрали в ближайшие кусты, и я на какое-то мгновение поймала себя на мысли, что очень хочу последовать их примеру.

— Всё, путь свободен, — обратился ко мне рыжий.

— Не знала, что вы такое умеете, — потрясённо пробормотала я.

Тот только усмехнулся в ответ и вернулся к прерванному занятию, даже не пришлось просить отвернуться. А я подошла к собственным вещам и в растерянности замерла над ними. С одной стороны, бельё еще вполне ничего и менять его не надо, но с другой... Противно после того, как на нём какая-то колючая гадость лежала и мордой тыкалась. Это, в конце концов, не приличный и привитый домашний кот, а я и так с утра обчесалась!

Последний аргумент оказался решающим, и я, подхватив свои вещи, осторожно, на цыпочках, боясь напороться на какую-нибудь колючку, заспешила к лежащему в стороне рюкзаку. Одевшись, почувствовала себя гораздо спокойней и босиком же двинулась к Нидару.

— Надо чем-то помочь?

— Да, последи за огнём, — он, не глядя на меня и заворачивая нарезанное мясо в листья, кивнул на костёр. — А я тоже пойду ополоснусь.

Я послушно прошлёпала в указанном направлении и плюхнулась на землю чуть в стороне: слишком в этих широтах жарко, чтобы получать удовольствие от близости огня. Поставила рядом с собой ботинки, вытянула ноги, чтобы сохли, глянула в сторону ручья. Свёртки с мясом рыжий почему-то оставил там, где с ними возился, и в этот момент уже подходил к озеру.

— Нир, а мясо забрать?

— Да, — отозвался тот, не оборачиваясь, и принялся быстро раздеваться. Жилетка, ремень с ножнами, штаны...

Я честно не собиралась подглядывать, но просто не сумела оторвать взгляд. Всё-таки он исключительно хорош, даже с хвостом. Широкие плечи, красивые руки, узкая талия, длинные ноги... а уж про пластику вообще молчу, потому что за движениями харра можно наблюдать бесконечно.

Плюк меня сожри! Ну почему он не человек?!

Я сумела встряхнуться и отвлечься только тогда, когда рыжий по пояс вошёл в воду. Надавала себе мысленных оплеух и пошла за мясом. Нет, всё-таки с чего Нир его там бросил?..

Чтобы избавиться себя от искушения подглядывать за мужчиной, я села спиной к озеру. И пожалела, что не сделала этого раньше, не собрала волю в кулак и не отвернулась сразу. Потому что волнующее зрелище до сих пор стояло в глазах, и я не знала, куда деться от навязчивого желания рассмотреть эту красоту внимательнее и со всех сторон, а еще лучше — прикоснуться. И не только.

М-да. Похоже, тело моё окончательно решило, что виртуального любовника ему недостаточно. Да и голова от него не сильно отстаёт, а сам Нидар только всё усложняет своим нескрываемым интересом и манерой общения. Чую, ещё немного, и мне уже станет окончательно плевать на его видовую принадлежность, потому что... ну неприлично же хорош!

С хвостом, да, ушами и кошачьими лапами, а еще умеет рычать. Но, в конце концов, у всех свои недостатки!

Когда Нир вернулся к костру, я едва не шарахнулась от неожиданности. Но тот, кажется, этого и не заметил, и вообще весь оставшийся вечер был слишком молчалив даже для своей обычной неразговорчивости. Я его не теребила, хотя перемена настроения интриговала и даже тревожила. А под конец ужина всё-таки не выдержала.

— Что-то случилось?

— Что? — вопросительно глянул на меня харр.

— Ты весь вечер какой-то не такой. Не то хмурый, не то просто задумчивый, непонятно. Всё нормально?

— Всё в порядке, — улыбнулся он уголками губ. — Думаю, как идти дальше и с какой стороны лучше выйти к храму.

— А-а, — со значением протянула я и перестала наседать. Хотя появилась стойкая и совершенно необоснованная уверенность, что рыжий сказал неправду.

ГЛАВА 6. Откровения

Ночь вновь прошла под звук шаманских барабанов в голове. Но хотя бы снилась мне просто какая-то бессюжетная муть вроде видеоряда к звуковому сопровождению: мятущиеся угловатые тени в жутковатой первобытной пляске вокруг костра, разноцветные дымы, вид на залитый кровавым закатным солнцем храм с высоты птичьего полёта.

Проснувшись я опять, как и вчера, в одиночестве и совершенно разбитой. Шимка подтвердила некоторое улучшение состояния крови, прежнюю гипотонию и температуру «почти тридцать семь». Я села, почесала зудящую шею, щёку и опять полезла в аптечку, которую сегодня на всякий случай прихватила с собой в шалаш. Всё же какая я умница, что ответственно подошла к подбору лекарств и всесторонне подготовилась!

Пока возилась, убирая аптечку, зуд прошёл и общее состояние улучшилось. Это приободрило, хотя и вопросы остались. Повода для паники, конечно, пока нет, и лекарства действуют, но... В прошлый раз никакой акклиматизации у меня на Индре не было, и не чесалась я, и вообще прекрасно себя чувствовала: универсальная прививка работала на отлично.

Впрочем, ладно. Деваться всё равно некуда. Если не отпустит окончательно, вернусь домой и пойду по врачам. Если вообще вернусь, а то я постоянно забываю о толпе подозрительных вооружённых личностей, которые ждут нас в конце пути. И к которым мы зачем-то топаем прямо в руки.

С утра Нидар опять был молчалив и задумчив, но по дороге встряхнулся и вернулся ко вчерашней манере экскурсовода.

Очередная неприятность, как это часто с ними водится, случилась внезапно, особенно для меня. Харр-то успел среагировать, а я сознавала произошедшее уже немного постфактум.

Вот только что мы спокойно шли, а вот Нир уже буквально швырнул меня в ближайшее дерево, ощутимо приложив спиной и выбив воздух, а сам замер передо мной, почти вплотную, закрывая широкой спиной.

— Молчи и не двигайся! — бросил через плечо.

А в следующее мгновение перед мужчиной буквально из-под земли выросла какая-то тварь. Я не видела её за Нидаром, но ощущала присутствие, слышала недовольное грозное ворчание и ощущала резкий, сильный запах. Однако нападать существо почему-то не спешило. Харр слегка пригнулся, прижав уши, угрожающе расставил руки с невесть когда выхваченными кинжалами и негромко, но очень проникновенно зарычал.

Нападающий сделал несколько шагов в сторону, потом в другую — не то примериваясь, не то прикидывая, стоит ли связываться. А я наконец сумела его рассмотреть и инстинктивно крепче вжалась в дерево.

Внушительная, с тсора размером серо-коричневая пятнистая тварь, покрытая пластинками странного вида — не то чешуёй, не то перьями. Крупные, на вид монолитные, опушённые по контуру чем-то серым, они неплотно прилегали к телу. Зверь то и дело угрожающе топорщил их, стараясь казаться больше и опаснее. Хотя, казалось бы, куда, если Нидар и так в сравнении с ним довольно мелкий!

Крепкие, голенастые задние ноги, передние — заметно короче, увенчанные мощными когтями. Длинная шея, тонкий хвост, острая коническая морда с чуть загнутым книзу кончиком, словно клюв. Хотя на клюв оно походило только формой: зверь скалил крупные треугольные зубы, явно предназначенные рвать мясо, а не жевать траву. Вдоль спины, от головы до копчика, тянулся подвижный гребень, похожий на спинной плавник какой-то рыбы. Неестественного угольно-чёрного цвета перепонка казалась очень плотной и совсем не просвечивала.

Зверь грозно зашипел, обдав нас вонью. Я ощутила, что сердце испуганно затрепетало где-то в горле, но заставила себя не жмуриться в страхе. Нидар опять зарычал — долго, переливчато, несколько раз хлестнул хвостом воздух. Задел меня по колену — больно, как будто плетью. Ещё больше пригнулся.

Мгновение-другое хищник сохранял неподвижность напротив харра, а потом случилось невероятное: он отступил. Тявкнул как-то обиженно, раздосадованно, и умчался, сопровождаемый истерическим гвалтом мелкой живности в ветвях, на который я только теперь обратила внимание.

Нир обернулся как раз вовремя, чтобы успеть подхватить бессильно оседающую меня под мышки. В обморок я не упала, но ноги от слабости подкосились, наотрез отказавшись держать.

— Всё хорошо, маленькая урши, не бойся, — рыжий с улыбкой попытался меня поставить. Это даже

получилось, но я ещё слишком не доверяла собственным ногам, поэтому крепко вцепилась в жилетку мужчины, просто на всякий случай.

— Наверное, хорошо, мы же живы! — пробормотала сипло. Когда Нир разжал руки — подалась вперёд, уткнулась лбом в его грудь. — Почему оно не напало?!

— Мы договорились, — ответил мужчина. — Я объяснил, что мы неподходящая добыча. Она подумала и согласилась.

— Она?

— Это была самка аквира. Кажется, с потомством, поэтому особенно осторожная.

— А если бы был самец?! — поёжилась я.

— Тоже как-нибудь договорились бы, — отмахнулся проводник. — В лесу полно более привычной дичи, и очень мала вероятность, что здоровый аквир нападёт на харра. Если, конечно, правильно себя вести и не убежать.

— Это кошмар. Кажется, я начинаю хотеть домой...

— Всё хорошо, — повторил Нидар, аккуратно обнял меня одной рукой и опять погладил по голове. — Пойдём?

— Ага, — тяжело вздохнула я.

— Сегодня дольше будем идти, остановимся уже возле болота. — Нир мягко отодвинулся, и цепляться за него дальше я не стала. — Потом два дня по болотам, и выйдем к храму. Там неприятно идти, но крупных животных нет.

— Ага, — тяжело кивнула я и уже собралась с силами, чтобы идти дальше, но замерла. — Погоди, но ты говорил, что болото мы пройдем самым краем. Два дня — это край?! Оно настолько большое?

— Я поменял дорогу, — ответил харр. — Зайдём с другой стороны от лагеря.

— А, ну это правильно... Стоп! Погоди, с какой другой стороны? Какого лагеря? Откуда ты вообще знаешь, где там их лагерь? Нир?!

Мужчина поморщился, неопределённо шевельнул вибриссами и как-то странно прижал уши, но в итоге всё-таки ответил:

— Знаю. От леса.

— Так. Ты меня вообще за дуру держишь?! Слушай, ну ладно узнать о наличии преследователей, это я еще могу понять, звери там волнуются и кричат, и всякое такое. Но лагерь, который в трёх днях пути? Нир, что это за отвалы шлака?!

— Лес позволяет ратить на большие расстояния. Эти деревья, когда растут, образуют естественные линии передачи. Если найти правильную полосу, можно этим воспользоваться. У уршей много приборов, которые ратят очень заметно, почти все харры умеют отличать их от леса. Я говорил, что знаю эту часть леса. Знаю и расположение линий, нетрудно было определить, где урши.

Я на мгновение зависла, потрясённо глядя на Нира, а потом спросила, нервно стискивая кулаки:

— То есть ты с самого начала мог позвать на помощь? И не надо было куда-то выходить, и не было никакого риска попасться бандитам, ты просто мог связаться с тем же Бетро, а он — обратиться к нашим властям? И сейчас можешь это сделать, но не делаешь? Ты... Да ты... Да ты знаешь кто после этого?! — я со всей дури ткнула его кулаком в живот, но только руку ушибла — здоровенный же, зараза, и твёрдый, как полено!

— Не ругайся, маленькая урши, — нахмурился Нидар.

— Ты издеваешься?! Ты... Ты... Я тебе поверила, я всю дорогу радуюсь, какой ты замечательный, а ты... мразь лицемерная! Свяжись сейчас же с нашими!

Нир глубоко шумно вздохнул, а потом вдруг обхватил лапищами моё лицо, не позволяя увернуться, и закрыл рот своим. Я невнятно булькнула от неожиданности, вцепившись в его запястья, и замерла, совершенно деморализованная. А харр, воспользовавшись этим замешательством, превратил прикосновение в поцелуй — нежный, зовущий. Погладил большими пальцами мои скулы, виски, слегка царапая грубой обветренной кожей.

Я ответила машинально, потому что не могла не ответить, и мужчина воспринял это как

разрешение. Поцелуй стал глубже, более чувственным. Одна рука харра сместилась мне на затылок, вторая, на пару мгновений задержавшись на груди, спустилась на талию. Я провела ладонью по гладкой коже его предплечья на плечо, впилась пальцами — уже совсем не стремясь оттолкнуть.

Мысли выветрились сразу и все, я напрочь забыла, за что только что злилась на харра. Это было... упоительно. Пожалуй, самый лучший поцелуй в моей жизни. Ну подумаешь, язык у него слегка шершавый, это даже... пикантно?

Но удовольствие длилось недолго, Нидар прервал поцелуй. Однако не отпустил, крепко обнял и прижал к себе — руками и, кажется, даже хвостом. Я с трудом подняла ослабевшие руки, чтобы вновь отчаянно вцепиться в его жилетку, и замерла, оглушённая эмоциями.

— Не знала, что вы целуетесь так же, как мы, — пробормотала наконец совсем не то, что действительно стоило сказать.

— Что? — озадачился Нир.

— Поцелуй в губы. Такое проявление эмоций есть в очень немногих культурах. А ты всё-таки сволочь и манипулятор...

— Не сердись, маленькая урши, — ласково, мурлычущим тоном проговорил он. — Я должен разобраться, что там происходит и чего хотят эти пришельцы.

— Ты? Это еще почему?

— Я шрет на этой земле. Это моя обязанность.

— Одному сунуться в толпу вооружённых противников? Ты не сможешь перебить их всех своими ножами! Им достаточно щитки брони опустить, и твоё оружие окажется бесполезным!

— Я не настолько самонадеян, — проговорил он с улыбкой в голосе.

— А наших вы на помощь не позвали из гордости? Ничего, что эти преступники тоже — наши?

— Прежде чем бороться, нужно понять, что происходит, — возразил он. Чуть отстранился, опять обнял ладонью моё лицо, погладил по скуле. — Не сердись, я не собирался сильно рисковать. Тем более тобой.

— И именно поэтому согласился взять меня с собой, хотя я только мешаюсь и осложняю путь? — проворчала я.

Он нахмурился и нервно дёрнул вибриссами. Из чего я сделала вывод, что удар попал в цель.

— Я не знаю, что там происходит и чего хотят урши, — осторожно, старательно подбирая слова, заговорил харр. — Но те, кто расспрашивал Бетро и остальных, явно искали и ждали тебя. Что бы им ни было нужно на самом деле, ты для этого очень важна. Они уже два года прилетают сюда, но пока ничего больше не делают. Это странно для уршей. Когда ты появилась, я понял, что пришла пора разобраться в этом. Поэтому согласился вести.

— То есть ты планировал просто подсунуть меня бандитам и наблюдать?! — ужаснулась я.

— Я собирался действовать по обстановке, — уклончиво ответил он.

— Ну то есть да, — по-своему истолковала я сказанное и опять ткнулась лбом в грудь мужчины. — Кошмар.

— Я не знал, какая ты, — тихо возразил Нир. — Просто маленькая урши. Чужая.

— Бетро тоже в курсе?

— Бетро знал, что, кроме меня, туда никто не сунется. И он предупредил тебя об этих — насколько мог. Но это дело шрета, а другие харры не лезут в дела шретов. Маленькая урши очень упряма и очень хотела пойти в лес. Ты бы разве испугалась там, у Бетро, даже если бы узнала об этих голохвостых?

— Там вряд ли, — признала я. — А вот после стычки с теми тремя...

— А там уже я отказался поворачивать назад. Капля дождя не может замереть на полпути и вернуться в тучу. Начатое должно быть закончено. Не бойся. Я не позволю причинить тебе вред и не отдам тебя им. Обещаю.

— Передумал? — спросила с подозрением.

— Передумал, — серьёзно кивнул он. — Пойдём, путь долгий.

Харрский хвост опять обвил моё запястье, и ничего не оставалось, кроме как послушно последовать за рыжим.

Кажется, я окончательно тронулась умом. Вот только что же поймала его на откровенной лжи. Ну ладно, не очень откровенной, потому что я дословно не помню, что он мне там говорил про связь со своими, и ничего доказать не могу, но обманул ведь! Больше того, хладнокровно планировал подставить. Может, конечно, потом вытащил бы, но совсем не обязательно и при одном условии: если бы успел.

Но один раз поцеловал, и я готова с ним хоть на край света, хоть в чёрную дыру. И охотно верю, что уж в этот раз не обманет, потому что ну он же такой замечательный, такой нежный, и так целуется...

Ну не дура ли? Дура.

А с другой стороны... Может, я и обманываю себя, но какая альтернатива? Ну вернулась бы я к Бетро, улетела потом на Землю. И что? Разве сны куда-то от этого денутся? Сколько еще я проживу до того момента, как начну путать реальность и фантазии? Я ведь не на экскурсию сюда прилетела!

Да, нет никаких доказательств, что визит в храм что-то изменит, что от этого прекратятся сны, что я вспомню события того злополучного дня, изменившего мою жизнь. Но нет и доказательств обратного, а интуиция в голос вопит, что всё это звенья одной цепи — смерть коллег, моя жизнь, сны, эти проклятые уголовники, если это, конечно, они, а не жутко секретная тайная операция правительства, объяснимая какой-нибудь очередной теорией заговора.

А Нидар... Строго говоря, он ведь и правда ничего мне не должен. И никто не заставляет его так старательно обо мне заботиться, исключительно добрая воля. Так на кого стоит жаловаться пресловутой Красной Шапочке из сказки, которая потащилась в тёмный лес в сопровождении одного только зубастого волка?

И наши прежние проводники, которые вели экспедицию в храм. Они ведь наверняка знали об этой особенности, могли позвать кого-то из своих, когда всё случилось! Но не позвали. И, наверное, можно на это сердиться и обижаться, но надо помнить, что харры — чужие. Да, они дружелюбны и кажутся очень милыми, но явно себе на уме. Да и... Когда всё случилось, спешка была, наверное, не так уж принципиальна. Но всё равно ощущения мерзкие...

— Нир, — окликнула я через некоторое время, когда более-менее успокоилась и утрясла эмоции. — А ты точно больше ничего не можешь сказать о храме? Ну, такого, чего я ещё не знаю и что ты до сих пор не говорил.

— Не думаю, — после короткой паузы ответил он. — Я бывал там несколько раз. Впервые — как остальные харры, это что-то вроде испытания у молодых. Только большинство потом не хочет возвращаться, а меня иногда тянет. Там красиво, странно и... иначе.

— Чем где?

— Чем везде. Это особенное место. Важное. Но я не знаю почему.

— Не знаешь — шайян или не знаешь — найвин? — уточнила я.

— И то и другое.

— И с тобой не случилось там ничего необычного?

— Нет, — он качнул головой, пожал плечами. — Если не считать того, что я никогда не боялся там ночевать. Пару раз оставался, переждал грозу. Но ничего особенного не помню.

— Да уж, я тоже не помню ничего особенного, — я нервно хмыкнула. — Но зато нечто особенное *не помню*. Может, с тобой тоже что-то подобное приключилось? Тебе никакие сценки из жизни древних не снятся?

— Нет. Даже немного жаль, — отозвался он со смешком.

— А расскажи еще про эти линии передачи, по которым вы общаетесь, — решила я отвлечься от серьёзных тем. — Ты говоришь, они естественные, но как они вообще появляются?

Честно говоря, с отношением местных к науке я подозревала, что Нидар на вопрос не ответит: скажет, что им было неинтересно выяснять, работает — и ладно. Однако я недооценила харра,

предназначение этих естественных каналов он знал.

Вот те высоченные местные деревья, которые составляли основу леса, в отличие от земных, не просто не боялись ударов молний, они намеренно притягивали электричество. При этом дерево, в которое била молния, аккумулировало полученную энергию, преобразовывало и делилось излишками с окружающими. Вот по этим самым каналам. Деревья поглощали только сигнал определённой частоты, а некоторые другие распространялись на большие расстояния, чем харры и пользовались.

Всё-таки до чего потрясающая планета...

Остаток дня прошёл спокойно. Вернее, без происшествий, а до спокойствия лично мне было далековато. Поцелуй до сих пор жёг губы желанием повторения, и было ясно, что это далеко не конец, и закрывать этот вопрос рано или поздно придётся. Но Нидар держался так, будто ничего не случилось, и я тоже старалась. Это было проще — делать вид, что всё как обычно. И в личном, и в том, что касалось посещения храма.

Но после таких событий, наверное, не стоило удивляться сюжету очередного сна.

Сегодня Он словно злился на меня за мысли о другом мужчине и поцелуй и решил наказать. Осторожно, нежно, но... пожалуй, жестоко.

Тело слушалось не меня, а Его рук и губ, сводящих с ума, раз за разом подводящих к грани наслаждения и не позволяющих её пересечь.

Я шептала, кричала, молила, не думая не только о том, где нахожусь, но забыв, кто я вообще такая. Пытка длилась и длилась, не кончаясь...

— Мара, очнись! — Сон ускользнул, спугнутый хриплым мужским голосом и сильными ладонями, которые слегка встряхнули меня за плечи.

Я вздрогнула, просыпаясь, и не сдержала разочарованного стога: ну что за проклятье?!

А через мгновение нашла себя в пространстве и выцедила сквозь зубы несколько ругательств, жалея, что не могу прямо сейчас провалиться сквозь землю.

Я сидела верхом на Нидаре, а до этого — кажется, лежала на нём же. Полы харрской жилетки раскинуты, ремень полурасстёгнут, а ладони буквально горят, явно от прикосновений к чужой коже.

Мужчина ослабил хватку, и я, сжавшись, бессильно упала ему на грудь, закусив губу.

Вин! Провалиться мне на дно, это...

Да некуда дальше проваливаться!

— Прости, это... — выдавила с трудом.

— Тс-с! — выдохнул рыжий, обнял меня обеими руками, на мгновение прижал так, что кости хрустнули. Но тут же ослабил хватку и сипло, тихо попросил: — Просто немного полежи неподвижно.

Я хотела было спросить, при чём тут это, но внимание уцепилось ещё за несколько деталей. Например, за то, как часто и сильно колотится под моей щекой сердце этого огромного мужчины. Или на то, как хрипло он дышит. И губы сладко ноют, и это явно не воспоминания дня, а следы свежих поцелуев. И я уже не говорю о том, что хоть штаны у Нира плотные, но всё равно через них отчётливо ощущается... степень равнодушия к происходящему.

Я плотно зажмурилась, глубоко вздохнула и медленно, сосредоточенно выдохнула — раз, другой, пытаюсь успокоить бешено стучащее где-то в горле сердце.

Вязкую тишину шалаша рискнула нарушить спустя довольно продолжительное время, когда собственное дыхание выровнялось, тело успокоилось, не требуя порции удовольствия прямо сейчас, да и харр подо мной ощутимо расслабился.

— Нир, это...

— Утром, маленькая урши, — оборвал он. Глубоко шумно вздохнул и добавил резче, строже: — Если не хочешь прямо сейчас продолжить, просто спи. Завтра трудная дорога, — добавил тише и, кажется, не для меня.

Всё-таки человек — общественное существо во всём, в который раз убеждаюсь на собственной

шкуре. Оказаться в нелепой ситуации одной болезненно для самолюбия, ужасно обидно, неприятно и стыдно. А стоило выяснить, что мы оба хороши, и на душе стало спокойней, и относиться к происходящему получалось с долей юмора. И из-за громадного облегчения, что не в себе были мы оба, я сейчас могла думать о постороннем, а не только о том, как извиняться перед Нидаром

Всё же интересно, что именно произошло? Неужели нас обоих так потянуло друг к другу во сне? Или всё-таки я начала приставать к Ниру, тот спросонья не сообразил и ответил, а потом очнулся? И как я вообще умудрилась, не просыпаясь, вылезти из спальника?! С Ильёй-то никогда не случилось ничего подобного, даже если виртуальный любовник снился мне в его присутствии!

Но независимо от причины и последовательности действий, всё это... проблема. Большая проблема. Потому что, как бы я ни уговаривала себя, что нельзя испытывать такие чувства к существу другого вида, глупо отрицать очевидное: влечение взаимно. И это рациональная часть мозга сейчас в недоумении, но кто её будет спрашивать, когда гормоны так бушуют?

Заснула я в итоге с провокационной мыслью, что, может, и стоило согласиться сразу на всё. В конце концов, кого я обманываю, всё равно к этому рано или поздно придёт! А наутро проснулась с больной головой и чувством стыда за собственные ночные мысли.

Как мне всё-таки повезло, что Нидар оказался таким сдержанным и серьёзным, потому что... Не представляю, как бы смотрела ему в глаза, если бы вчера полезла с поцелуями и всем остальным уже на ясную, казалось бы, голову.

Нет, справедливость вчерашних рассуждений я признавала и сейчас. Но вчера... Если бы что-то случилось в том дурманном, дремотном состоянии, то это было бы похоже на секс по пьяни, а я предпочту сохранить представление о подобных «удовольствиях» исключительно на уровне теории.

Приняв лекарства, я собралась и успокоилась, упаковала вещи и только после этого выбралась наружу.

— Доброе утро, — обратилась к возящемуся с огнём харру. — Как ты себя чувствуешь?

— А как должен? — с лёгкой насмешкой оглянулся на меня Нир.

— Не знаю, у меня вот голова болела и вообще ощущения как будто с похмелья. Может, мы чем-нибудь отравились вчера? Ну не просто же так нас накрыло!

— Всё хорошо, — спокойно заверил Нидар. — Умывайся и давай завтракать, не будем задерживаться.

К стыду своему, я сначала подумала, что рыжий намеренно изображает серьёзность и деловитость, избегая неловкости, даже успела немного поругаться сама с собой на эту тему, не в силах определиться, чего хочу от своего проводника.

Но потом начались болота, и я поняла, что дура, а в мире есть проблемы посерьёзней моего сложного отношения к харру.

Из зелёной, обманчивой равнины, поросшей весёлой сочной травкой, тут и там кверху тянулись тонкие, длинные, прямые стволы деревьев, смутно похожих на гигантские хвощи или тростник. Широкие зонтики их крон укрывали от яркого солнца, немного облегчая жизнь.

Над густой трясинной безраздельно властвовали тучи насекомых. Они не кусались — то ли в принципе, то ли благодаря отпугивающей химии, — но это не мешало летучим тварям отравлять существование. Они лезли в лицо, попадали в глаза, путались в волосах, норовили забиться в рот, в нос, в уши, и я то и дело остервенело трясла головой, отплёвывалась, отмахивалась и отфыркивалась, чувствуя, что вот еще немного, и от омерзения приключится истерика. Но вокруг продолжало хлюпать и чавкать, и я продолжала плестись вперёд за рыжим.

Не представляю, как Нир выбирал дорогу, но порой мы обходили по широкой дуге места, совершенно не отличающиеся, на мой взгляд, от всех прочих. Наверное, имелись какие-то малозаметные признаки, но тратить силы на разговоры не хотелось. Да и открывать рот лишний раз было чревато, летучие твари не дремали.

Штаны и ботинки опять показали себя с лучшей стороны, я не промокала, и это в окружающей действительности радовало, пожалуй, сильнее всего. Жижка под ногами мерзко чавкала, и очень редко её уровень опускался ниже колен. В основном я брела почти по пояс, иногда проваливалась глубже, и тогда бдительный харр выуживал меня на поверхность, перекидывал рюкзак на грудь и молча подставлял спину, давая возможность отдохнуть.

Сам рыжий пёр вперёд с упорством и настойчивостью автоматической буровой станции. Не сбиваясь с шага, почти не оступаясь, даже когда тащил еще и меня, и оставалось только удивляться

его выносливости.

Короткие привалы мы устраивали на «сухих» местах, пара таких попалась: там жижа была гораздо гуще и не закрывала даже ботинки. Плюхались прямо в эту грязь и жевали то, что запасливый Нидар успел прихватить с собой: плоды, пряные крупные орехи и холодное мясо. Воду тоже пили из запаса, но с ней проблем не было, порой на пути попадались бочаги с неожиданно чистой, прозрачной водой. О микробах и прочем я уже даже задумываться перестала: поздно. Если могла что-то подцепить, уже подцепила, не просто же так каждое утро радуется новыми неприятными ощущениями.

Несмотря на те передышки, которые давал харр, я окончательно сдулась ещё до заката. Очень хотелось совершенно по — детски плюхнуться прямо в лужу, покапризничать, поплакаться на жизнь и вообще, но мешали мухи и совесть. А потом меня, вынудив из очередной ямы, безо всяких просьб и истерик подняли на плечи. И не поставили на ноги, когда стало мельче.

Нет, он точно живое существо, а не киборг какой-нибудь?!

На ночлег остановились уже в темноте, хотя здесь, на болоте, ночь так толком и не наступила. Мерзкая хлюпающая жижа с заходом солнца превратилась в нечто волшебное и нереальное, мир расцвелился мириадами разноцветных огней.

Мошкара пропала, и вокруг болотных растений завились хороводы голубоватых светлячков. Они перелетали с места на место, качались на тускло светящихся красных и жёлтых ниточках травинки. Кое-где мертвенно бледно светилось само болото, от него поднимались клочья зелёного, красного, голубого тумана.

Живые искры разлетались от шагающего харра, гасли, а потом загорались вновь. Казалось, что мужчина бредёт не через болото — сквозь космос. Невообразимо огромный великан, из-под ног которого выскальзывают кометы, вокруг ног вихряются туманности, а на волосах оседают горячие капли новорождённых звёзд.

Наверное, я задремала, убаюканная мерной поступью Нира и космическим ландшафтом вокруг, потому что какой-то кусок пути выпал из восприятия. Очнулась, когда мужчина остановился, но и то не до конца. Тело ломило, и больше всего хотелось лечь и не вставать. Тем более мы почему-то стояли на твёрдом.

— Что, болото кончилось? — не поверила своему счастью.

Правильно не поверила.

— Нет, ещё завтра день. Здесь есть несколько сухих участков, где можно остановиться. Шалаш, правда, сделать не получится...

— Да и плевать. Я готова уснуть прямо здесь, — сообщила, садясь на землю. Доставать очки не хотелось, да и надобности в этом я сейчас не видела, вполне хватало возможностей шимки.

— Подожди, сначала поешь, — окликнул харр, опустился рядом на корточки и полез в рюкзак.

— Не хочу, — проворчала недовольно.

— Не капризничай, маленькая урши, — мягко возразил он. — Надо.

Я вяло прожевала несколько кусков чего-то, даже не понимая, что именно ем. Наверное, согласилась бы, не заметив подвоха, и на дневных мух. И заснула потом, кажется, прямо так, сидя. Подумать только, а когда-то я была уверена, что не смогу спать на земле даже в удобном спальнике!

И всю ночь под звуки шаманских напевов и барабаны мне снилось, как мир вокруг качается, плывёт, чавкает под вязнущими ногами — и зелёное болото, и пол моей комнаты в родительской квартире, и пустые коридоры храма. Даже испытала некоторое облегчение, стряхнув всё это утром: наконец-то просто дурацкий сон, навеянный впечатлениями дня.

Проснуться я проснулась, а вот шевелиться не хотелось совершенно: всё тело и так ныло, лёжа. И я мрачно думала о том, что сейчас придётся подниматься и волочиться дальше по этой хлюпи, отплёвываться от мух, и лучше бы я провалилась на дно, чем вот это всё.

Не способствовало бодрости и решимости и то, что Нидар тоже спал. Лежал на боку, обнимая меня сзади, и голова моя удобно устроилась на его согнутой руке. Дышал харр глубоко и ровно, расслабленный, спокойный... Оказывается, и у рыжего есть предел прочности, и вчера он здорово вымотался, если сегодня так заспался: прежде-то вскакивал на рассвете.

Вдруг остро, до странного щемящего чувства в груди захотелось вот прямо сейчас и прямо так

оказаться в постели. Даже не обязательно дома, меня устроила бы комнатуха в доме Бетро, главное, чтобы Нир так же лежал рядом и никуда не надо было идти. А потом проснулся бы, на мгновение прижал чуть крепче, коснулся губами шеи и промурлыкал тихо: «Доброе утро, маленькая урши!» И плевать, что словами они вообще не здороваются. И даже думать не хочется, с чего вдруг начались такие мысли и желания...

На этом месте опять сморила дремота, и в следующий раз я очнулась уже тогда, когда зашевелился Нидар.

— Мы проспали? — спросила вяло, приподняв голову, чтобы харр мог спокойно встать.

— Немного, — со смешком подтвердил он. — Но сегодня меньше идти, и во второй половине дня должно быть суше.

Это приободрило, хотя на самочувствии не сказалось: я по-прежнему ощущала себя куском ржавого железа, который совсем не гнётся, а если попытаться гнуть — сломается. Даже странно, что руки и ноги не скрипели.

Пока завтракали, я сумела немного размяться и, главное, преодолеть желание сразу попроситься на ручки. В конце концов, обещала же не доставлять проблем! Ну да, маршрут харр изменил целенаправленно, но это совсем не аргумент, никто с самого начала не обещал лёгкой дороги. Так что, Тата, взяла себя зубами за шкуру и поплухала дальше!

На этом боевом задоре и злости я продержалась целый час, даже не оступаясь. Тело смирилось, что вдоволь отдохнуть не удастся, мышцы поболели, но начали работать. Потом еще пару часов я шла на упрямыстве, с переменным успехом. Хуже всего стало, когда Нир опять поднял меня на спину, чтобы преодолеть глубокий участок, а потом поставил на ноги. Короткую передышку организм воспринял как разрешение отдохнуть, и собратся потом оказалось гораздо тяжелее. Даже несмотря на то, что дорога действительно стала легче: уменьшилось количество мух, болото обмелело и появилось больше сухих участков, на которых попадались вполне серьёзные, «настоящие» деревья.

В итоге, когда харр бодро сообщил, что у нас большой привал по случаю выхода на сушу и он пойдёт поймает нам что-нибудь свежее, я искренне пожелала удачи, села прямо там, где в этот момент стояла. А потом и легла, прислушиваясь к навязчивому гудению в ногах.

— Что с тобой, маленькая урши? — озадаченный мужчина опустился рядом на корточки.

— Всё. Двигатель не двигает, привод не приводит, генератор не генерит, сепаратор сипит и ругается...

— Что? — рыжий удивлённо выгнул брови, глядя на меня уже с подозрением.

— Устала я, — вздохнула в ответ, пока проводник не решил, будто у меня проблемы с головой.

— Отдыхай, — улыбнулся он. — Немного осталось.

— До того, как нас эти уголовники прикончат? — проворчала я. — Ладно, извини, я просто устала, вот и ворчу. Сейчас немного полежу и стану как огурец, зелёная и в пупырышках... Короче, всё, иди, дай помереть спокойно!

Нир неопределённо хмыкнул, окинул меня озадаченным взглядом, но продолжать разговор не стал и ушёл добывать пропитание.

Долго валяться я себе, впрочем, не позволила. Соскребла остатки силы воли в кулак, поднялась и принялась за поиски в окрестностях горячего для костра: за прошедшее время я успела выучить, что именно и в каких количествах требовалось для приготовления еды. Нашла плодовое дерево со знакомыми фруктами, сорвала несколько, но есть на всякий случай не стала. Вдруг окажется, что я обозналась, а это какой-то страшный яд?

Вернувшийся Нидар встретил результаты моей активности привычно, со смесью лёгкого укора и задумчивого уважения. Кажется, до сих пор не мог окончательно принять моё стремление быть полезной, у них всё же довольно сильна установка о том, что женщина — хозяйка в доме, мужчина — в лесу. Причём если помочь женщине в доме, особенно с чем-то физически трудным, совершенно нормально, потому что мужчина в этом доме тоже живёт, то женщине в лесу по — хорошему вообще нечего делать.

Этакая мягкая версия патриархата. Если женщина вдруг решит начать охотиться наравне с мужчинами, какого-то серьёзного общественного осуждения она не понесёт, запрещать тоже никто не станет, но — не поймут. Признают её заслуги, даже похвалят и выкажут уважение, но всё равно будут относиться как к чудачке, как они тут говорят — к белому тсору.

Я пыталась объяснить разницу Ниру, он даже понял, но записал отличие в очередные странности «этих уршей, которые любят всё усложнять». Ну и то радость, что спорить не стал, в этом смысле мне повезло — и с проводником, и с харрами вообще. Они в принципе не любят спорить, когда кто-то настырно пытается совершить глупость. Так Бетро не стал отговаривать меня от похода в храм, очень наглядный пример.

Остаток дня прошёл обычно. Не то чтобы совсем спокойно, несколько раз мы опять сталкивались с опасными местными обитателями, но это было гораздо лучше бесконечного однообразного болота, я даже более-менее расходилась. Да и настроение к вечеру поднялось: от храма нас отделяло всего полдня пути. И радости не умаляла даже перспектива неприятной встречи в конце.

Проблемы начались неожиданно, когда я, поужинав, собралась пойти спать. Пока сидела, чувствовала себя неплохо, но просто не сумела встать, даже на колени: ноги задрожали и подогнулись. Вторая попытка также не увенчалась успехом.

— Что случилось? — насторожился Нидар.

— Встать не могу, — нервно хихикнула я. — Похоже, уходилась.

— Болит? — спросил он, приблизился, опустился на колени и ткнул пальцами мне в бёдра.

— Нет, просто как будто онемели. Но я утром обезболивающее приняла, а оно долго действует, могло и на мышцы сработать.

— Ясно, — вздохнул харр, слегка хлопнул себя ладонями по бёдрам и рывком поднялся.

— Что? Нир, а ты куда?

— Недалеко, не волнуйся, маленькая урши, — заверил проводник и сунулся в шалаш, чтобы достать спальник. Под моим заинтересованным взглядом расстелил его на земле и, опустившись рядом на колени, подхватил меня под спину и бёдра и рывком пересадил на подстилку.

— Я буду спать здесь? — спросила я наконец.

— Это вряд ли, — усмехнулся рыжий. — Снимай штаны и вот эти свои, как вы их называете, — он ткнул в ботинки.

— Зачем? — растерялась я, но к обуви потянулась.

— Помогу тебе начать ходить, а то завтра совсем не сможешь. Это хорошо, что твоё лекарство пока работает. Иначе было бы труднее.

С этими словами он поднялся и принёс один из плодов, соком которых поливал мясо — они тут росли в изобилии и повсеместно.

— Будешь меня мариновать? — я засмеялась, но штаны стащила безо всякого смущения: бельё спортивного типа мало отличалось формой от тех шорт, в которых я, бывало, ходила на Земле.

— Да. — Нидар на мгновение грозно оскалился, но тут же спрятал клыки и улыбнулся, давая понять, что пошутил.

Вообще-то, высокая степень доверия. Потому что у них подобный юмор — нечто вроде пошлой шутки в адрес собеседника. То есть обычно оскорбительно для адресата, а если мужчина скалится на женщину — это характеризует его не с лучшей стороны, как очень невоспитанного хама. Но, как и грубая шутка, это вполне допустимо в общении с близкими друзьями, с теми, кого знаешь очень хорошо и уверен, что шутку они воспримут как шутку.

Нир, конечно, в курсе, что я человек и нравы у нас другие, но всё равно показательно. Мелочь, а приятно. К моему участию в общественно полезных делах до сих пор привыкнуть не может, а тут — вон как расслабился.

Харр первым делом поймал мою лодыжку, поднял и с большим интересом осмотрел, даже, кажется, обнюхал.

— Ну ты чего, — смутилась я и дрыгнула ногой, пытаюсь её отобрать. — Ну я сколько дней уже без нормального душа, конечно — пахнуть будет...

Я осеклась, потому что Нидар посмотрел на меня ну очень странно, со смесью недоверчивого недоумения, вежливого осуждения и насмешки. Что имел в виду — я так и не поняла, но не выпустил, потрогал пальцы, погладил верх стопы, свод... На последнем я опять дёрнулась.

— Щекотно, — пояснила в ответ на вопросительный взгляд.

— Забавно, — улыбнулся мужчина, накрыв всю мою стопу ладонью. Харрская ручища оказалась заметно больше.

— Что забавно? — уточнила, потому что продолжения не последовало, а мою ногу он положил обратно на спальник.

— Давно хотел рассмотреть, у вас такие странные ноги. Думал, они только кажутся беззащитными.

— А! Ну мы же обувь носим. Если полгода босиком походить, то тоже своя подмётка будет как у ботинка, — пояснила со смешком, наблюдая за тем, как рыжий выдавливает мне на кожу сок.

Зрелище и ощущения были волнующими. Горячие ладони медленно огладили голень, поднялись до бедра, размазывая густую жёлтую жидкость с резким запахом. Я откинулась на спину и прикрыла глаза, постаравшись сосредоточиться на дыхании, потому что... Когда он вот так трогает, мысли в голову лезут исключительно неуместные.

Впрочем, зря я волновалась о каких-то посторонних желаниях. Стоило харру начать действительно разминать, на ласку это перестало походить совершенно: чёткие, сильные, выверенные движения, приятные, но грубоватые. А уж когда обезболивающее прекратило действовать или, наоборот, стало проходить онемение... В общем, обо всех своих мечтах я забыла сразу, осталась только одна: чтобы всё это поскорее кончилось. По сравнению с этим массаж, который мужчина делал мне на дереве, казался ласковыми поглаживаниями.

В лечебной процедуре Нидар проявил редкую твёрдость и не делал никаких скидок на моё поскуливание, произвольно текущие слёзы и ругательства.

— Всё, теперь можно жарить? — простила я, когда пытка закончилась. — Всё промазано и отбито?

— Можно, — усмехнулся Нир, оглаживая мои ноги — мягко, успокаивающе. — Полежи немного так, и я сок смою, а то жечь будет.

«Немного» получилось непродолжительным, но вполне достаточным, чтобы более-менее прийти в чувство и осознать, что страшное позади. После подобного меня и бандиты впереди уже не так пугали. Шутка, конечно, но, как это всегда бывает с шутками, лишь отчасти.

Отмывать меня рыжий отправился к ручью, причём отнёс на руках, и я даже не успела заикнуться, что, наверное, могу и сама пойти. Там присел на корточки прямо в воду, усадил на одно колено меня и принялся аккуратно смывать альтернативное массажное масло. К счастью, оно нормально сходило безо всякого мыла.

И опять я не стала возмущаться. Обняла одной рукой, как смогла, пристроила голову на широком плече, зарылась носом в мягкую гриву и поняла, что мне... хорошо. Очень хорошо. И дело не в окончании дороги, а вот в этой трогательной заботе, вообще в том, что Нир — такой большой, осторожный, надёжный — рядом.

Благодаря ему тяжёлый путь почти превратился в развлекательную прогулку. Я ведь всего единожды по — настоящему влипла в неприятности, и то по собственной глупости! А потом он так тщательно оберегал меня, что я совсем перестала бояться леса. Да, смотрела по сторонам гораздо внимательней, чем поначалу, больше видела и понимала, но — не боялась. Внутри укоренилась и разрослась непробиваемая уверенность, что с Нидаром рядом ничего не грозит.

Всё же он очень похож на моего отца. И это, наверное, очень показательно с психологической точки зрения, но как-то не очень хочется обо всём этом думать.

Погружённая в мысли, наслаждаясь чувством безмятежности и уюта, я не сразу поняла, что сока на коже больше не осталось, а рука харра продолжает ласково гладить. И не только ногу, а порой поднимается выше, проскальзывает под край майки. И Нир совсем не торопится возвращаться к костру.

Но останавливать мужчину я не стала. Через несколько мгновений подняла голову, чтобы взглянуть в его лицо. Широкая ладонь замерла на боку под майкой, а моя — как-то сама собой, естественно, — легла на твёрдую грудь мужчины. Сердце в которой стучало слишком быстро для спокойного и равнодушного существа.

Я поймала взгляд — тёмный, глубокий, манящий, — и, не думая, сама подалась ближе, коснулась губами мягких губ. Нидар не настаивал, не подталкивал к поцелую, сейчас это был мой выбор и мой шаг в пропасть. Мужчина вообще в первое мгновение замер, как будто не ожидал такого поступка и совсем не был к нему готов. Но ответил почти сразу, охотно.

Моя ладонь скользнула по его груди вверх, на плечо, к лохматой и запутанной гриве, пальцы с

удовольствием вцепились в мягкий и пушистый, как у домашнего кота, мех.

Увлечённая новыми ощущениями, я не сразу заметила, что Нир встал, легко удерживая меня почти в том же положении, в каком я только что сидела. Шаг, другой — я не успела задуматься, как он вслепую находит дорогу, когда мы опять оказались возле костра, где так кстати оставался спальник. На который харр и встал коленями, не выпуская меня из рук.

Кстати? Я серьёзно это подумала?..

Мысль мелькнула и пропала, вытесненная приятными эмоциями. Пьянящим вкусом поцелуя, прикосновениями — осторожными, изучающими.

Нир аккуратно уложил меня, отстранился, чтобы снять жилетку и расстегнуть ремень, но лежать просто так я не стала. Поднялась на колени, опять потянулась к его губам, запустила в гриву уже обе руки. Ответом мне стал прерывистый хриплый вздох и новый поцелуй — сумасшедший, жадный, а через мгновение харр опять стиснул в объятьях.

Я огладила ладонями литые плечи, наслаждаясь ощущением скрытой под гладкой кожей мощи. Тёплая, нежная, ласковая сталь — это... впечатляет.

Мужчина потянул вверх мою майку, и я послушно вскинула руки, позволяя её снять. Снова поцелуй, горячий и многообещающий.

Сильные ладони на моих бёдрах и немногочисленная одежда, которая вызывала досаду тем, что не позволяла ощутить близость мужчины в полной мере. Ладони харра скользнули выше, на талию, а бёдра, не давая отстраниться, обвил... хвост?

Эта мысль слегка отрезвила. Я прервала поцелуй и немного отстранилась, не в силах при этом, правда, отпустить его плечи.

— Нир, но мы же, я же... Ты харр! А я человек!

— Да, моя маленькая урши, — ответил он и рывком развернул к себе спиной. Опять прижал, через бельё накрыл обеими руками грудь. Слегка сжал, проложил цепочку поцелуев от плеча по шее вверх, к уху, очертил языком контур. Я послушно наклонила голову, чтобы ему было удобнее, потом — вздрогнула от остроты ощущений.

Короткий спортивный топик, какие я предпочитала использовать в походах в качестве нижнего белья, харр так же невозмутимо потянул вверх, как раньше майку. И я столь же послушно вскинула руки, позволяя это. Слишком малую часть моего сознания смущало происходящее, чтобы я действительно решила воспротивиться.

— Нир, я против межвидовых отношений! Это же извращение... Ох!

— Да, моя маленькая урши, — хрипло согласился рыжий. Одной рукой он продолжал ласкать мне грудь, а второй стянул остатки белья и...

— Нир! — простонала я. — Мы же не можем...

— Такая сладкая, такая нежная, — мурлычущий, низкий голос возле самого уха заставил поперхнуться словами. — Такая горячая...

Я жалко всхлипнула и обречённо откинула голову на плечо мужчины. Ну кого я обманываю! «Не можем»... Да я хочу его сейчас так, что в глазах темнеет, от каждого прикосновения тело выгибается, стремясь продлить мгновение близости, и всё, что меня сейчас волнует в окружающей действительности, сосредоточено в этом мужчине. И давно уже плевать на его хвост...

Харр мягко подаётся вперёд, вынуждая меня опереться на руки. Сам нависает сверху, прижимаясь всем телом.

Его ладонь, огромная рядом с моими — контраст почти пугает, но одновременно ещё больше заводит. Второй рукой Нир продолжает ласкать, и с губ срывается его имя пополам с невнятными мольбами.

Потом он выпрямляется, и я чувствую обе ладони на своей талии, и они мучительно медленно скользят по телу, заставляя призывно изгибаться и стонать от желания большего. Рука мужчины слегка надавливает на поясницу, и кажется — если растопырит пальцы, сумеет накрыть её целиком.

От этого ощущения в голове на мгновение вспыхивает какая-то мысль, но я со стоном выдыхаю и её, и все прочие, окончательно растворяюсь в возбуждении и близости желанного мужчины.

ГЛАВА 7. Предположения

Нир сидел на пятках, чуть отклонившись назад, а я — верхом на его бёдрах, откинувшись на широкую грудь. Харр крепко обнимал меня руками и хвостом, не позволяя соскользнуть, и ерошил растрепавшиеся волосы рваным дыханием.

Я ощущала себя сгустком полностью удовлетворённой жизнью аморфной субстанции. По телу, заставляя зябко ёжиться, еще прокатывались отголоски только что испытанного одного на двоих удовольствия, и... никогда прежде мне не было так хорошо. В реальности, имею в виду.

Да и... виртуальный любовник, конечно, был хорош, но вот этой возможности понежиться в сильных руках после яркой вспышки наслаждения сны не давали, а здесь и в процессе так же хорошо, и после — еще лучше.

И, главное, всё это — на самом деле, и не надо опасаться за собственное психическое здоровье. Хвост, конечно, настораживает, но совсем не так, как серьёзные отношения с собственным подсознанием...

Стоп.

Затуманенный мозг наконец достаточно очнулся, чтобы сложить один плюс один. А именно — сравнить ощущения тех снов и близости с Ниром.

— Так не бывает, — пробормотала я растерянно, от неожиданности крепко вцепившись в предплечья мужчины.

— Что случилось? — напряжённо спросил харр.

— Понимаешь, помимо событий в храме мне снилось... В общем, неважно, это не можешь быть ты.

— Почему? — уточнил с непонятной интонацией.

— Потому что эти сны преследуют меня больше года, а с тобой я несколько дней назад познакомилась! Я не верю в предвиденье, это по определению не мог быть ты!

— А если нет?

— Ну это очень... Стой, погоди! — я завозилась, заставив себя выпутаться из уютных объятий, чтобы обернуться и заглянуть в лицо.

Нидар не стал удерживать, хотя и далеко не отпустил, хвост бдительно обвился вокруг моего бедра. Выглядел мужчина собранным и напряжённым, смотрел на меня с лёгкой тревогой.

— Нир, ты что-то об этом знаешь? — предположила мрачно. — Ты опять не всё рассказал?!

— Не сердись, моя маленькая урши, — проговорил он, чуть прижав уши. Подался вперёд, обнял одной рукой. Я упрямо упёрлась ладонями в его грудь, чтобы сохранить хоть какую-то дистанцию, а вместе с ней — решимость довести разговор до логического конца.

Но это движение харр проигнорировал вместе с моим вялым сопротивлением, вытянулся на спальнике и устроил меня у себя на груди. Впрочем, выражение лица у него оставалось слишком серьёзным для того, кто намерен уйти от важного разговора, и я не стала упорствовать, послушно растеклась по мощному телу. Только приподнялась, опираясь на руки, чтобы не терять зрительного контакта.

— Я ничего об этом не знаю, — повторил Нир. — Но год или два назад начал видеть сны о близости с какой-то женщиной. В последнее время — чаще. Никогда утром не помнил лица, только ощущения. После них стало сложнее с обычными женщинами, потому что... хорошо, но точно знал: не то. Не так. Я и не думал, что это связано с храмом, предположил, только когда ты заговорила про сны. Другие, но этого слишком много для случайного совпадения: я вижу странные сны, и вдруг появляется маленькая урши, которую её странные сны ведут в храм. Что снилась мне ты, заподозрил в первую ночь на дереве, когда обнимал. А точно понял только теперь.

— Свихнуться вконец, — пробормотала я и уронила голову на руки. — Но как?! Почему?! Ты уверен, что с тобой ничего не происходило в храме? Ведь это, получается, единственное, что нас связывало до знакомства!

— Не знаю, — проговорил он со вздохом, прошёлся ладонью от моей макушки до поясницы. — Но я ходил туда один. Если что-то случилось и я забыл, то...

— То установить это достоверно просто невозможно, потому что за временем вы тут вообще не

очень-то следите, и пропавшие сутки ты, блуждая по лесу, мог просто не заметить. Вин! Но я не понимаю как?! Это ведь просто груда камней, что там могло такое случиться, чтобы мы вдруг начали грезить друг другом? И, главное, зачем?

— Зачем — что? — озадачился рыжий.

— Ну ладно, допустим, смерть моих друзей можно объяснить какими-нибудь древними технологиями. В конце концов, может, они какой-нибудь яд выпустили, а на меня он странно подействовал и я убежала. Наличие газа можно объяснить попыткой защититься от воров или каким-нибудь естественным процессом. Но какими естественными причинами можно объяснить наши сны?! И для чего тем, кто хозяйничал в этом храме, вызывать такую вот реакцию? И чем, главное, её можно вызвать?! Да еще такую отложенную, да еще такую точную...

— Может быть, храм просто дал нам это знание?

— Но зачем?! Это что, какая-нибудь древняя брачная церемония? — предположила растерянно. — Вин! Всё какая-то нелепая фантастика со сказками на ум приходят. Я вообще перестала понимать, что происходит!

— Тебе плохо? — спросил харр ровно.

— Нет, мне хорошо, но...

— Тогда зачем разбираться? — он слегка пожал плечами.

— Затем, что иначе непонятно, как жить дальше! А если эти сны не кончатся? Я из-за них с парнем рассталась, а если я ещё буду знать, что всё это почти по — настоящему...

— Ты хочешь улететь? — голос мужчины прозвучал напряжённо. И я, мысленно выругавшись, опять приподнялась, чтобы заглянуть ему в лицо. Нидар хмурился, но вроде бы не злился. — Я тебе не нравлюсь?

— Нравишься, — признала со вздохом. — Ты... Если честно, ты самый замечательный мужчина, которого я вообще встречала. Но, Нир, это ведь невозможно! Я же... урши!

— Ты замечательная.

— А у тебя хвост!

— А у тебя нет.

— Нир, это... свихнуться можно, — пробормотала тоскливо, сжавшись на его груди и стиснув зубы, чтобы позорно не разреветься от обиды. — Почему всё так сложно?! С тобой хорошо, очень хорошо, но я не представляю, что делать на Индре, то есть здесь. Там работа, я её люблю, там привычный понятный мир, а здесь...

Я запнулась, а харр, который всё это время продолжал аккуратно прижимать меня к себе и ласково гладить, проговорил:

— Всё будет хорошо, моя маленькая урши. Не грусти, всё разрешится. Мы еще даже не дошли до места.

— Иногда хорошо быть фаталистом, — вздохнула я. — А меня вот сейчас корёжит от противоречий...

Ещё пару мгновений мы лежали неподвижно, а потом Нир перекатился набок, уложил меня на мягкую оранжевую ткань, поцеловал — нежно, долго, и от этого поцелуя как будто стало легче дышать.

— Всё будет хорошо, — повторил он.

— Ты думаешь?

— Знаю, — улыбнулся тепло.

И опять поцеловал, потом спустился к шее... А я постаралась выкинуть из головы все мрачные мысли. Обхватила мужчину за плечи, опять добралась до гривы, на этот раз на затылке, опять вцепилась в мягкий мех. В ответ Нир сильнее вжал меня в землю и тихо не то рыкнул, не то застонал.

— Тебе больно? — уточнила на всякий случай, немного ослабив хватку.

— Наоборот, приятно, — усмехнулся рыжий. — Очень возбуждает. И... поощряет.

— Это хорошо, — решила я и настойчиво потянула его за гриву ближе.

Плевать. Не хочу ни о чём думать, не хочу гадать о будущем и что-то выбирать. Хочу этого мужчину, здесь и сейчас, а всё остальное... Может, мы вообще не переживём эту прогулку, так стоит ли думать о том, что никогда не случится!

И способ, которым Нидар заставил забыть обо всех этих вопросах, мне очень понравился. Эффективный. Вскоре я не помнила ничего, кроме его имени, и безоговорочно верила, что всё это просто не может кончиться плохо.

Заснули мы в итоге глубоко за полночь, перед этим, правда, забравшись обратно в шалаш. Не знаю, какая жажда не давала остановиться харру, а меня буквально сводила с ума наконец-то полученная возможность *касаться*. Исследовать ладонями и губами тело мужчины, хвататься за его руки, плечи, бёдра, снова запускать пальцы в мягкий мех гривы — кажется, это рискует превратиться в мой личный фетиш, потому что ощущение приводило в восторг.

Но, увы, прекрасно прошла не вся ночь...

Этот зал я узнала сразу. Мы называли его церемониальным — самый большой, расположенный в сердце комплекса, со стенами, изукрашенными затейливыми резными геометрическими узорами. В зал вёл единственный проход, где если когда-то и стояла дверь, то время её не пощадило. Напротив него располагалась, поддерживая симметрию, глухая арка, повторяющая очертания входной. На высоте метров пяти зал окружала галерея с изящной каменной балюстрадой, на которую можно было попасть с лестницы, начинающейся снаружи зала, почти сразу за дверью.

По рабочей гипотезе сюда для каких-то обрядов допускались далеко не все желающие, а те, кто имел такое право. Все остальные могли наблюдать с галереи, по принципу старинных мусульманских святынь. Правда, никакого выраженного объекта священнодействия — алтаря, статуи, вообще хоть какого-то изображения — здесь не было, зал выглядел совершенно пустым и симметричным. Одинаковый геометрический узор по всему периметру, одинаковые гладкие плиты потолка, одинаковые плиты пола.

Предполагали, что объект преклонения был выполнен из чего-то более тленного, чем камень стен, но без особой уверенности. Обычно подобные вещи составляют центр композиции, и хотя бы местоположение святыни должно было как-то выделяться на общем фоне. Выдвигали альтернативную версию, что это просто место общих сборов вроде бальной залы.

Отдельный интерес здесь вызвала конструкция перекрытий, потому что строители умудрились обойтись и без арок, и без колонн. Но изучить её, увы, не успели, и загадка так и осталась неразгаданной.

В этом большом пустом зале несколько человек просто терялись, казались крошечными и незначительными.

Экспедиция вообще собралась небольшая. Над темой работала только группа Говорова, нас у него было всего-то двадцать три человека с учётом младших научных сотрудников и пары студентов старших курсов, нацелившихся к профессору в ученики. А дорога долгая и трудная, что автоматически отсекало студентов, а так же опасавшихся рисковать почтенных и откровенно кабинетных работников.

Да и не требовалось много народу, раскопки в план не входили, только всестороннее изучение построек, до сих пор никем толком не описанных, — более чем достаточно для первого раза. Не столько экспедиция, сколько «разведка боем», по результатам которой планировалась новая. Не сложилось.

В тот раз в зале было семь человек археологов — четверо молодых аспирантов и трое специалистов постарше, — два техника и пятеро крепких мужчин, нанятых в качестве охраны и дополнительной рабочей силы в условиях постоянных сбоев в электронике. Говоров считал их главной функцией последнюю, потому что не видел смысла в таких защитниках: в лесу пользы от них немного, там нас выручали харры-проводники, а в храме — и защищать не от кого. Но инструкция требовала, потому что неосвоенная планета и проблемы с логистикой.

Я смотрела на зал откуда-то сверху и сбоку. Видела, как Лю, Вадим — один из «средних» научных сотрудников, уже вполне сложившийся профессионал, но ещё молодой и энергичный, — и старший техник под руководством профессора устанавливали посреди зала сканирующее оборудование. На случай отказа капризной электроники имелся и комплект оптических приборов с измерительными рулетками и прочей необходимой мелочёвкой, но эти ящики пока стояли у стены зала.

Рядом с ними дремал, сидя на полу и привалившись к стене, Адам — самый старший, самый монументальный и флегматичный из охранников. Он забавлял нас умением и привычкой дремать в любом положении в любую свободную минуту, приобретённой, как рассказывал, во время службы.

Вспоминать он её неохотно, байки травить не любил, но с удовольствием слушал рассказы старших археологов. За время пути Адам успел завоевать симпатии и уважение всей группы своей рассудительностью и интересом к истории.

У глухой арки стояла Мисси и торопливо, пока не отвлекли, черкала в большом блокноте, делая наброски. Рядом маячил Дан — молодой улыбчивый парень, которому с первого взгляда понравилась фигуристая художница. Мисси общалась с ним ровно, поводов к сближению не давала, но тот не оставлял надежды добиться взаимности.

Также со стороны я видела, как в зал, глядя под ноги, вошла я сама — рассеянная, погружённая в мысли.

Потом вдруг оказалось, что галерея не пуста. Там стоял уже знакомый белогривый равнодушный бог, одетый сейчас точно так же, как жрецы. С двумя из них он о чём-то разговаривал, внимательно глядя вниз, на людей, не замечающих постороннего присутствия. От нехорошего предчувствия стало холодно в груди, захотелось крикнуть, предупредить всех уходить — но сон этого не позволил.

Картина вновь сменилась, и внизу уже не было землян, только два харра в свободных зелёных шортах с дырками под хвосты. Они стояли и смотрели вверх, на бога, а тот слушал одного из жрецов, порой что-то спрашивая или отвечая — я не слышала голосов, всё заглушали проклятые шаманские песни.

Наконец белогривый повелительно взмахнул рукой. Двое разошлись, замерли лицом к лицу на расстоянии пары метров — а потом резко рванули друг к другу. Не было никаких проверок, предупреждений, оценок противника, они просто яростно сцепились посреди зала. С остервенением, с какой-то безумной, невероятной жестокостью, как два бешеных зверя — рвали друг друга зубами, ногтями, пытались задушить и по-кошачьи ударить задними лапами, вцепившись в противника. Выглядело омерзительно, а бог и жрецы — равнодушно наблюдали.

Всё происходящее не доставляло им удовольствия, это отчётливо читалось во взглядах. Там царил лишь отстранённый, холодный интерес.

Потом видение потекло, меняясь, — и вот на месте харров уже с той же яростью дерутся Дан и Адам. Словно забыв про всю свою выучку, кусались, царапались, и искажённые злостью лица казались совершенно незнакомыми, вызвали оторопь и отвращение.

А следом сон вообще превратился в калейдоскоп бессвязных обрывков и мерзких видений. Говоров с разбитой головой и искажённым странной гримасой лицом, взгляд которого устремлён в потолок. Избитый и окровавленный Вадим. Дан с жуткой, перекошенной гримасой на совсем уже нечеловеческом лице, который обеими руками держал за горло Мисси в разорванной одежде и насиловал. Хотя девушка, кажется, была уже мертва.

Адам, с той же целью вжавший меня в пол, удерживая одной рукой запястья, а второй — разрывая одежду...

— Мара! Мара, проснись!

Я забилась, ощутив на плечах чужие руки, закричала. Но харр опять слегка встряхнул меня, еще раз окликнул — и до затуманенного разума наконец дошло, что это был всего лишь сон. А в реальности я лежу на спальнике рядом с Ниром, тот держит меня за плечо, а на губах горько и солоно.

Прекратив метаться, я подалась ближе к мужчине. Уткнулась лицом в грудь, глотая слёзы и пытаюсь взять себя в руки, уговорить, что это был просто сон, кошмар, не имевший ничего общего с реальностью.

Получалось плохо.

Ни дар повалился на спину, увлекая меня следом. Обнял, прижал к себе, защищая, укрывая, успокаивая и давая почувствовать, что я не одна, что сон кончился и совсем не обязательно переживать его последствия в одиночку.

Не представляю, как бы справлялась с впечатлениями, если бы увидела что-то подобное раньше.

Когда я... не то чтобы успокоилась, но перестала рыдать и дрожать от отвращения и запоздалого страха, Нир тихо спросил:

— Расскажешь?

Я нервно кивнула и принялась за пересказ. Старалась быть отстранённой и последовательной, но всё равно сбивалась и запинаясь, особенно под конец. Голос дрожал и срывался. От произнесённых

слов меня вновь начали душить слёзы, горло сдавил мучительный спазм, словно его сжала чья-то большая рука.

— Нир, неужели всё было... так? — всхлипнула я. — Но почему они ничего такого не сказали? Следователи... Как удалось всё скрыть? Почему даже не попытались?.. — сказала и запнулась, понимая, что говорю глупости.

Наверное, действительно было куда проще и разумней замять дело, чем обнародовать подробности — если сон мой был правдивым и если они так и не сумели разобраться толком, что случилось.

— Я не знаю, — проговорил харр ровно. Опять провёл ладонью по моей голове и спине. — Но когда мы запретили урши туда ходить, ваши шреты поддержали и одобрили запрет.

— А ведь наши спецслужбы вряд ли всё это забыли. Наверняка приглядывают и за Индрой, и за храмом, и... за мной. Я же даже не пыталась обмануть кого-то, кроме родителей, легально купила билет, получила визу! Но выходит... А вдруг тут правда всем заправляет правительство? Вдруг это какая-то их нелегальная операция, а мы... Убили тех троих, и ещё, может, кого-то, кто шёл следом...

— Они ничего не говорили о своей принадлежности к вашим шретам, — разумно возразил мужчина. — Даже тот, последний, под страхом смерти, хотя готов был признаться в чём угодно.

— Да, конечно. Но всё-таки... Я уже ничего не понимаю. И... понимать не хочу. Хочу только, чтобы всё поскорее закончилось, — призналась тоскливо, стараясь еще теснее прижаться к Ниру, спрятаться где-нибудь у него под мышкой.

— Всё будет хорошо, — в который уже раз заверил Нидар.

Я же коротко кивнула в ответ — не то веря, не то не желая спорить. Немного помолчала, а потом тихо пробормотала:

— Так странно. Я совсем недавно считала себя решительной, самостоятельной и стойкой. Привыкла сама справляться с проблемами. Я же взрослая, нельзя перекладывать сложности на чужие плечи...

— Взрослым тоже бывает нужна помощь, — неодобрительно вставил харр.

— Не помощь, — я прерывисто вздохнула. — Я хочу... спрятаться за тобой, таким большим и сильным, закрыть уши и глаза, и чтобы ты просто взял и всё уладил. Без моего участия. Это ужасно, и стыдно, и... но я больше не могу. Я не хочу думать, что мои друзья, самые близкие люди, почему-то поубивали друг друга. Что Мисси, которая была мне почти как сестра... — Я вновь осеклась, всхлипнула.

— Ты просто устала, — веско возразил харр. Перекатился, уложил меня на лопатки, навис сверху, опираясь на локоть и ладонь по бокам от меня, заключив в своеобразный кокон. И в этот момент я почувствовала себя легче, словно Нир сумел оградить собой от всего, что так тревожило. — Хочешь, после того, как закончим здесь, я покажу тебе своё любимое место на море? Там очень красиво, очень тихо и очень спокойно.

— Хочу, — согласилась, почти не думая. В конце концов, отпуск еще только начался, и вдруг получится провести его остаток вот так? Хотя бы несколько дней. Спокойно, уютно, с потрясающим мужчиной и... без кошмаров.

Если мы, конечно, выживем.

Нир поцеловал меня в закрепление договора — долго, с щемящей нежностью, даже как будто с трепетом, словно пытался этим поцелуем что-то сказать или доказать. Или просто дать понять, что он — вот он, рядом, живой и настоящий, и не бросит меня наедине со всеми страхами и вопросами. Я охотно потянулась навстречу, обняла за шею, и мы долго молча лежали, обмениваясь лёгкими, осторожными поцелуями, в которых совсем не было страсти, но зато было поразительное, почти пугающее ощущение близости. Не физической, а какой-то... совсем другой, более пронзительной и глубокой. Не тело к телу — душа к душе.

И позже, уже засыпая, я призналась самой себе, что, скорее всего, просто не смогу отказаться от этого ощущения. Не знаю и знать не хочу, как скоро это всё надоест и надоест ли, похоть мной движет, страхи, любопытство или всё же что-то более глубокое и возвышенное. Мне просто с ним хорошо и спокойно, как ни с кем другим. Завораживают его сила и характер, хочется узнать ближе, понять полностью — чем дышит, что любит, во что верит. И то обстоятельство, что мы из разных миров, уже совсем не смущает.

Я не готова просто расстаться с Ниром через пару недель. Не знаю, правда, как я буду жить здесь, в этом странном мире, но уже вполне готова выяснить.

Утро началось приятно — томно, медленно, сладко. С неспешных, тягучих ласк на грани сна и яви, чувственных поцелуев, долгой и нежной прелюдии. Нир шептал что-то ласковое, и я таяла, полностью растворяясь в нём, в собственном желании, в наполняющем до кончиков пальцев наслаждении.

После такого пробуждения, конечно, пришлось приложить больше усилий, чем обычно, чтобы заставить себя выбраться из шалаша. Но всё-таки преодолев лень и негу, я с приятным удивлением обнаружила, что, несмотря на бурную и сложную ночь, чувствую себя гораздо лучше, чем вечером. Да, перетруженные мышцы неприятно ныли, тело слушалось не особенно хорошо, но я твёрдо и уверенно стояла на ногах!

Это открытие ещё больше приободрило, а понимание, что совсем скоро всё так или иначе разрешится, настраивало на боевой лад. Нир тоже был собран и не расположен к флирту и нежностям: сначала — дело. Был бы повод забеспокоиться и напридумывать себе кучу глупостей, если бы не на пара деталей. Во-первых, его хвост постоянно норовил обвить меня за ближайшую конечность, стоило оказаться в зоне досягаемости, а во-вторых, теперь он называл меня исключительно «моя маленькая урши». И вот это «моя» было красноречивей всех других слов.

Шли мы сегодня гораздо меньше, чем в прошлые дни. Встали лагерем через пару часов после полудня, фрукты собрали по дороге, а какую-нибудь живность Нидар обещал подстрелить на обратном пути. Сам же отправился на разведку: до храмового комплекса тут было рукой подать.

Я очень хотела попроситься с ним, но сдержалась и даже не заикнулась об этом. Ловкому и бесшумному харру я стала бы серьёзной обузой, и вместо того, чтобы быстро и тихо всё проверить, он бы нянчился со мной.

Вот только промолчать-то я сумела, а успокоиться — нет, и потянулись трудные часы ожидания. Учитывая, что я уже через десять минут после ухода Нира подумала, что его слишком давно нет, за время, которое потребуется мужчине на рекогносцировку, рисковала совершенно озвереть от беспокойства. Чтобы себя занять, осмотрелась в ближайших окрестностях лагеря, стараясь держаться подальше от любых незнакомых растений. Набрала подходящих для растопки веток, потом — набрала ещё. Попыталась отвлечься и развлечься при помощи шимки, но поймала себя на том, что больше прислушиваюсь к лесу и то и дело проверяю, нет ли какого-нибудь подозрительного радиосигнала.

А через какое-то время мне начали слышаться звуки, которых, кажется, не могло существовать в реальности.

В первый момент, когда естественный шум леса немного поутих, негромкий перестук в отдалении показался звуком какого-то местного аналога дятла. Потом я услышала новый и странный птичий голос — гулкий, низкий, похожий на крик выпи.

А потом поняла, что к животным всё это не имеет никакого отношения: сквозь тишину леса порой доносились до слуха шаманские песни, которые сопровождали мои сны.

Сначала пыталась отогнать эту мысль, но вскоре признала: проблема усугубляется, вот уже и галлюцинации начались.

Теперь приходилось отвлекать себя не только от мыслей о Нире, но и от звуков. Но это не получалось, я всё равно постоянно прислушивалась и уже, кажется, начала придумывать их даже тогда, когда не слышала. Пыталась петь, зажимать уши руками — не помогало. Вообще ничего не помогало, включая встроенные в шимку простенькие виртуальные игры, книги и прочие развлечения.

Больше того, в очередной раз попытавшись спрятаться от действительности в виртуальной реальности, я очнулась оттого, что споткнулась о какой-то корень. В лесу, куда зачем-то пошла. Порадовало только то, что далеко от лагеря уйти не успела, но утешение это оказалось очень слабым. Обратившись к оставленным вещам я вернулась в состоянии, близком к панике, и сразу же полезла в аптечку за успокоительным. Слабым, потому что сильные может назначить только врач и выписать по рецепту, но — хоть что-то.

Помогло, но несильно и ненадолго. Нидар всё никак не возвращался, музыка продолжала звучать, и это ужасно изматывало. Несколько раз я уже почти сознательно порывалась пойти за харром, почему-то совершенно уверенная, что знаю направление, в котором находится храм. Я словно чувствовала его на расстоянии, и это — пугало еще больше.

В общем, не знаю, как я не рехнулась до возвращения Нира. Но выглядела, наверно, впечатляюще, потому что подошедший харр замер на краю полянки и растерянно спросил:

— Мара, что с тобой?!

— Наконец-то ты! — только и сумела я выдохнуть, уже обнимая его за талию — переместилась к харру я, кажется, мгновенно.

Растерянный мужчина обнял меня в ответ свободной рукой, кажется, обеспокоившись ещё больше. Потянул к будущему кострищу, бросил на землю небольшой мешок с собранными по дороге плодами, чуть в стороне — тушку убитого зверя. Сам сел, притянул меня к себе на колени, обнял, баюкая и привычно уже глядя по голове.

В присутствии харра, которое подействовало гораздо лучше лекарства, я довольно быстро сумела собраться и вывалила на рыжего все свои переживания, благоразумно больше сосредоточившись не на том, как соскучилась и беспокоилась за его жизнь, а на тревожащих странностях собственного поведения.

— И где находится храм? — задумчиво спросил Нир, когда я закончила пересказ.

— Там, — уверенно ткнула в лес, только после этого сообразив, что указала немного не то направление, откуда появился харр. И спросила с затаённой надеждой: — Нет?..

— Там, — кивнул рыжий, хмурясь. — Он и правда зовёт тебя.

— И что делать?

— Идти, — мужчина слегка пожал плечами. — Мы ведь с самого начала шли за этим.

— С самого начала это были просто сны и жест отчаянья! — вздохнула я тоскливо. — Я не думала, что это вообще к чему-то приведёт, просто решила вот так провести отпуск. Надеюсь, что возвращение в храм, где всё произошло, сдвинет что-то в моей голове в нужную, правильную сторону. Но сейчас кажется, что я лезу в такие дебри и в такое место, куда вообще не стоило бы соваться. Причём с самого начала, еще пять лет назад. Потому что всё это невозможно, безумно и отдаёт не то фантастикой, не то триллером, не то вообще ужасиком! А я веду себя как самый тупой из персонажей последних: там страшно и опасно, давайте туда пойдём! Особенно сейчас, когда там кишмя кишат эти бандиты. Вин... Мне уже кажется нормальным вариант просто застрелиться!

— Их там не так много, — заметил Нидар после короткой паузы. — Пятнадцать человек. Я видел самого главного. Обычный урши, полуседой, невысокий.

— Невысокий в сравнении с тобой? — хмыкнула я нервно. — И почему ты думаешь, что он самый главный?

— Невысокий даже для урши, — спокойно пояснил Нир. — Сложно объяснить почему. Язык тела. Он меньше других, безоружен, но другие его опасаются, слушаются. Иногда ненавидят. Они называли его... моор? Нет. Мааор... сложный звук. Маэор. Да. Я слышал это слово среди ваших шретов, не имя.

— Майор? — предположила напряжённо.

— Да, так.

— Вот же... дно. Куда мы влезли?! — пробормотала я, уткнувшись лбом в его шею. Мягкий мех щекотал нос, но сейчас это ощущение казалось приятным. — Это воинское звание. Как бы тебе... В общем, наши шреты различаются статусом, среди них бывают рядовые, а бывают начальники разных уровней. Вот майор — это один из таких уровней. Не самый высокий, но и совсем не низкий.

— Даже если и так, это не шреты, — спокойно отмахнулся Нир. — Точно не шреты. Они упоминали ваших шретов, полисиу, и боялись, что те прилетят. И других шретов, исэбэшэков?.. Главный их за это ругал, но он тоже боится. Они явно волнуются и спешат. Кажется, у них мало времени, и это связано со шретами.

— То есть ты предлагаешь просто посидеть здесь и подождать, пока они рассосутся? — обрадовалась я.

— Пока... что? — растерялся рыжий.

— Ну в смысле пока проблема не решится сама. Если они улетят, можно будет спокойно туда пройти, безо всякого риска. Да?

Нидар помолчал, хмурясь и встопорщив вибриссы, потом всё-таки медленно кивнул.

— Ты права. Тебе действительно лучше побыть здесь.

— А тебе? — насторожилась я. Подняла голову, напряжённо заглянула ему в лицо.

— Если они улетят сейчас, то вернуться потом, — ответил харр уже гораздо твёрже и уверенней. — Я должен разобраться, кто эти урши и чего именно они хотят. Ты останешься здесь, а я ночью вернусь туда.

— И как ты планируешь разбираться? — Настрой мужчины мне совсем не нравился.

— Не волнуйся об этом, — поморщился рыжий.

— Нир? — с нажимом повторила я. — Что ты задумал? Я не хочу, чтобы ты рисковал!

— Я буду осторожен, — улыбнулся он. — Не бойся, моя маленькая урши.

— И всё-таки?

— Попробую выкрасть их главного. Или кого-то из тех, кто к нему ближе.

— Но это же самоубийство. Там наверняка охрана, тебя поймают!

— Я буду осторожен, — мягко повторил харр. Погладил меня по щеке, лизнул в кончик носа, заставив вздрогнуть от неожиданности, что вызвало у мужчины лёгкую довольную улыбку. — Они точно такого не ждут.

— Но неужели нет другого способа?

— Есть. Но им я пользоваться не буду.

— Почему? Ведь...

— Другой способ — отдать им тебя и посмотреть, что они станут делать, — недовольно прижав уши, оборвал меня Нидар. Обнял крепче, словно боялся, что после этого признания я решу удрать, крепко обвил хвостом лодыжки. — Я собирался так сделать. Сначала. Когда ты была чужой и я тебя не знал.

Харр замолчал. А я... Я бы много что хотела сказать и спросить, но мысли толкались в голове, и никак не получалось начать хоть с какой-то. Возмутиться его цинизмом поначалу, порадоваться, что всё-таки передумал. Запретить ему куда-либо ходить и участвовать во всём этом, рискуя жизнью, да и вообще идти в этот проклятый храм, потому что...

Вин! Зачем я вообще сюда прилетела?! Свихнулась бы тихо дома, и всё...

— Но почему ты не хочешь обратиться за помощью к нашим шретам?! — наконец, выбрала наиболее разумный вопрос.

— Ваши шреты — это ваши шреты, — возразил харр. — Сейчас они есть, завтра — нет. Глупо полагаться на них.

— Но ведь и преступники наши! — возразила упрямо, даже понимая в глубине души разумность и правильность подхода Нидара.

Тот даже отвечать не стал, поцеловал меня ласково — в губы, в щёку, в висок. Опять погладил по голове.

— Нир, я не хочу, чтобы ты так рисковал! — повторила в который уже раз.

Рыжий опять промолчал, вернулся к губам, отвлёк новым поцелуем — чувственным, пьянящим. Моего упорства и сопротивления хватило ненадолго, харр выбрал верную стратегию.

Есть что-то пугающее, ненормальное в том, как я реагирую на близость этого мужчины. С точки зрения биологии он вообще не должен меня привлекать. Вот только мои инстинкты, кажется, об этом не знают...

Один поцелуй, тяжёлая ладонь на бедре, гладкая кожа и мягкий мех гривы под пальцами — и всё. Я уже не помню, что меня беспокоило, что хотела сказать или сделать, имеет смысл только вкус жадных, чутких губ и жар желанного тела.

Через несколько секунд я уже сидела верхом на его бёдрах, с наслаждением запуская пальцы в гриву, полностью сосредоточенная на поцелуе. Ладони мужчины заскользили по моим ногам вверх, огладили талию, потянули вверх разом майку и нижнее бельё. Я вскинула руки, позволяя избавиться меня от одежды, и в следующее мгновение крепче вцепилась в его плечи, запрокинув голову, чтобы Ниру было удобнее целовать мою шею, и ключицы, и...

— Моя маленькая сладкая урши! — от хриплого шёпота и горячего дыхания по коже побежали

мурашки, меня пробрала мелкая дрожь, а с губ сорвался полувздых-полустон.

Не представляю, как у него получается, как вообще подобное возможно в жизни. Ладно сон, но когда так неправдоподобно хорошо, так ярко и остро в реальности — это... Почти пугает. Но отказаться — выше моих сил.

Некоторое время спустя я, чувствуя приятную опустошённость, почти привычно лежала на широкой груди харра. Лениво поглаживала кожу, перебирала бусины и клыки на шнурках и вяло думала, что, наверное, нужно бы как-то пошевелиться, что-то сделать. Ладони Нира грели мои плечи, потом медленно двинулись вниз, оглаживая бока. Вдоль позвоночника шаловливо прошлась кисточка хвоста, рассыпая по коже мурашки и вызывая знакомое тянущее чувство внизу живота. Я непроизвольно выгнулась, не сдержав шумного вдоха.

Начинаю думать, что хвост — это совсем не недостаток...

Нидар в ответ крепко прижал меня к себе, дотянулся губами до макушки, что-то неразборчиво пробормотал.

— Что? — лениво переспросила я.

— Ты моя арриши, — тихо повторил рыжий.

— Я твоя кто? — Любопытство заставило пошевелиться, повернуть голову, чтобы заглянуть мужчине в лицо, утвердив подбородок на его груди.

— Арриши. Это... цветок. Хищный, — с лёгкой улыбкой пояснил Нир. — Сладкая ловушка. Его нектар — манящий дурманный яд. Насекомое, которое попробует его, обречено погибнуть в цветке. Но умирает оно счастливым.

— Ну спасибо! — насмешливо фыркнула я, возмущённо ткнув мужчину кулаком в бок. — Умеешь же ты сказать приятное, да.

— Не ругайся, моя маленькая урши, — продолжая улыбаться, харр сел. Легко коснулся губами моих губ; уворачиваться я, конечно, не стала. — Я хотел заняться костром. Но достаточно одного твоего поцелуя, чтобы забыть обо всём, — добавил негромко, подцепил костяшкой указательного пальца моё лицо. Пристальный взгляд огладил овал лица, спустился к губам. — Сладкий, желанный яд, — голос стал тише, глуше.

Зачарованная его звучанием, я не вслушивалась в слова, не отрывая взгляда от лица мужчины. Резкие черты, широкий нос, гипнотические зелёные глаза — в какой момент я перестала считать его чуждым и начала находить красивым?..

Большой палец мужчины невесомо приласкал нижнюю губу. Я машинально её облизала. Нир глубоко, протяжно вздохнул, прикрыв глаза. Не заметить его возбуждение, вот так вот сидя верхом, было просто невозможно, и во мне в то же мгновение вспыхнуло ответное желание.

Но харр проявил волю.

— Вставай, моя арриши. Мы и так уже остались без мяса.

— Что? — растерялась я, но послушно поднялась на слегка подгибающиеся от слабости ноги.

Оказалось, пока мы были увлечены друг другом, какая-то местная живность успела украсть Нирову добычу. Вот уж точно — увлеклись...

Пофыркивая от смеха, я начала одеваться. Нир смерил меня долгим, буквально физически ощутимым взглядом, под которым вся решимость едва не растаяла. Но тоже встал и последовал примеру, после чего молча исчез между деревьями — опять отправился на охоту.

Временное отсутствие рыжего я сейчас восприняла с облегчением, это дало возможность немного успокоиться и взять себя в руки. Всё-таки сравнение харр подобрал удачное, нас действительно тянет друг к другу с пугающей силой. Со мной такого прежде не случалось, даже в шестнадцать лет, в мою первую сумасбродную влюблённость на пике гормональной перестройки. Судя по растерянности Нира, в его — тоже.

Нет, я и умом понимала, что Нидар — потрясающий мужчина. И наверняка давно уже влюбилась в него, иначе известие о том, что изначально рыжий планировал ловить бандитов на живца, произвело бы куда более сильное и неприятное впечатление. Вот только одно дело — интерес и удовольствие, а совсем другое — полная потеря связи с реальностью. Даже для меня это странно, я же понимаю, что мы не дома в безопасности. А уж для харра такая рассеянность тем более странна и тревожна.

— Нир, а может, это тоже симптом? — спросила я харра, когда тот вернулся с добычей и, разведя костёр, начал ловко потрошить тушку у ручья. — Имею в виду, наше с тобой чрезмерное взаимное влечение. Как продолжение снов. Ты не подумай, ты мне действительно очень нравишься, но всё-таки это ненормально — настолько полно терять самоконтроль от поцелуев и прикосновений. Да и... Мне кажется, вчера всё было не так.

— Скорее всего, — спокойно кивнул Нидар. — И это тоже причина поскорее разобраться в происходящем. Ты нравишься мне и без этих навязчивых желаний, они только всё портят.

— А ты отличаешь, какие навязчивые, какие — нет? — любопытно спросила я.

— Ещё утром они были настоящими, правильными. Сейчас — уже слишком.

— Выходит, что-то изменилось после твоего визита в храм? Ты в него заходил? — насторожилась я.

— Внутри — нет, но был очень близко. Скорее всего, да, дело в нём. Или в том, что мы сейчас ближе к нему.

— Не понимаю, — после короткой паузы вздохнула я.

— О чём ты?

— Не понимаю, в чём смысл всего этого. И, главное, не понимаю как?! Когда я пытаюсь думать об этом, мне кажется, что я уже сошла с ума. Вин. Это просто груда камней. Да, хорошо сохранившаяся груда камней, но... Как такое вообще в принципе возможно?! Даже при помощи современных технологий такого не добиться. Что, древние были настолько круты, что легко влияли на разум на огромнейших расстояниях? И именно эту технологию хотят добыть бандиты? А как она сохранилась до нынешнего дня?! Нир, ну скажи хоть что-нибудь! А то я кажусь себе всё более безумной...

— Я не знаю, моя маленькая урши, — с сочувствием посмотрел на меня рыжий. — Но это очень похоже на правду. Мы мало помним о богах, только то, что они были очень умны, но совсем не разумны, даже хуже урши, — заметил он, опять вернувшись к понятиям, слитым моим переводчиком воедино. — Наверное, они могли создать что-то подобное.

— Ага, а еще у них были проблемы с чувствами, — вздохнула я. — Слушай, может, они так пытались эмоции изучать? Или, может, размножаться не могли естественным путём? Только это всё равно и пичь не объясняет...

Пичь — жаргонное: «мало», «немного», от размерной приставки «пико».

— Что не объясняет?

— А, жаргон, — немного смутилась я. — Имею в виду, остаётся ещё куча вопросов. Ну ладно, были они так круты, что их техника до сих пор работает. Но куда они сами-то подевались? Хотя... Если верить сну, они же были такими, как вы. Может, доэкспериментировались в конечном итоге, пробудили у себя чувства и смешались с остальными? Слушай, а кстати, у вас не сохранилось преданий, как именно богам поклонялись?

— Никак, — пожал плечами Нидар. В этот момент он закончил с потрошением добычи, и мы переместились к костру, чтобы заняться готовкой.

— Погоди, в каком смысле? А храм?

— Они там жили и управляли миром, — пояснил мужчина. — Всё.

— А чем же они отличались от всех остальных харров?

— Они были очень умными, — терпеливо повторил он.

— Да, но... Хм. Погоди, так это, получается, просто были две цивилизации харров, просто одна более развитая в нашем понимании. Приехали к дикарям и... Стоп! — я аж подпрыгнула.

— Что случилось? — озадаченно глянул рыжий.

— Слушай, я так привыкла называть это место храмом, я его всегда только так и называла, и даже как-то мыслей других не было. Да и некогда им было появиться, мы же даже толком осмотреться не успели, — помрачнела я, с тоской вспоминая первую и последнюю экспедицию. Впрочем, почти сразу встряхнулась, заставила себя отвлечься от мрачных мыслей и продолжить, пока мысль не ускользнула. — Я к тому, что «храм» — это ведь наше понятие. И если никто им там не поклонялся, они там просто жили и работали, то это выходит просто небольшой город? Или вообще научно-исследовательский институт?! С ума сойти, — я нервно захихикала. — Но почему он всего один на

планете уцелел? Почему остальные похожие, которые мы встречали, сохранились далеко не так хорошо, да и были, кажется, не такими древними? Просто совпадение, потому что форма удобная?..

Запоздало подумалось, что все догадки об истинном предназначении этих строений, шокировавшие меня, вряд ли удивили бы старших. Это мы, молодёжь, называли пирамиды «храмом», так было проще тогда, да и потом слишком привыкла. А Говоров предпочитал официальную формулировку «комплекс мегалитических сооружений» или, для краткости, говорил просто «пирамиды». Но на то он и был профессором, а я — всего лишь младший научный сотрудник.

— На! — с тяжёлым вздохом Нир сунул мне в руки плод.

— А? Почистить? — сообразила я.

— Съесть. Молча, — насмешливо улыбнулся он. — И успокоиться. Я не знаю ответов на твои вопросы, и никто не знает. Это было очень много лет назад, все, кто знал правду, уже давно умерли. Скорее всего, ты ничего не узнаешь точно. И лучше бы тебе правда не знать, — добавил уже себе под нос с тяжёлым вздохом.

— Ничего подобного! Если до сих пор сохранились их технологии, то можно...

— Последовать за остальными? — мрачно глянул на меня харр.

— Ну почему сразу... — пробормотала я тоскливо, осеклась и проговорила: — Нир, я прекрасно понимаю, что это опасно. Я могу приложить волевое усилие и не лезть туда, но перестать думать и строить версии физически не способна. Я же учёный, в конце концов. Да, молодой, и многого не знаю, но изучать такие вот древности — моя работа. Конечно, рутину я тоже люблю, и с удовольствием засела бы за описание и всяческие классификации построек, если бы было что описывать, но... Нир, это ведь такая тайна. Это открытие, которое мечтает совершить, наверное, каждый мой коллега. Никто, конечно, не признается, потому что это вроде как несолидно и сродни вере в сказку, но всё равно в глубине души мечтает. А я сижу тут в двух шагах от неё и... Я понимаю твоё отношение к нашему способу познания, но не могу себя переделать.

— Я и не прошу, — возразил Нидаар мягко. Подсел ближе, всё-таки обнял одной рукой и хвостом, хотя до сих пор, кажется, старательно избегал прикосновений — наверное, опять боялся увлечься чем-то неуместным. Поцеловал меня в висок, потом потёрся об него же носом. — Мне хватит просто твоего обещания никуда не лезть одной. Я боюсь, что ты пострадаешь.

Я обняла его обеими руками в ответ, прижалась, пристроила голову на плече.

— Обещаю. Без тебя — никуда. Только ты ночью тоже будь очень аккуратен, не надо недооценивать наши технологии.

— Я же обещал, — серьёзно отозвался он.

Больше мой поток гипотез и предположений рыжий не прерывал, но, впрочем, тот и сам вскоре иссяк за неимением подтверждений. Пока я хотя бы не осмотрюсь на месте, всё это останется чтением спама. Да и после, как бы мне ни хотелось верить в обратное, тоже. Да, мои странные сны невозможно объяснить с рациональной точки зрения, особенно те, которые мы с Нидааром делили на двоих. Но стоило быть откровенной с самой собой: нет никаких доказательств, что это всё — нечто большее, нежели порождения моей собственной фантазии.

О том, что храм и так зовёт меня к себе, я старалась не думать. Ну зовёт. Как-нибудь переживу, в конце концов. Потому что... а какие есть варианты? Оставаться Нидаару тут — бессмысленно даже предлагать. Обидно, конечно, но я, выросшая в семье военного, прекрасно понимаю, что такое долг. С Ниром идти — только мешаться. Связать меня — мысль интересная, вот только страшно. Я не хочу, чтобы что-то случилось с рыжим, и даже думать об этом больно, но если вдруг случится... Да лучше к бандитам в руки, чем лежать тут без возможности пошевелиться. Я же тогда просто от страха умру!

ГЛАВА 8. Посторонние

После всех этих мыслей, странного дня и явственно зашевелившихся страхов я была уверена, что не сумею уснуть, особенно в одиночестве, в сумерках проводив Нидара «на дело». Но в шалаш всё-таки забралась, свернулась там калачиком в спальнике — всё равно снаружи нечего делать. Почти без удивления отметила, насколько мне неудобно, пусто и неуютно без объятий огромного харра, но тут оставалось только терпеть и надеяться, что скоро он вернётся. С добычей или без, главное, чтобы живой и здоровый.

С этого ощущения мои мысли свернули к важной, но для разнообразия не потусторонней и пугающей проблеме, а именно — к нашим с Ниrom внезапно завязавшимся отношениям и их возможному будущему. Конечно, решать эту проблему стоило вдвоём, не могла же я вот так самовольно распоряжаться судьбой взрослого разумного существа, инопланетного к тому же. Но гадать и строить предположения это не мешало.

Странно было думать, но я, как ни пыталась, больше не видела ничего ужасного в том, чтобы остаться на этой планете. В конце концов, я никогда не была помешана на электронике, и скромных возможностей шимки было более чем достаточно, а работа...

Вин. Для меня уже сделали исключение, мне разрешили сунуться туда, куда людей несколько лет официально не пускали, и это о многом говорит. Например, о довольно широких полномочиях Нидара. И, наверное, если он захочет, сумеет выбить для меня разрешение и на проживание на Харре, и на исследования. Скорее всего, и Елена Львовна согласится пойти мне навстречу и оформит, например, продолжительную рабочую поездку, а я буду собирать материалы и делиться с родным институтом. Конечно, всё это только предположения, и вообще неизвестно, насколько я нужна самому Ниру, но...

Самое главное, этот очень зыбкий план не выглядел откровенно невыполнимым. То есть имелся вполне реальный шанс обойтись без серьёзных трагедий в жизни, без надломов и значительных жертв. И пусть промежуточное, пусть эфемерное, но это решение здорово меня успокоило. Наверное, подсознанию требовалось хоть немного определённости и каких-то планов на будущее, чтобы обмануть страхи.

И, успокоенная, я вдруг осознала, насколько сильно устала, в каком нервном напряжении провела последние часы. Тут же навалилась сонливость, и вскоре я провалилась в темноту.

Музыка звучала чуть иначе. Вроде та же, но — объёмнее, полнее, словно добавилось несколько таких же инструментов. И сам сон был немного другим. Прежде я не участвовала в происходящем, оставалась сторонним бестелесным наблюдателем, а теперь — именно я шла по коридорам храма. И там, во сне, я точно знала, куда именно и зачем иду.

Вперёд гнала навязчивая, но абсолютно сознательная тревога. Я точно знала, что что-то плохое, страшное происходит сейчас или вот-вот должно произойти, и спешила... куда-то. Вряд ли я могла остановить катастрофу, да, кажется, и не собиралась. Просто мне нужно было успеть — не во имя высоких целей, просто ради себя.

Навстречу попадались харры в зелёном, и я не оставалась для них невидимкой. Кто-то не обращал внимания, кто-то скользил равнодушным взглядом, но кто-то — здоровался принятыми у хвостатых радиоимпульсами. С кем-то я перебрасывалась короткими замечаниями, но суть их и форма ускользала от сознания, оставляя лишь понимание свершившегося события.

Коридоры, лестницы, галереи — я двигалась с такой уверенностью, словно не раз и не два ходила этим путём.

Наконец, добралась до просторной комнаты, стены которой переливались бесчисленными огнями. Геометрические узоры приобретали новое наполнение и смысл, косые угловатые каменные плиты по периметру не резали глаз причудливыми изломами прямых линий, а уже казались правильными и привычными. Под потолком кружились, перетекая друг в друга и непрерывно искажаясь, несколько вложенных сияющих треугольников. И во сне я откуда-то точно знала, что движение и превращение их происходит в пяти геометрических измерениях.

Густая трава под ногами и тянущиеся по стенам нити серебристо-зелёного вьюна среди этой красочной фантазмагии не вызывали удивления.

Здесь опять обнаружился приметный белогривый харр, и с ним ещё двое. Лица их были спокойны и сосредоточенны, взгляды пристально следили за переливами цветов, явно читая в них что-то важное, вибриссы — взволнованно топорщились. Воздух в зале казался напряжённым, наэлектризованным именно их волнением, а не действительным полями.

Со мной поздоровались все трое, не выказав недовольства появлением постороннего, и вновь

сосредоточились на созерцании. Я приблизилась, встала рядом с белогривым, добавив своё беспокойство к звенящей в воздухе тревоге.

А потом звучащую в моих ушах музыку прервал протяжный звук — тоскливый вой, перелив от высокого к низкому, который оборвался на самой нижней, дрожащей инфразвуком ноте. Мельтешение красок замедлилось, остались лишь немногочисленные огоньки. Треугольники над головой застыли и погасли — странно, фрагментами, один за одним.

Белогривый вновь повернулся ко мне, и впервые в жёлтых глазах я прочитала сильное, глубокое чувство. Страх. Парализующий, последний страх, который испытывает живое существо, заглядывая в глаза смерти.

А потом я открыла глаза и столкнулась со взглядом совсем других, обыкновенных, незнакомых человеческих карих глаз в обрамлении мимических морщин.

Я несколько раз оторопело моргнула, с трудом сознавая, что происходит и где вообще нахожусь. И открытие оказалось настолько невозможным, что я с трудом поверила в реальность всего происходящего. Может, это просто продолжение сна?..

Полностью одетая, я стояла посреди экспедиционной палатки, рассчитанной на близкие к земным условия и отсутствие биологической опасности, — довольно просторного складного шатра. В прошлый мой прилёт сюда мы жили в таких же. Раскладная кровать в стороне, лёгкий стол, несколько стульев. На столе остатки ужина или обеда, бинокль, несколько грубых, очень несовременно выглядящих ящиков приборов, а такие разве что в музеях видела.

Хозяином карих глаз оказался темноволосый мужчина неопределённого возраста и совершенно средней наружности: непримечательный рост и комплекция, заурядное лицо, которое не назвать неприятным или симпатичным. Тот, что стоял рядом со мной и держал чуть выше локтя, был куда приметнее: чернокожий здоровяк не намного ниже Нидала, одетый в уже знакомую защиту.

— Так вот ты какая, Тамара Иванова, — задумчиво проговорил кареглазый. — Сама, говоришь, пришла?

— С той стороны развалин её поймали. На вопросы не отвечала, но не сопротивлялась. При обыске нашли вот это. — Охранник выложил на стол мою «Осу» и трофейный «ГИС-Т».

— А абориген?

— Не знаю, не видел, — пожал плечами негр.

Сознание, с трудом включившееся в происходящее вокруг, отметило этот факт, и меня затопило облегчение. Не знаю, как я здесь оказалась, но как минимум Нир к этим ребятам не попал.

— И что случилось с твоим проводником? — вопросительно вскинул тёмные брови главный.

— Погиб, — легко соврала я, даже не успев задуматься над вопросом.

— А-а, то-то тебя и понесло сюда! — протянул кареглазый, кажется, не усомнившись в моих словах. И подробности его не заинтересовали. — Ну, туда ему и дорога. А ты, значит, готова добровольно сотрудничать? — усмехнулся мужчина.

— В чём? — спросила уже совершенно искренне. — Кто вы такие и что вам от меня вообще надо?

— То, что ты вынесла из храма.

— Чего? — вытаращилась я в глубоком недоумении. — А я что-то вынесла?..

Он сощурился, окинул меня пристальным взглядом и дёрнул головой, указывая на самый дальний от стола стул.

— Садись, поговорим.

Я не стала спорить и указывать на то, что мужчина до сих пор не назвался, послушно села, куда велели. Наружность этого человека, что-то такое на дне его глаз, в движениях и манере говорить запрещало спорить на подсознательном, инстинктивном уровне. Я не знала, кто это, но точно знала: лучше его не злить. Тем более в такой малости. Похоже, это именно тот главный, которого называли майором.

Подручного он отпустил кивком, видимо не ожидая от меня подвоха. Правильно, в общем-то. В сторону стола с оружием я старалась лишней раз даже не коснуться, чтобы не провоцировать.

Вин! Я археолог, а не космодезантик. И даже если я неплохо стреляю, это совсем не значит, что

готова рискнуть и выйти одна против кучи профессионалов.

— Ты, значит, правда ничего не помнишь?

— Не помню, — подтвердила я. — Со мной же работали специалисты, сказали, что восстановить события того дня невозможно, они физически стёрты из памяти, а не заблокированы. Хотя так и не разобрались, почему так получилось.

— А зачем же ты приехала сюда опять?

— Мне снятся кошмары об этом храме, — проговорила осторожно, не желая вдаваться в подробности. — Психологи не помогли, я решила попробовать приехать, взглянуть опять. Мало ли.

— Значит, верно он говорил, эта штука всё-таки тебя притащила, — усмехнулся мужчина.

— Кто говорил? Кто притащил? — потеряла я нить разговора.

Кареглазый опять насмешливо хмыкнул, помолчал, окинул оценивающим взглядом. Я думала, что только отмахнётся от вопросов, но он почему-то не стал молчать.

— Пара выживших охранников тронулась умом. Даниэль Лагранж совсем кончился, только ныл и причитал, оказалось проще пристрелить. А вот второй, Томас Либерман, рассказал много интересного. Когда твои коллеги начали бросаться друг на друга, он был на галерее.

По счастью, к этому моменту я уже совершенно очнулась и была в своём уме, так что быстро напомнила себе о полном неведении относительно того рокового дня в храме. А сны... Это ведь только сны, как я пыталась убедить себя совсем недавно. И раскрывать их подробности собеседнику точно не стоит.

— Погодите, какая галерея?! Кто на кого начал бросаться? Ведь эти двое охранников всех убили! — возразила я официальной версией. — Или нет?..

— И правда, что ли, не помнишь? — с сожалением проговорил себе под нос мужчина. — Ладно, слушай. Может, что и прояснится в голове.

Рассказ охранника полностью повторял виденный мной кошмар, разве что без участия белогривого бога и других харров. Вход вдруг перегородила упавшая сверху каменная плита, и все, кто находился внутри, в какое-то мгновение озверели. Либерман метался по галерее, кричал, срывая голос, но его просто не слышали.

Наверное, рассудок несчастного наблюдателя, которого кареглазый назвал тронувшимся, повредился именно тогда. Жизнерадостный простой парень с обаятельной улыбкой, я хорошо его помнила...

Финал трагедии вышел неожиданным и сюрреалистичным. Когда Адам навалился на меня, из стен и пола полезли длинные светящиеся змеи, которых Либерман боялся до одури. Пара начала душить охранника, еще одна обвила меня и утащила сквозь пол, длинные золотистые тела поползли по остальным трупам. Потом вновь открылся проход. В живых в зале на тот момент оставался один лишь Дан. Только, наверное, лучше бы было ему умереть, потому что психика мужчины не выдержала потрясения, он даже на собственное имя не реагировал.

Либерман проявил редкое мужество: переступил через свой страх и всё-таки спустился за товарищем. Отстреливаясь от шипящих тварей, Томас выволок невменяемого Дана из зала. Только от шока он просто забыл об остальной экспедиции и за помощью побежал не к ним, а к старым знакомым, от которых эта история впоследствии и дошла до моего собеседника.

Впрочем, о змеях кареглазый высказался скептически. Судя по тому, что Либерман видел их и по дороге, и даже на борту космического корабля, а избавиться от гадов помогли не санитарные средства, а психиатрические препараты, всё это было плодом его воображения, да и на трупах змеиных следов не было.

Как именно пара охранников, один из которых даже ходил еле-еле, сумела преодолеть лес, как и кого именно они позвали на помощь, собеседник рассказывать не стал. Да меня это сейчас не особенно интересовало, гораздо сильнее занимало собственное настоящее и будущее.

— Но кто вы такой? — спросила я осторожно.

— Зови меня Майклом. И я не люблю лишнего любопытства. — Подробного ответа не ждала, и правильно делала. Ну хоть представился!

Намёк был более чем прозрачным, но всё же молчать я не могла. И рискнула.

— Но что именно вам нужно от меня?

— Не просто так тебя защитили и не позволили уничтожить. В тебе есть какой-то ключ к этому месту, к сохранившимся технологиям древней цивилизации, и я хочу его извлечь.

— Каким образом? — закономерно встревожилась я. Слово «извлечь» вызывало очень неприятные ассоциации.

— Для начала добровольно, — многозначительно усмехнулся Майкл. — Если нет...

— Я согласна добровольно, — поспешила заверить его. — Только я не представляю, что делать.

— Разберёмся. А что же ты тогда бегала от нас, если готова сотрудничать? — спросил он с какой-то странной улыбкой.

— Так это не я бегала, мне что харр говорил — то и делала, — ответила вполне искренне.

Майкл опять смерил меня взглядом, но ничего на это не ответил. Насмехаться и запугивать не стал, высказывать другие сомнения — тоже. Наверное, не хотел тратить время.

Несколько секунд поиграв со мной в гляделки, мужчина поднялся и, высунувшись из палатки, позвал какого-то Сэма. Когда в помещение шагнул уже знакомый чернокожий здоровяк, старший кивнул на меня, велел приглядеть и вышел. Я прилежно сложила руки на коленях и уставилась в пол, пользуясь возможностью наконец-то осознать всё происходящее.

Да, мы с Нидаром обсуждали странное притяжение храма, и я даже боялась его последствий, но... Похоже, я так толком и не осознала масштаба проблемы и не верила в неё. Одно дело просто сюда рваться и знать, где эти развалины расположены, но другое — дойти ночью через лес. Да я до сих пор не верила, что это не продолжение сна! Как меня вообще не сожрали в джунглях среди ночи?! Мысли об этом пугали, пусть и запоздало.

И Майкл со своей компанией тоже пугал. Да, он не прибежал к угрозам, оскорблениям, физическому насилию и разговаривал достаточно мирно, почти по — дружески. Но я ни секунды не сомневалась, что если он получит желаемое, то тут же пустит меня в расход. Ни свидетели, ни конкуренты ему не нужны.

А если не получит — боюсь, начнёт его выбивать, и вот тут лучше бы сразу пустил в расход. Даже я вижу логичный способ добиться нужного эффекта: повторить эксперимент. То есть опять подвергнуть меня опасности в храме и посмотреть, что из этого выйдет, а способность Майкла создать экстремальные угрожающие условия не вызвала сомнений. И фантазии, и жёсткости, и жестокости ему вполне хватит — это очень легко читалось во взгляде, несмотря на демонстрируемые сдержанность и спокойствие.

Теперь я думала о снах с надеждой и пыталась отыскать внутри себя какие-то признаки озарения и прозрения. Пока, правда, тщетно. В глубине души продолжала сидеть уверенность, что у меня просто реактор потёк, и не только у меня, но ещё и у Майкла, и у его хозяев — если таковые, конечно, существуют.

Я не могла поверить, что какие-то приборы проработали несколько тысяч лет, к тому же никак не выдав собственного существования до появления земных исследователей. Да, харры не жаловали пирамиды, но если бы там существовало что-то, кроме голых камней, должно было произойти хоть несколько странных случаев, достойных попадания в легенды в явной форме!

В конце концов, сон про гибель экспедиции вполне мог оказаться засевшим в подсознании воспоминанием, и никакой мистики в этом нет. Да, объяснить наши с Ниром совместные сны простым совпадением уже не получалось, да и моё странное ночное путешествие через лес — тоже. Но этого слишком мало и всё это слишком эфемерно, чтобы всерьёз надеяться на чудо.

Нужно попытаться выбраться отсюда, потому что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Только как?! Конечно, я продолжала верить в Нира, который обещал меня спасти и точно не бросит, но один харр против толпы вооружённых людей — это слишком мало. Мысли о том, что Нидар может рискнуть и сунуться в этот лагерь, вызвали не веру в лучшее, а еще большее беспокойство, теперь еще и за его жизнь.

Но при всём этом сумбуре в душе и патовой ситуации вокруг, как ни странно, испугаться до истерики и паники не получалось. Мне, безусловно, было страшно, но даже не так, как в лесу при столкновении с каким-нибудь очередным монстром. Это был напряжённый, деятельный, очень бдительный и хороший страх, не туманящий разум, но заставляющий шевелить мозгами и двигаться. Кажется, именно благодаря ему я так достойно выдержала первый разговор с Майклом.

Помимо всего этого, неприятно зудел, не давая покоя, еще один закономерный вопрос. Если этот

тип совершенно уверен, что я сумею управиться с древними технологиями, как он собирается подстраховаться? Что помешает мне направить обретенные возможности против него и его подручных? Вряд ли такой человек поверит в мою внезапную лояльность и добровольное сотрудничество, не идиот же он. Значит, у него есть некая страховка. Представить не могу какая, но точно знаю: она мне не понравится.

Вернулся Майкл довольно быстро, в компании нового действующего лица — невысокого бритого мужичка крепкого телосложения. Брони и оружия у того не было, а остроносое хитрое лицо его показалось смутно знакомым.

— Знакомся, Тамара, твой коллега, археолог и коллекционер, Антон Горбачёв. Он тоже заинтересуется этим местом. Сэм, бери её и пошли.

Чернокожий выразительно на меня глянул, и я предпочла «взяться» самостоятельно. Быстро встала и шагнула к конвою, потом вместе со всеми вышла наружу.

Здесь была ночь, которую вблизи палаточного лагеря разгоняли мощные лучи прожекторов. Шесть больших палаток стояли углом, по двум сторонам квадрата, в середине на пустом пространстве уныло повесил лопасти грязно-зелёный вертолёт довольно обшарпанного вида. А разглядеть что-то за пределами лагеря не получалось.

Палатка, из которой мы вышли, была угловой. Когда дошли до последней в ряду, Майкл сам отдернул полог и нырнул внутрь первым, следом за лысым запустили меня, последним шагнул охранник.

Это, судя по множеству типовых пластиковых контейнеров, было чем-то вроде склада, но меня заинтересовал единственный объект, при виде которого вдруг стало зябко и еще более жутко.

В углу стояла клетка с частыми прутьями, обтянутая поверх мелкой металлической сеткой, а в углу клетки сидела Эрра. Высокая харра даже не могла толком вытянуть ноги, а спать, наверное, получалось, лишь свернувшись калачиком. Осунувшаяся, с поникшей тусклой и грязной гривой, выглядела она очень жалко и явно сидела здесь не первый день. При нашем появлении женщина даже не вздрогнула и не открыла глаз, и о том, что она жива, говорил только нервно подёргивающийся кончик хвоста.

— Ты же знаешь эту драную кошку? — Майкл пристально глядел на меня.

— Зачем она вам? — спросила я напряжённо, пытаюсь держать себя в руках.

— Если ты будешь плохо себя вести, она этого не переживёт. И умирать будет мучительно, — спокойно проговорил мужчина.

— Почему вы думаете, что мне есть дело до аборигенки? — надо же, и голос не дрогнул!

— Потому что я многое про тебя знаю. Ты хорошая девочка, достойная дочь своего отца. Ты же не можешь допустить, чтобы из-за тебя мучилась и страдала невинная дикарка? Жаль, сразу мы её не поймали, а то и твой покойный проводник, может, был бы посговорчивей. Обещаю, если ты всё сделаешь хорошо и не попытаешься меня обмануть, отпущу вас обеих. Правда, до города не подброшу, но она ведь местная, как-нибудь выберетесь, — он усмехнулся. — Ну так что, мы друг друга поняли, Тамара?

— Поняли, — тихо уронила я. В доброту Майкла и его обещание не поверила ни на секунду, но кому до этого какое дело!

— Прекрасно. А теперь прогуляемся до места, какой смысл ждать дня, правда?

Когда мы вышли, в палатку, обменявшись взглядами с начальством, нырнул какой-то боец с небольшим прибором непонятного назначения в руках. Явно неслучайно, шёл он к Эрре. И явно не с благими намерениями.

И всё-таки, кто такой этот Майкл? Он явно знает очень многое, имеет доступ и к материалам дела, и к моим личным данным. Точно знает моего отца и его характер, и я даже не удивлюсь, если знакомы они лично. Бывший безопасник? Бывший военный? Или действующий, но имеющий такое вот хобби?..

Мысль о том, что это может быть операция ИСБ или каких-то ещё официальных структур, я уже откинула. Может, я и не права, я не слишком хорошо знаю их методы, но что-то подсказывает: эти как минимум попытались бы начать по-хорошему. Майкл верно сказал, я правильная, законопослушная девочка и дочь своего отца, и куда логичнее было воззвать к моему чувству гражданского долга. Не знаю, как бы я отреагировала на такое воззвание, но сразу откидывать такую возможность на их месте было просто глупо. А он даже не попытался прикинуться хорошим,

начал с угроз.

В такой ситуации серьёзные подозрения вызывал источник финансирования всего этого мероприятия. На наёмников нужны немалые деньги, а еще оборудование, транспорт... Либо сам Майкл накопил предостаточно, и наверняка незаконными способами, либо есть кто-то, кто эти деньги охотно даёт, и вряд ли это милые и добрые люди, меценаты и филантропы. Второй вариант правдоподобнее: Майкл совсем не похож на человека с большими деньгами, а вот на военного или особиста — вполне.

И в голове билась неприятная мысль, что в случае, если я не найду выхода, лучше бы постараться быстро и безболезненно умереть, чем действительно отдать какие-то там технологии в руки этих людей.

Только вот умирать совсем не хотелось. И я раз за разом прокручивала в голове всё, что помнила из снов и прошлого визита на Индру, напряжённо прислушиваясь к окружающему миру и оглядываясь по сторонам. Просто так, в робкой надежде, что ночной воздух вспорет треск вертолётных лопастей и нам на голову свалится десант ИСБ, который всех спасёт.

Вин! Ну почему Нир оказался таким упёртым и не позвал на помощь?!

Долго идти не пришлось. Вокруг храма не так уж много свободного места, есть единственная достаточно удобная для лагеря площадка перед главным зданием. Устилающие её гладкие каменные плиты так плотно пригнаны друг к другу, что за века между ними не проклюнулось ни единой травинки. Именно на ней останавливалась экспедиция, здесь же разместились и нынешние пришельцы, на дальнем от главного здания конце прямоугольной площади, которую нам предстояло пересечь.

«Главным» мы его называли исключительно из-за размеров. Громадная усечённая пирамида с довольно крутыми боковыми гранями — они гораздо ближе к вертикали, чем, например, у пирамид Гизы на Земле. Десяток высоких ярусов связывали крутые лестницы, внутрь здания вели многочисленные порталы, которые порой терялись между глухими арками.

На плоскую крышу лестницы не вели, заканчивались у верхнего яруса. Согласно данным космической съёмки, это была едва заметно наклонённая для стока воды плоскость без декоративных элементов и малейшего намёка на выход. Забраться туда мы не успели, да и не особенно стремились: было интересно, как древние сумели так точно выдержать угол, но гораздо больше занимали другие вопросы. Конечно, рано или поздно внимание уделити бы и крыше, но — не сложилось.

К основному зданию справа и с противоположной стороны от площади прирастала гранями пара пирамид поменьше, четвёртая замыкала этот неправильный четырёхугольник. Ещё четыре маленьких в сравнении с остальными пирамиды выстроились в ряд вдоль площади. Одинаковые, стоящие отдельно, каждая со своим независимым входом.

Говоров предполагал, что все строения комплекса связаны внутренними переходами под толщей камня, но эту теорию тоже не успели проверить практикой. Мы только начали составлять внутренний план храма...

По дороге через лагерь к нам присоединились ещё трое мужчин в броне — серьёзные, суровые, с опущенными щитками. Понятия не имею, зачем понадобилась дополнительная охрана. Если храм действительно таит в себе страшные древние секреты и я решу воспользоваться ими против этой компании, вряд ли они сумеют что-то ему противопоставить. А если нет, от чего они собрались защищаться?..

Всей толпой мы подошли к центральной лестнице, выходящей на середину площади. Шимка позволяла видеть в темноте недалеко, и для меня ступени сейчас выглядели очень зловеще. Первые отчётливые, видимые до каждой трещинки, но чем выше, тем сильнее они серели, расплывались, а в метрах десяти выше и вовсе таяли во мраке, усиливая тревогу.

Я прекрасно понимала, почему Майкл не стал дожидаться утра: в храме нет естественного освещения, там всегда темно, и в любом случае приходится пользоваться разнообразной техникой. Так какой смысл откладывать? Он ведь и так долго меня ждал.

Лучше бы, конечно, не дождался.

Вот тоже странность. Во снах я почти никогда не видела источников света, но всё происходящее виделось очень отчётливо. Даже в предпоследнем, самом страшном сне среди человеческого оборудования не было прожекторов и приборов ночного видения...

Внутри мы вошли через тот проём, который в экспедиции между собой называли «парадным»: высокая арка в третьем ярусе, в которую лестница упиралась и которую огибала, разделяясь на два

«рукава», загнутые обычными прямыми пролётами с площадкой посередине. Остановились в «прихожей» — небольшом квадратном помещении, из которого на три стороны уходили одинаковые на вид коридоры.

— Ну и? — обернулся ко мне Майкл. — Что дальше?

— Если бы я знала, — пробормотала неуверенно, обвела взглядом каменные стены.

Разум уже доказал собственное бессилие, чутьё, если оно у меня и было, тоже скромно помалкивало.

Я помнила, что центральный коридор ведёт к тому огромному залу, где погибли мои друзья и коллеги. Левый, кажется, поднимается наверх. Правый...

В правый я в итоге и свернула, не вспомнив о нём ничего. Мужчины загрохотали подмётками следом. Рассыпающийся дробью звук отражался от сводов коридора и жутко раздражал. Причём настолько, что я едва сдерживалась от замечаний в их адрес, старательно напоминая себе, что я тут совсем не в том положении, чтобы придирааться. Кажется, за время пути по лесу я слишком привыкла к тихим шагам Нидара и тому, что по густой лесной подстилке невозможно громко топтать. Инстинктивно старалась ступать осторожней и здесь, а вот наёмники подобным не утруждались.

Коридоры, лестницы, переходы — я сворачивала наугад, окончательно заблудившись и потерявшись в пространстве на второй или третьей развилке, так что в одиночестве не сумела бы вернуться назад. Никакого наития не чувствовала, никакое ощущение никуда не тянуло, но в конце концов почти с ужасом обнаружила, что мы пришли в ту самую комнату, которую я видела в последнем сне.

Конечно, не было никаких огоньков на стенах и светящихся треугольников, не было густой травы под ногами и вьюнов на стенах, только голые камни. Но не узнать её я не могла, слишком характерные очертания имели наклонные каменные плиты, выстроившиеся вдоль стен.

— Выглядит как командный пункт, — высказался коренастый коллекционер, с любопытством озираясь.

— Действительно, — хмыкнул Майкл. — Значит, кое-что ты всё-таки помнишь, а?

Отвечать я не стала, всё равно не поверит. Растерянно огляделась. Камни вдоль стен действительно напоминали гротескные копии каких-нибудь терминалов. Если бы я не видела сегодня того странного сна с огнями на стенах, наверняка бы подумала о каком-то варианте культа карго. А теперь...

Подошла к ближайшему камню, неуверенно коснулась кончиками пальцев. Отметила, как напряглись наёмники, как на меня нацелилось несколько стволов ручных излучателей. Да и я сама, несмотря на весь скептицизм, ожидала чего-то эдакого, поэтому в момент касания готова была шарахнуть в сторону при малейших изменениях. Вздрыгнула. Но ничего не случилось.

Камень. Обыкновенный, тёплый, немного шершавый, но всё-таки ровный. Без узоров, трещин — сплошная однородная поверхность...

Стоп. Тёплый?!

Я в растерянности прижала ладонь полностью, провела ею, прислушиваясь к ощущениям. Действительно, от камня исходило едва ощутимое тепло, причём нагрет он был неравномерно. Нагрет чем?.. А Всезнающая Тьма разберёт! И она же, наверное, в курсе, что это значит и как со всем этим быть.

Ещё раз провела рукой и, ойкнув, отёрнула её, когда палец вдруг царапнуло болью — не столько сильно, сколько неожиданно. Глянула — на подушечке набухла крошечная капля крови. И обо что я могла уколоться на совершенно ровной поверхности?..

Потом вспомнился сон — тот, где из запястий белогривого харра на камень текли тонкие струйки крови. И я, чувствуя себя до крайности нелепо, опять прижала ладонь к монолиту. Даже не пытаюсь разобраться, чего во мне и этом жесте больше: любопытства или недоумения, наития или отчаяния, желания получить какой-то отклик или — страха того же.

От ладони по поверхности потекли разноцветные ручейки света, перекидываясь на стены, на соседние «пулты». От неожиданности меня буквально парализовало, и я зачарованно наблюдала за пробуждающимся камнем, на несколько мгновений забыв, где и зачем нахожусь и в какой компании.

— Ну что там? — нетерпеливо окликнул Майкл.

Я недоверчиво оглянулась на мужчину, который хмуро смотрел на меня и игнорировал происходящее вокруг. Неужели?..

Он не видел. Они все не видели ничего, кроме голого камня.

У меня галлюцинации? Или?..

— Сейчас, — пробормотала неуверенно. Отняла от камня руку, но чарующая пляска огней не замерла ни на секунду.

Больше того, я вдруг осознала, что понимаю все эти переливы, вижу в них смысл, но — не весь, потому что какую-то часть всего этого физически не способна воспринять, в силу несовершенства собственных органов чувств. Кольнуло острое чувство досады на себя и раздражения. Следом холодком по спине прошёл страх: то чувство было неожиданным, странным, чуждым.

И, кажется, не моим...

Храм — который, конечно, не имел ничего общего с культовыми сооружениями, — просыпался. Тысячелетия назад переведённая в режим ожидания и сохранения автоматика почему-то приняла меня за свою и посчитала, что я имею право на её... содействие?

А еще — должна закончить начатое. Это казалось сейчас самым важным.

Закончить что?..

Я отошла от каменной плиты и двинулась к выходу.

— Куда ты собралась? — перехватил меня за локоть Майкл, о существовании которого вместе с его подручными я совершенно забыла.

— Туда, — ответила рассеянно, кивнув на выход.

Ощутила укол недовольства. Посторонние в здании, без допуска, пытаются мешать. Не проявляют агрессии, потенциально опасны. Устранить? Зафиксировать?..

Разум был вялым и заторможенным. Прежде чем я сумела разобраться в этих мыслях, определиться, где заканчиваются мои и начинаются чужие, и хоть как-то на них отреагировать, Майкл убрал руку. Этого оказалось достаточно, чтобы перестать волноваться на его счёт, и я двинулась по коридору в сопровождении всё того же конвоя.

Шла твёрдо, быстро и уверенно, точно зная и цель, и путь к ней. На один из верхних ярусов, куда должна была попасть уже очень давно. Срезая путь, нырнула в узкий коридор, заканчивающийся лестницей с крутыми ступеньками — чёрный ход, технический «лаз» для тех, кто спешит. Мужчины вынужденно вытянулись в линию. На широкую площадку в конце лестницы их поднялось на одного меньше. Пока это заметили и всполошились, пропал еще один.

— Стоять! — На пороге Майкл перехватил меня за локоть и развернул к себе. — Что происходит? — В живот мне уткнулся оружейный ствол. — Куда ты дела Эндрю и Макса?!

Я точно знала, что дела их не я. По коридорам за нами бесшумной тенью скользил харр, он и избавился от двух последних наёмников. Рыжий запомнил, куда нужно нажимать, чтобы отсоединить шлем, и просто свернул им шеи. Кажется, ни один не успел ничего понять.

Но знание об этом, как и окружающие люди, существовало параллельно со мной, моей целью и маршрутом к ней. Поэтому я несколько секунд непонимающе смотрела на Майкла, потом опустила взгляд на оружие, опять подняла глаза на мужчину, который меня удерживал.

— Имей в виду, выстрелить я успею. И про подружку свою помни, — сквозь зубы процедил человек. — Верни их! И без фокусов!

Он нервничал или даже боялся. Археолог трясся, прижавшись к стене. Здоровяк Сэм крутил головой и оружием, он был настолько на взводе, что того и гляди начал бы палить во все стороны по воображаемым противникам. И ругался сквозь зубы. Но в голосе звучала истерика.

— Быстро, я сказал!

Угроза?

Мой мир наконец-то объединился с окружающим, пришло осознание. Возникла чёткая граница между личностью, находящейся в полузабытьи, и тем огромным и всезнающим, что безраздельно

властвовало сейчас в моей голове и в этом огромном комплексе, неотъемлемой частью которого являлись и маленькие пирамиды, и площадь перед ними.

Именно оно внимательно наблюдало за действиями рыжего харра. А еще оно знало, где и в каком состоянии находится Эрра и каждый из обитателей лагеря. Кто-то спал, кто-то стоял в карауле, напряжённо и неприязненно вслушиваясь в голоса леса. Но все они сейчас были малоинтересны, важна была я, харра в клетке и наше ближайшее окружение.

«Уровень агрессии — двенадцать из шестнадцати, продолжает расти», — предупредило нечто внутри меня. — «Индекс уникальности особей от семнадцати до сорока одного процентов. Коэффициент полезности имеет отрицательную динамику. Особи опасны и не представляют значительной ценности. Устранение целесообразно. Подтвердите команду».

Я почти согласилась. Но в это мгновение где-то в глубине заторможенного сознания родился яростный протест против подобного решения проблемы. Не я должна принимать такие решения, есть же шкеты, это их дело!..

«Обезвредить, зафиксировать до прибытия уполномоченных специалистов. Принято», — голос в голове оказался сообразительным.

— Намеренное причинение вреда здоровой женской особи, способной к воспроизводству, незаконно, — ровно проговорила я, пристально глядя на мужчину. — Уничтожение таковой особи без законных оснований является преступлением против разума и цивилизации, — продолжила тем же механическим голосом. Майкла буквально перекосило уже на первых словах, и, кажется, он всерьёз решил меня прикончить. Но излучатель не выстрелил — замер неподвижно вместе с рукой мужчины, им самим и его подручными.

Напрасно майор бахвалился, отреагировать он не успел, да и никто из живых не успел бы. Глупо было надеяться переиграть создателей этого места, глупо вообще было сюда соваться.

Никто не отнимал оружие, не нападал — этому ещё был какой-то шанс противостоять. Просто за долю мгновения оказались заблокированы некоторые типы нейроимпульсов. А потом камень беззвучно расступился и поглотил стоявших вокруг людей, оставив меня в коридоре одну.

«Не камень», — пришло в следующий момент понимание. — «Самопластифицируемая неизлучающая субстанция высокой степени полиморфизма с повышенной свободой единиц сверхмалого разрешения».

И я даже поняла, что это значит и как оно работает, после чего уверенно двинулась дальше. Правда, опять не успела уйти далеко, но новая помеха оказалась гораздо менее досадной.

— Мара, стой! — Харр, конечно, заметил, что случилось с людьми, и поспешил меня догнать. Схватил за плечи, тоже развернул, но сейчас это не вызвало протеста. А когда мужчина крепко меня обнял, то и вовсе стало хорошо — близость, запах его доставляли удовольствие, успокаивали, заставляли расслабиться, и всё это вместе почему-то вызывало одобрение того, что мной сейчас управляло. Самого комплекса?.. — Зачем ты сюда пришла, маленькая беспокойная урши?! — ворчливо спросил Нидар, чуть отстранился, продолжая придерживать меня за плечи.

— Необходимо завершить процесс, — ответила невозмутимо.

— Что? — опешил харр.

— Процесс вышел в критическую фазу, необходим контроль за его завершением во избежание летального исхода. Вероятность летального исхода при неконтролируемом течении процесса равна единице.

Нир несколько мгновений пристально, хмуро разглядывал меня. Кажется, сказанного он не понял, но всё же медленно разжал руки и позволил продолжить путь. Сам двинулся следом, но — не препятствовал, и это обстоятельство вызвало у чуждого разума чувство глубокого удовлетворения.

Цель пути — небольшое почти пустое помещение. Посередине большая прямоугольная плита, в её изножье — подобие кресла. По краю сознания скользнуло чувство узнавания и панический страх, но то, что вело меня, оставалось спокойным. Оно знало, что опасности нет. Слегка досадовало на отсутствие персонала и некоторых вспомогательных средств, но было уверено в успехе. Ноль целых восемь десятых — это очень хорошая вероятность.

Обуреваемая страхами и сомнениями, но не имеющая возможности сопротивляться, я забралась на прямоугольную плиту, мельком отметив, что она тёплая и совсем не твёрдая на ощупь, напротив, приятно пружинит.

Стоило лечь, как реальность отдалилась, растворилась в новом потоке сновидений. Обрывочных,

коротких, бессвязных. Бесчисленные лица, почти исключительно харрские и почти все незнакомые. Коридоры и залы научно-исследовательского центра — сейчас я точно знала, что представляют собой эти пирамиды.

А потом пришла темнота. Абсолютная, безбрежная чернота открытого космоса с крошечными пылинками далёких галактик. И я ощутила себя им, этим бескрайним древним ничто, холодным и мёртвым.

Или всё же... нечто? Не безжалостное, не равнодушное, просто невообразимо огромное и неспособное заметить даже отдельную звезду, не говоря уже о чём-то еще более крошечном, вроде человеческого существа.

Живое. Растущее.

Разумное?..

ГЛАВА 9. Новое

Проснулась я вдруг, словно от лёгкого тычка в плечо. Некоторое время рассеянно разглядывала потолок, пытаюсь понять, кто я вообще такая, где нахожусь и что происходит. Почему-то никакого волнения пустота в голове не вызвала, я чувствовала себя спокойной, отдохнувшей, здоровой и полной сил, а всё остальное... Да разберусь потихоньку!

Сначала вспомнились обрывки снов, и я даже потёрла ладонями лицо, пытаюсь отогнать лёгкое головокружение, которое они вызвали. Крепко зажмурилась, опять открыла глаза, разглядела над головой потолок. На ровной поверхности танцевали цветные сполохи — светящиеся линии разбегались в стороны, собирались обратно, сливались воедино и опять разделялись. Красиво и абсолютно бессмысленно, просто декоративный элемент.

В ответ на моё раздражение огоньки замерли и потухли, оставив пустую гладкую поверхность.

Так лучше.

— Мара! — окликнул приятный, низкий мужской голос, мгновенно отдавшийся где-то за грудиной теплом и волной лёгкой, сладкой дрожи. — Ты очнулась! Как... как ты себя чувствуешь?

Я повернула голову на голос как раз тогда, когда мужчина приблизился и опустился на корточки рядом с лабораторным столом, на котором я лежала. Оказавшись со мной лицом к лицу, он бережно коснулся ладонью щеки, погладил. Я на мгновение прикрыла глаза, наслаждаясь лаской и пытаюсь сообразить, кто он.

Мой мужчина. Это утверждение не вызвало никаких сомнений и протеста. Красивый, сильный, только мой и ничей больше. А я... Мара — это, наверное, я? И, наверное, нужно ответить.

— Не знаю, — проговорила на пробу. Прозвучало немного сипло, да и взгляд рыжего почему-то стал ещё более озадаченным, но пока я это проигнорировала. — Чувствую хорошо, только ничего не помню. Кажется, это временно. Разово пришлось усвоить большой объём информации, мозгу нужно время, чтобы привыкнуть. Что-то не так? — спросила я, потому что лицо мужчины с каждым словом вытягивалось всё более растерянно.

— Я... не всё понимаю из того, что ты говоришь, — осторожно признал он. — Ты можешь встать?

— Да, — ответила уверенно.

Села, свесив ноги. Расстёгнутые и чуть приспущенные штаны доставляли неудобство, но его можно было потерпеть, пока возиться с ними не хотелось. Ладонь мужчины, которая мягко поддержала меня за плечо, страхуя и помогая, вызвала новую волну тепла, как его голос парой мгновений раньше. Очень хотелось, чтобы он не просто держал, но погладил, обнял...

Я с новым интересом окинула его взглядом — густую рыжую гриву, мощный торс, прикрытый странной жилеткой, мускулистые руки. Хорош, невероятно хорош!

Ладонь его скользнула по моему плечу вниз, дальше по предплечью, аккуратно взяла кисть, утонувшую в его огромной лапе. И это мне тоже понравилось; нет, не размер руки, а нежность, очень правильная осторожность. Вот он точно нормальный и знает, как правильно держаться с женщиной, в отличие от...

От кого?

— Мара? — вновь окликнул меня рыжий. В тревоге подался ближе, длинный хвост его тесно переплелся с моим.

Стоп. Моим?..

Я медленно, словно преодолевая внешнее сопротивление, опустила взгляд вниз — и в глазах опять потемнело.

Повторно я очнулась почти сразу, точно зная, что прошло всего несколько секунд. Но в этот раз шевелиться и даже открывать глаза не спешила, более того, старательно гнала прочь вообще все мысли, повторяя в голове дурацкую песенку.

— Нир! — позвала шёпотом. Мужчину я чувствовала: он сидел, держал меня на коленях, крепко обнимая обеими руками. — Нир, мне сейчас... Мне такое приснилось! — призналась сипло.

— Всё хорошо, — с явным облегчением ответил он. — Зато ты меня вспомнила. А себя помнишь?

— Помню. Тамара Иванова, двадцать шесть лет, младший научный сотрудник, археолог. Я

прилетела на Индру, мучимая снами, чтобы посетить местный храм, — протараторила спешно. — Нир, мне... Мне приснилось, что у меня вырос хвост. Представляешь? Ужас какой...

— Почему ужас? — задумчиво хмыкнул он. — Очень удобно. Не представляю, как урши без них живут.

Я наконец открыла глаза. Встретилась взглядом с харром, крепче вцепилась в его жилетку и медленно-медленно опустила взгляд вниз и влево, где ощущалось что-то... что-то...

— М-мамочки, — прошептала дрогнувшим голосом. Потому что хвостов на самом деле было два, тесно переплетённых. Один со знакомой рыжей кисточкой, большой и пушистой, второй — заметно тоньше, и кисточка на нём была меньше, другой формы, светло-золотистая, совсем как мои волосы.

Не знаю, кто дёрнулся первым, хвост или я, но я совершенно несолидно взвизгнула и опять зажмурилась.

— Тихо, моя арриши, не бойся, — мягким, мурлычащим тоном проговорил Нидар, одной рукой продолжил крепко прижимать к себе, явно опасаясь, что сбегу, а второй начал ласково гладить по голове, аккуратно массируя затылок кончиками пальцев.

Прикосновение оказало буквально магнетическое воздействие. Это было не просто приятно, но на самом деле успокаивало, заставляло сердце стучать ровнее, а мысли — двигаться более плавно, без лихорадки и паники.

— Легко сказать — не бойся, — пробормотала я, но всё-таки опять открыла глаза и, решившись, вытянула ногу. Увиденному уже не удивилась. — Вин! А еще у меня лапы. И... уши, да? И усы? Плюк сожри! Да, я же их чувствую... Вин! Пусть оно мутирует меня обратно!

На этом цензурные слова закончились, и я принялась просто ругаться от бессилия, вспоминая создателей этого храма, всех харров в целом, их древних предков и проклятую планету. Под горячую руку досталось и Нидару, который был виноват в случившемся не больше моего, но мужчина, кажется, не обращал внимания на слова. Продолжал крепко, но осторожно удерживать, не позволяя вырываться и сильно дёргаться, гладил по голове, порой шептал что-то утешительное и медленно покачивался, баюкая меня. Пока я ругалась, пока пыталась унять нервные слёзы, пока боролась с ощущением, что схожу с ума.

Но реакция даже на такое потрясение не может быть одинаково острой постоянно. Через некоторое время я умолкла, потом перестала трястись и плакать, а потом вообще все эмоции как-то поблекли, потускнели. Напряжение ушло, осталось чувство опустошённости. Несмотря на отличное физическое состояние, я чувствовала себя настолько вымотанной, словно несколько суток шла по болоту.

— И как я теперь родителям покажусь?! — пробормотала со вздохом. — Слетала в отпуск. Плюк! Вернусь хвостатым чудовищем...

— Ты очень красивая, — возразил Нидар и выразительно потёрся носом о мой висок. Я нервно дёрнула щекой, расправляя замаявшиеся вибриссы.

Вин!

— Ага, особенно хвост! — хохотнула нервно.

— Прекрасный хвост, — убеждённо заявил харр. — Мне очень не хватало его всё это время.

— Тебе? — озадачилась я. — Какое тебе дело до моего хвоста?

— А как еще было тебя понять?

— Чего? — растерялась я и запрокинула голову, чтобы заглянуть в лицо мужчине. Моя собственная странная память никаких пояснений по этому вопросу не содержала.

Нир улыбался — тепло, ласково, и выглядел при этом страшно довольным. Кажется, лично его всё устраивало, причём настолько, что изобразить сочувствие не получалось даже из вежливости.

Впрочем, о чём я! Он же харр, ему наша вежливость...

— По хвосту легко определить отношение, — охотно пояснил рыжий. — Когда от него отвлекаешься и не думаешь о нём, он выдаёт подлинные чувства. Когда рядом кто-то, к кому хочется быть ближе, он это показывает. Норовит обвить чужую руку, ногу, а лучше всего хвост. И если интерес взаимный, это сразу видно, — он выразительно шевельнул хвостом, наверное, имея в виду тесное переплетение наших конечностей. — Как урши без хвоста определяют, нравятся они друг другу или нет?

— Методом проб и ошибок, — проворчала я, вновь зажмурилась и уткнулась лбом в шею мужчине. — Я схожу с ума. Или уже сошла?

— Всё будет хорошо, — уже привычно мурлыкнул этот хронический оптимист и опять принялся гладить меня по голове.

— Теперь понимаю, почему ты постоянно это делаешь. Для вашего вида это действительно очень приятно. Наверное, есть какие-то особенно чувствительные нервные окончания, — заметила я негромко.

— Делаю что? — озадачился Нир.

— Гладишь меня по голове. Вин! Что мне теперь делать, а?

— С чем?

— Со всем этим! — раздражённо огрызнулась я. — Кардинальная генетическая перестройка организма, да ещё автоматически... Твои предки были круты, у нас такое не лечится! А эта дрянь обратной процедуры не знает...

— Хорошо.

— Чего хорошего-то? — возмутилась я. — Мне страшно на себя в зеркало смотреть, и лапы меня эти пугают, и хвост, и... Плючьа автоматика!

— Ты красивая, — спокойно возразил он. — И была, но теперь особенно. А главное, теперь ты уже точно моя.

Я набрала воздуха в грудь, чтобы разразиться длинной матерной тирадой — и шумно выдохнула.

Всерьёз злиться на Нидара не получалось. Конечно, вся эта дичь случилась не без его участия, но обвинять его было бы жестоко и глупо. Просто стечение обстоятельств и слишком надёжная автоматика. И слишком продвинувшиеся в генетике древние харры.

Я не знала, что именно и почему произошло, пихать такие подробности в мою голову не нашли нужным, но на каком-то этапе развития у этих разумных начались проблемы с рождаемостью. Гибли эмбрионы с женским набором хромосом, причём гибли на ранних стадиях развития и даже в пробирках, невзирая на все ухищрения.

Зато нашёлся другой выход: харры научились изменять по собственному образу и подобию близкородственные виды, самым подходящим из которых оказались люди. Откуда и как хвостатые брали моих сородичей, автоматика не сообщила. Пробовали изменять и детей разного возраста, но, на удивление, лучший результат и минимальные потери давала модификация именно взрослых, полностью сформировавшихся организмов.

А главное, такие вот мутантки стабильно давали здоровое потомство обоих полов. И для достижения наилучшего результата изменения производились «под заказ», с настройкой на конкретного партнёра. Он сдавал биоматериал, что Нир умудрился сделать незаметно для себя, наверное просто пощупав в храме что-то не то, а специалисты потом аккуратно подгоняли геном. Старались при этом вносить как можно меньше изменений, то есть не изменяли, например, цвет волос, кожи и форму груди в соответствии с требованиями заказчика, а корректировали только тот обязательный минимум, который повышал вероятность появления здорового потомства.

Обычно жертвам эксперимента аккуратно подправляли ещё и психику, во избежание конфликтов и истерик. Только контролировал это не компьютер, а живые сотрудники. Личность и разум считались слишком тонкой материей, чтобы автоматизировать воздействия на неё. То есть какие-то шаблоны имелись, но применимые только для совсем примитивных ступеней развития, да и то — ограниченно. К счастью, современное человечество в целом и я в частности стояли заметно выше, поэтому голову мою оставили в покое, только добавили полезной информации. Немного.

Местный искин дал понять, что согласен продолжить общение со мной и ответить на вопросы, только — позже, когда приду в себя. Он вкладывал информацию напрямую в мозг, но, во-первых, не мог делать это мгновенно, потому что мгновенная передача большого объёма неизбежно привела бы к летальному исходу, и не мог делать это неограниченно долго — по той же причине. Мозгу требовалось «переварить» вложенное, а для этого — много отдыхать. Да и навык такого вот непосредственного обмена информацией тоже нарабатывался постепенно. А заботу о здоровье древние харры заложили в искин как одну из базовых установок. Мне же после «операции» отдых требовался особенно.

— В общем, ты был прав, — вздохнула я. Несмотря на то, что спать хотелось всерьёз, ещё больше хотелось хоть немного разобраться в себе-новой, а обсудить происходящее с кем-то понятным,

надёжным и близким — это лучший рецепт. — С эмоциями у твоих предков всё было довольно печально. Чувства к разумным существам они считали примитивными, животными, и охотно поощряли только высшие потребности, особенно в познании. Тот белогривый, которого я богом называла, был, похоже, просто главой этого всего учреждения. А заодно как бы не всей планеты, потому что у древних харров бытовала чистая, незамутнённая технократия. Если, конечно, он действительно существовал. Насколько правдивым было содержание моих снов, я пока не знаю.

— Что чистая? — уточнил Нидар.

— Форма правления такая, когда у власти стоят учёные, а научные специалисты — это элита элит. Но нам всё равно очень повезло, потому что при отсутствии чувств у них существовала на удивление гуманистическая мораль, и даже к личностям подопытных дикарей они относились достаточно бережно. Могли ведь просто стереть и записать поверх нужный шаблон, а они старались сохранить личность, даже подгоняя под нужные стандарты. Но этим люди, тьфу, харры занимались, автоматике не доверяли, так что мне вообще психику не поправили. Может, и зря, было бы легче... — тоскливо вздохнула я.

— Не зря, — возразил Нир. — Мне нужна ты, а не... Что-то чужое, изменённое, идеальное и пустое. Тем более идеальное на их вкус.

— Мы с тобой знакомы неделю, — проворчала устало. — Когда бы ты успел это понять?

— Ты упрямая, смелая, решительная, ужасно любопытная. Справедливая и гордая. Очень чувствительная и добрая. Стесняешься этого, но боишься невольно причинить вред живому. Стесняешься быть слабой, и готова наизнанку вывернуться, лишь бы не показать этого. Легко можешь расстаться с родными, но очень любишь свою странную работу. Мне жаль, что ты расстроена и напугана. Но гораздо больше я рад, что теперь тебе точно придётся остаться со мной, потому что теперь твой мир — здесь.

— Нир, человек не может просто так исчезнуть, не может превратиться в существо другого вида незаметно для других! — всё же возразила я, хотя первая часть сказанного отозвалась внутри теплом и даже почти восторгом. Столько искренности и нежности было в его голосе и словах, что градус моего недовольства миром заметно уменьшился. — Есть документы, есть законы, есть обязательства. В конце концов, у меня есть шимка! Наверное, с помощью местного оборудования я могу от неё избавиться, но... я не хочу умирать для своих близких, я люблю родителей и сестёр! И работу свою я слишком люблю, что я буду делать на этой планете?!

— Поговори с родными, предупреди их. Харр будет рад принять их как гостей, — невозмутимо ответил рыжий. Я не сразу сообразила, что он имел в виду планету — аборигены называли её так. — А делать... Вот это всё — твоё. Неужели не придумаешь?

— Что значит моё? — озадачилась я.

— Оно тебя слушается. Меня и Эрру готово терпеть и защищать, остальных харров тоже, но оно не рассказывает нам о прошлом. Или ты уже всё узнала?

Я медленно качнула головой. Я теперь помнила отдельные реалии жизни хвостатых, но куда больше, чем ответов, было вопросов. Зато я знала, как договориться с этим громадным комплексом, где здесь что находится, какие коридоры я могу подвинуть, а какие — незыблемы, откуда и куда я могу переносить живые существа в пределах комплекса, в каких помещениях велись исследования какого рода. И действительно могла разговаривать с искином.

Храм не просто принял меня, но признал главной из всех присутствующих. Я сначала опешила от такого открытия, но потом поняла, что это было закономерно. Если для тех, кто создавал это чудо техники, именно учёные считались элитой, то выбор у местной автоматике невелик. Я, конечно, не чета древним харрским специалистам, но всё же ближе к их идеалу, чем шрет или скромная домохозяйка.

Правда, стоило попытаться «поговорить» об этом с храмом, как жутко заболела голова. Я со стоном схватилась за лоб.

— Мара? Что?.. — встревожился Нир.

— Похоже, информация ещё не усвоилась. Но нет, не так уж много я знаю. Кажется... Расскажи, как долго я была без сознания? Что здесь вообще случилось? Я плохо помню, что происходило после того, как я очнулась в лагере.

— Расскажу. Но, может, тебя для начала покормить?

— Покормить, — согласилась я. — Для этого же надо выйти? Ой, нет, давай ты меня поставишь, я сама попробую. Надо же как-то приспособливаться, если мне так жить...

Наверное, за это тоже стоило поблагодарить заложенную программу, но с изменившимся телом я освоилась довольно быстро. Подсознательно ожидала, что упаду сразу же, как встану на новые лапы, но держали они уверенно. Правда, почти сразу пришлось сесть обратно, чтобы разобратся с одеждой. Пару секунд понаблюдав за моими мучительными попытками натянуть штаны повыше, как-то обойдя при этом хвост, Нир пришёл на помощь. Заставив снять проблемный предмет одежды, проделал дырку и объяснил, как это удобнее надевать. Я, конечно, застонала, что никогда к этому не привыкну, рыжий снова заверил, что всё будет хорошо, на том и сошлись.

Кажется, еще немного, и я начну воспринимать эти изменения в своей жизни философски.

А вообще, большое спасибо храму за такое бережное отношение к моей одежде. Не знаю, чем автоматика руководствовалась, но ведь могла просто распылить лишнее! Ботинков-то в обозримом пространстве не видно...

Решив насущную проблему, я попыталась не только стоять, но и идти. И опять не ощутила никаких неудобств: это сознание пребывало в шоке, а во всём остальном лапы, хвост и прочие приобретения ощущались как родные. Стоять, идти, шевелить ушами и вибриссами — тело выполняло все эти действия легко, не задумываясь. Всё же до чего талантливые были у древних харров программисты...

Но за Нидара я всё равно продолжала держаться. В его лице мне требовалась не столько физическая, сколько моральная поддержка. Конечно, неприкрытая жизнерадостность рыжего раздражала, как и его нежелание понимать весь трагизм ситуации. Но, с другой стороны, его надёжность и спокойствие были именно тем, чего мне сейчас недоставало в жизни. И мне еще здорово повезло, что здешнее оборудование связало меня с мужчиной, который безо всяких сторонних воздействий не только нравился мне, но отвечал взаимностью и был готов со мной возиться!

Пока шли к выходу, Нидар рассказал, что без сознания я провела почти трое суток, причём большую их часть в толще камня. Собственно, храм вступил в контакт с Ниром только тогда, когда последний попытался выковырнуть меня наружу, чтобы успокоить и заверить в нормальности и безопасности происходящего со мной. И пригрозил, что, если харр попытается настаивать и мешаться, то его отсюда выдворят и больше не пустят. Пришлось поверить на слово и ждать.

За это время успела прибыть вызванная рыжим подмога, которая в настоящий момент тоже дожидалась моего пробуждения.

Когда мы наконец вышли под открытое небо, я замерла на пороге, от неожиданности крепче вцепившись ладонь мужчины. И напряжённо уставилась на тот мир, что распахнулся вокруг, раздираемая противоречивыми желаниями: то ли спрятаться обратно под тихие своды комплекса, то ли бежать от него подальше.

Здесь, на открытом пространстве, стало легче дышать. Появилось ощущение, что до того жавший череп наконец стал впору; прекратила тупо, монотонно болеть голова. И я только теперь поняла, насколько тяготило окружение там, в храме. Кажется, та его часть, что общалась со мной, постоянно оттягивала на себя часть внимания и, может быть, даже рабочей мощности мозга, причём всё это происходило незаметно для сознания. А здесь, снаружи, она не то не считала нужным, не то просто не могла так сильно на меня давить.

Но тут возникла новая проблема: мир изменился. Точнее, он-то остался прежним, изменилось моё восприятие. В стенах комплекса обострившиеся слух и обоняние, изменённое зрение и возникшее совершенно новое ощущение — радиочувствительность — не доставляли неудобств, а здесь... Мир навалился со всех сторон, забил голову тысячами новых голосов. Оказывается, шимка с её радиопередатчиком и близко не походила на то, что чувствуешь, когда прямо из головы растёт пучок природных антенн.

— Вин!.. — пробормотала я, крепко зажмурилась, попыталась зажать уши — но не нашла их на положенном месте. Грязно выругалась сквозь зубы, чувствуя, что на глаза снова наворачиваются злые слёзы.

— Тихо, арриши! — Нир развернул меня, привлёк к себе, крепко обнял и опять принялся наглаживать по макушке. — Сейчас привыкнешь, станет легче.

— Откуда такая уверенность? — пробормотала я недовольно.

— Харр ко всему привыкает, — философски ответил рыжий.

— Угу, если недохнет, — буркнула еще более зло.

— Сейчас поешь, станет легче, — предположил мужчина и подхватил меня на руки.

Сопротивляться я не стала, обняла его за плечи, уткнулась лицом в густую гриву, продолжая жмуриться и чувствовать, что голова пухнет от радиосигналов, обилия и насыщенности звуков и запахов. Как жаль, что это не шимка, которую можно просто отключить! И как жаль, что этот древний инопланетный искин не стал всё-таки ковыряться в моей психике. Кажется мне, с принудительной настройкой привыкнуть ко всему было бы легче.

А отстаивать самостоятельность и независимость сейчас тем более не хотелось. Я чувствовала себя большим ребёнком и хотела вести себя соответственно. Тем более Нидар явно готов со мной вот такой возиться.

— Не уверена, что еда поможет... — пробормотала через несколько секунд.

— Но точно не помешает.

— Логично. — Я вздохнула. — Люблю повеселиться, особенно поесть. Расскажи мне, что вообще тут происходило? Куда подевались эти люди? Я понимаю, что на ходу неудобно, но... Когда ты говоришь, легче, я могу сосредоточиться на словах и не обращать внимания на окружающее пространство.

Конечно, против такой аргументации Нир возражать не стал и принялся меня просвещать. О том, как совершенно неожиданно из леса явилась я и переполошила весь лагерь, и пришлось харру срочно менять планы. Как странно вела себя потом, уже в храме, причём Нидар забеспокоился еще до того, как поведение это стало совсем уж неадекватным: он уверял, что у меня резко изменилось выражение лица и пластика движений, стоило оказаться в стенах комплекса. Как потом одновременно застыли урши и буквально провалились сквозь камень, исчезнув в неизвестном направлении. Причём, как оказалось позже, действительно — все, включая пару трупов и тех, кто оставался снаружи.

Из живых в лагере Нир нашёл только Эрру, чему немало удивился: об исчезновении харры его никто не предупреждал. И остальных сородичей рыжего, в свою очередь, удивило обнаружение женщины именно здесь. Люди сумели умыкнуть её настолько ловко, что на них никто не подумал, и предполагали вообще-то, что она погибла.

На этом месте мы добрались до лагеря харров, и рассказ прервался.

— Ого! — высказался незнакомый мужской голос, когда Нир поставил меня на ноги и всё же пришлось открывать глаза и пытаться влиться в действительность. — Понимаю, почему Нир так трясся. Из-за такой красотки и я бы глаз не сомкнул от волнения, и не только трое суток!

Оглядевшись, я обнаружила, что лагерь харры разбили в стороне от человеческого, под лесным пологом, но в виду комплекса. И всех отличий от тех временных стоянок, которые мы устраивали с Нидаром, было наличие походного таганка и котла на нём, в котором аппетитно булькало что-то ароматное и явно мясное. Уловив этот запах, я отчётливо поняла, что Нир прав: поесть не просто нелишне, но совершенно необходимо.

По сравнению с содержимым котелка, всё остальное было уже не так интересно, но я отметила присутствие поблизости пятерых довольно молодых харров. Хотя лучше бы их не было: аборигены разглядывали меня с таким гастрономическим интересом, что с трудом удалось подавить порыв спрятаться за Нидаром.

— Ну зато хоть понятно, почему Нир вдруг так переменял мнение о семейной жизни, — рассмеялся уже другой харр, здоровяк с тёмно-каштановой гривой, кажется ещё более крупный, чем Нидар.

— Уймись уже, а? — шикнула на них Эрра, которую я поначалу просто не заметила. Женщина поднялась, подошла ко мне. — Что с тобой случилось?! — спросила она растерянно, материнским жестом обняла за плечи, чтобы отвести к расстеленному тут же лёгкому одеялу. — Как это вообще возможно? Как ты?!

— Дерьмово, — ответила честно, с трудом сдержавшись от более крепких ругательств. — Такое ощущение, что башка сейчас взорвётся от мыслей. Нир, а мой рюкзак... — с надеждой начала я, озираясь, и осеклась, найдя взглядом ярко-оранжевую вещичку. Рюкзак, целый и невредимый, лежал чуть в стороне. — Нир, ты лучший!

— Садись, — со смешком махнул он рукой и принёс вещи сам. Опустился рядом со мной на корточки, хмурясь, посмотрел, как я достаю аптечку. — Ты уверена, что на тебя эти средства теперь подействуют так, как должны?

— Нет, — честно ответила, вытряхивая успокоительное. — Но других нет, остаётся экспериментировать. А вообще мы генетически довольно близки, да и лекарство вроде бы не очень ядрёное, поэтому вдохнуть не должна. Или у тебя есть какое-то еще успокоительное на примете?

Нир неодобрительно нахмурился — предложить альтернативу он явно не мог, а Эрра накрыла мою ладонь своей, не позволяя распечатать лекарство, и обратилась к окружающим:

— Мужчины, кто-нибудь видел поблизости варвию? Желательно совсем мелкую, молоденькую.

— Видел, — через несколько секунд припомнил один. — Вон там.

— Принеси несколько побегов, — попросила харра и пояснила для меня: — Это такое растение, если заварить, получается очень приятный напиток, который как раз успокаивает.

— Нир, объясни пока, что случилось? — подал голос ещё один доселе молчавший харр, сравнительно некрупный, жилистый мужчина светло-коричневой масти с чёрными подпалинами. То ли он был старше остальных, то ли просто серьёзней, но потешаться над неожиданной привязанностью Нидара не спешил, явно заинтересованный вещами гораздо более значимыми. Чем сразу заслужил мою симпатию. — Я так понял, что ты повёл сюда какую-то урши, а не эту девушку.

— Повёл, — медленно кивнул Нир, взглядом спрашивая у меня разрешения на рассказ.

— Меня он сюда повёл, — проговорила со вздохом.

Рыжий сел рядом, и на этот раз я почувствовала, как наши хвосты переплелись, и даже нашла ощущение... приятным. Дико, конечно, думать, что меня кто-то держит за хвост и мне это нравится, но... А что еще остаётся?

Да и вообще, близость и поддержка Нидара оказалась очень кстати. Как и то, что он не стал с ревнивой демонстративностью сгребать меня в охапку, вполне удовлетворившись хвостатым выражением эмоций. Это подкупало: создавало иллюзию свободы выбора.

Боязно было посвящать аборигенов в подробности, я понятия не имела, как они на это всё отреагируют и как себя поведут. Конечно, проблем с рождаемостью у харров нет, и вряд ли хвостатые станут таскать сюда зазевавшихся туристов, но... мало ли!

Однако и промолчать я не могла, всё-таки комплекс этот — наследие их предков, и что именно мне оно дало расширенный допуск — результат случайности. Поэтому пришлось вкратце пересказывать окружающим историю приключений.

За это время успел вернуться посланец с варвией, которая оказалась совершенно невыразительной травой с длинными тёмно-зелёными листьями, и Эрра принялась хозяйничать у костра. Приготовленный женщиной напиток оказался очень приятным, особенно разбавленный холодной водой. Травянистый, с лёгким привкусом ментола, сладковатый и свежий — прелесть.

— Хм. Положение... — рассеянно протянул тот же невысокий харр, недовольно прижав уши, когда я закончила рассказ. — Ты теперь харра, но одновременно — урши. Как быть с законами? — он задумчиво качнул головой. — Ты ничего еще не объяснял?

— Нет. Но только потому, что не успел, — ответил Нир.

— Так, может, проще... — заговорил тот здоровяк, который высказывался про семейную жизнь, неопределённо кивнув в сторону леса.

— Проще тебя крумикару скормить! — с угрозой прорычал рыжий, слегка подаваясь вперёд и будто невзначай прикрывая меня плечом. Уши плотно прижаты к голове, вибриссы встопорщены — злостью повеяло от всей его фигуры, не хватило только гневно хлещущего по бокам хвоста. Но, кажется, только потому, что тот был занят моим.

— Нидар, Крэт! — одёрнул их... наверное, всё же старший. — Спокойно.

— А в чём проблема-то? — высунулась я из-за Нирова плеча, успокаивающе его погладив. — Откуда идея переработать меня на компост? Кстати, на всякий случай предупреждаю, храм досюда дотянется и меня в обиду не даст.

— Крэт неудачно пошутил, а Нидар слишком устал, чтобы реагировать спокойно, — пояснил всё тот же харр.

— Отчего устал? — растерялась я. — Вроде он всю неделю был бодр, а тут...

— Не бери в голову, — отмахнулся рыжий, поморщившись.

— Ожидание выматывает. Особенно когда неясно, чего и сколько ждать, — проигнорировал его высказывание старший.

Нет, определённо, хороший мужик! На Бетро чем-то похож.

Я придвинулась еще немного ближе к рыжему, слегка потёрлась о его плечо щекой, одной рукой взяла за локоть, а второй — обняла за талию, скользнув ладонью под жилетку. С облегчением ощутила, как мужчина расслабился под этими прикосновениями, мягко накрыл мои пальцы на собственном локте лапищей.

— Ладно, а всё-таки, в чём проблема? — продолжила я допытываться.

— Есть законы. Такие вещи, которые знают харры и которые не нужно знать урши. И непонятно, как быть с тобой. Что ты думаешь делать дальше?

— Хороший вопрос, — вздохнула я. — Когда летела сюда, думала просто избавиться от снов и совсем не ожидала мутировать... вот в это. Нет, я против харров ничего не имею, вы симпатичные, но я-то человек! А обратно... Комплекс процедуры не знает, — я кивнула в сторону пирамид, — а наши генетики не настолько хороши, чтобы столь вольно играть с геномом, поэтому им в руки я не дам, даже если будут уговаривать. И вообще не хотелось бы афишировать вот это всё, потому что... Великая Тьма знает, куда вильнёт фантазия наших изсбэшников! Но и совсем промолчать нельзя, надо же куда-то девать этих ребят, которые сейчас хранятся в недрах комплекса. И с ними отдельная проблема. Они никого не убивали, только пугали, и со стороны выглядит так, что Нир зарезал трёх безобидных путников, а потом ещё двум головы оторвал. Да, Эрру они похитили, но серьёзного вреда ведь не причинили? — я вопросительно посмотрела на харру.

— Нет, — задумчиво качнула она головой. — Только грозились.

— И мне только грозились. Так что еще с ними надо что-то решать.

— Отдай их нам, — хищно ухмыльнулся Крэт.

— Обойдётся, — возразила я, невозмутимо разглядывая харра. Во-первых, почти не сомневалась, что на меня он не нападёт, да и не было похоже, что грозит он всерьёз: даже не скалился. А во-вторых, даже если нападёт, тут достаточно вменяемых существ, способных вразумить этого слишком агрессивного типа, и речь не только о Нире. — Разбираться с ними должны люди.

Крэт как-то странно прицокнул языком, глядя на меня с насмешкой, но ничего не сказал.

— И как ты планируешь передать их людям? — опять вступил старший.

— Понятия не имею, — вздохнула тяжело. — Я всего пару часов в этом теле, и мутация эта оказалась полной неожиданностью, вы серьёзно думаете, что я за это время способна составить план действий на ближайшие годы? — проворчала недовольно, чувствуя, однако, что всё это нервирует меня гораздо меньше, чем поначалу, да и голова больше не кажется распухшей. Похоже, альтернативное растительное успокоительное работало хорошо.

— Держись так, как будто способна, — улыбнулся так и не назвавшийся старший харр.

— Ладно, хватит девочку мучить! — пресекла разговоры Эрра. — Дайте ей поесть спокойно, поспать, а потом уже будете думать.

Спорить с женщиной не стали, даже попытались изобразить раскаяние, но вышло неубедительно.

Остаток вечера прошёл быстро и скомканно. Я чувствовала себя слишком уставшей и просто не могла уже думать. После плотного ужина и умывания в ручье Нидар утащил меня в шалаш. Я морально готовилась огрызаться на дежурные шуточки и напутствия, но на нас даже внимания не обратили. Странно, но — приятно.

Расстеленный в шалаше спальник вызвал чувство сродни ностальгии. Казалось бы, прошло совсем немного времени с того момента, как я последний раз так спала, и большую часть его я была не в себе, но... когда Нир разделся и привлёк меня к себе, крепко обнял, зарылся лицом в волосы и так затих, стало удивительно хорошо и спокойно.

— Слушай, а где всё-таки мои ботинки? — неожиданно вспомнила я, пытаюсь аккуратно устроиться поудобнее — чтобы и рыжего не очень пинать, и мне самой ничего нигде не давило. Учитывая стремление Нидара облапить меня всеми конечностями и прижать теснее, получалось с трудом.

— Не знаю, наверное, остались в камне, — пробормотал он.

А когда я сформулировала следующий вопрос, Нидар уже спал. Похоже, действительно здорово вымотался, если сейчас так вырубился. Бедняга. Стало немного стыдно оттого, что переживал он из-за меня, приятно по той же причине, и уже поэтому — ещё более стыдно.

Всё-таки насколько же мне — или нам обоим? — повезло, что мы оказались симпатичны друг другу. Не представляю, как бы я держалась сейчас, если бы не поддержка мужчины и его пугающе

серьёзные намерения. Предки харров не очень-то беспокоились о наличии эмоциональной привязанности или симпатии между жертвами эксперимента, считали вполне достаточными для успеха физического влечения и общих целей. Начало бы меня так тянуть к какому-нибудь неприятному типу вроде Крэта — я бы точно постаралась удрать с планеты, и Тьма знает, чем бы всё кончилось...

Я никогда не придавала большого значения личной жизни, несмотря на наглядный пример прекрасной семьи перед глазами — родителей. Мне были гораздо интересней древние цивилизации, чем простые ценности вроде уютного дома, любимого мужа и ватаги детей. Допускала, что когда-нибудь, в отдалённом светлом будущем, встречу Того Самого, с кем захочется провести жизнь, вроде как мама отца. Но в этих допущениях Тот Самый жил где-то рядом или уж как минимум — на Земле и не возражал против моих экспедиций и работы.

А сейчас я буквально разрывалась от противоречивых желаний и попыток придумать, как и в прыжок уйти, и космолит не запачкать. Не говоря уже о том, что стоило закрыть глаза и отвлечься от обострившегося восприятия, как я просто забывала о случившихся с телом переменах, и приходилось постоянно напоминать себе, что никакого «как раньше» уже однозначно не будет.

Вин! Всё же лучше бы оно мне и психику подправило...

С этими мыслями я в конце концов заснула, причём очень крепко; не знаю, сказала ли усталость, помог Эррин настой или близость Нира. К счастью, обошлось безо всяких снов — и обычных, и странных, так что выпалась я прекрасно.

А пробуждение оказалось и вовсе самым приятным из возможных, потому что проснулась я от нежных прикосновений Нидара, ласкающих мой бок и бедро, и лёгких поцелуев в плечо и шею.

— Как ты? — тихо спросил харр, к чьей груди я прислонялась спиной.

— Ещё не знаю, но начало дня мне нравится, — улыбнулась в ответ, не открывая глаз. — А еще мне ничего не снилось, и это прекрасная новость.

— Значит, проблему, с которой сюда прилетела, ты решила?

— Вроде бы, — проговорила, прислушиваясь к себе. — Да, пожалуй, — продолжила уже уверенней. — Хотя, конечно, это тот случай, когда нужно бояться собственных желаний: вдруг сбудутся! В любом случае я почти уверена, что сны были последствием изменений. Пока не представляю, как именно этот комплекс заставлял меня их видеть и что они означали, но надеюсь узнать, а то у меня даже теории подходящей нет! Понимаю, если бы он в меня каких-то нанороботов или вирусов напихал и те начали работать вдаль от Индры, но ведь не было же ничего подобного! Меня очень пристально и внимательно исследовали, никаких чужеродных объектов не нашли, даже столь мелких. Может, конечно, их на тот момент было слишком мало, и они никак на организм изначально не влияли... — рассеянно подытожила я и запнулась, понимая, что запуталась окончательно.

— Пойдём завтракать, — засмеялся Нидар, на несколько секунд крепче прижав меня к себе. — Я очень рад, что ты — это всё-таки ты.

— В каком смысле? — полюбопытствовала, не спеша шевелиться.

— Что ты такая, какая есть, и изменилась сейчас только внешне. Что я вообще встретил тебя. И, конечно, что эта штука тебя вернула. — Он прижался щекой к моей щеке, потёрся. Ощущение было странным, не таким, как раньше, но приятным.

Мы еще некоторое время полежали молча, а потом одновременно, не сговариваясь, потянулись за одеждой. Приятного продолжения утра, конечно, хотелось бы, но... есть хотелось сильнее, да и тревожные мысли о будущем не способствовали расслабленности. А потом вспомнилось и, главное, услышалось, что мы здесь не одни. Харры переговаривались негромко, и человеком бы я их не заметила, но сейчас их присутствие казалось слишком навязчивым. Какие уж тут нежности с интимом, при таком количестве свидетелей!

У кострища, к которому мы подошли, умывшись, сидела харра и трое мужчин. Отсутствовали тот, кого я вчера признала старшим, и Крэт, причём ушли они достаточно далеко, мои чуткие уши не улавливали их присутствия. Отправились охотиться?

— Тамара! — обрадовалась Эрра и похлопала по земле рядом с собой, приглашая садиться. — Сегодня ты выглядишь гораздо лучше. Выпалась?

— Да я и чувствую себя лучше, — ответила со смешком, бросив вопросительный взгляд на Нидара.

Тот только махнул рукой и подошёл к общему котлу. Жестяные миски кто-то уже отмыл и сложил

стопкой, ими рыжий и воспользовался. Нир плюхнул всё ещё тёплой наваристой каши с мясом и себе, и мне и привычно устроился рядом.

— К вашему обострённому восприятию сложно привыкнуть, но, кажется, информация окончательно усвоилась, — продолжила я, перемежая рассказ жеванием: походная еда оказалась исключительно вкусной. — Оказывается, не так уж много полезного мне этот комплекс сообщил, хотя интересного — куча. Например, я знаю, как строилась иерархия вашего общества в древности, что вы распространились на множество планет и были вообще-то очень развитой цивилизацией, хотя и с довольно странной, на мой взгляд, техникой. А Индра, ну то есть Харр, это ваша историческая родина, и её вы воспринимали как заповедник. Сюда прилетали отдохнуть, подлечиться, развеяться, припасть к корням, а постоянно жили научные работники нескольких институтов и всякие отщепенцы. Странные ребята: возражали против прогресса, считали научный путь тупиковым, но благами цивилизации пользовались за милую душу. У вас тут всё было очень круто организовано: система локальных телепортов, по которым можно куда угодно добраться, система связи, чтобы общаться вообще с кем угодно на планете. Вряд ли эти сети сохранились до сих пор, а жаль. Было бы... Это вот что значило? — осеклась я, потому что харры как-то странно переглянулись, а Нидар рядом со мной насмешливо фыркнул.

Повисла неуверенная тишина, которая наталкивала на довольно неожиданные мысли, но задать следующий вопрос я не успела: не выдержала Эрра.

— Ай, мужчины! — всплеснула руками она. — Это одна из главных тайн, о которой они вчера спорили, говорить тебе или нет. Харр проводит нас в нужные места тайными тропами, очень быстро, и говорить мы между собой можем. Правда, делаем это только по большой надобности, мало ли что. Только я думала, что дело в нас самих и нашем мире.

— Может, не стоило рассказывать об этом без Озри? — недовольно спросил один из посторонних мужчин, неодобрительно глядя на Эрру.

— Мара всё равно скоро спросила бы, как вы добрались сюда так быстро, — возразил Нир. — И если прилетели на вертолёте, то зачем и куда его отправили. Можно было, конечно, и тут соврать что-то убедительное, но я не хочу ей врать.

— И что, вот прямо отсюда можно переместиться куда угодно?! — растерялась я.

— Не совсем. Мы... ощущаем, где находятся такие участки, откуда можно перенестись, а где — подходящие для разговора. В лесу их немного, а здесь, рядом с пирамидами, хватает.

Нет, я понимаю, почему Нидар тащил меня через лес, всё-таки чужачка, а это большая тайна. Которую они как-то умудрились всё это время скрывать от людей, и от этого немного не по себе: сколько у них тут ещё загадок припрятано? Я другого совсем не понимаю...

— Но почему ты не позвал на помощь, когда стало понятно, что людей для тебя одного слишком много? — возмутилась я. — Зачем было так рисковать собственной жизнью?!

— И тебя бы не удивило появление других харров? — тихо спросил рыжий, виновато прижав уши. Но смотрел при этом строго, пристально. — Сохранение тайны первостепенно. Хотя, может быть, зря. В конце концов всё равно пришлось звать, — он выразительно кивнул на присутствующих.

— Ох уж мне эти мужчины с этими их военными тайнами! — вздохнула я страдальчески и на несколько секунд уткнулась лбом в его плечо. Нидар ласково почесал меня за ухом. Плюк! А приятно...

Всё же до чего он похож на моего отца, даже страшно. Я ведь твёрдо знала, что не стану связываться с военными, что найду себе единомышленника, лучше учёного и коллегу... Надо же было так вляпаться, а?

— Начинаю жалеть, что ваши древние предки так радикально переменили взгляд на жизнь, — продолжила я, преодолев мгновение слабости и выпрямившись.

— Что ты имеешь в виду? — любопытствовала Эрра.

— Они считали знание высшим благом и ценностью и главным преступлением — насильственное ограничение чьей-то возможности познавать. Предел был один, собственное упорство и уровень интеллекта. Хотя, конечно, закончили они нехорошо...

— В каком смысле? — заинтересовался один из посторонних шретов.

— Ну что-то ведь случилось, из-за чего вы утратили связь с остальными планетами, а их было много. Я, правда, не знаю, что именно, надо будет расспросить храм, вдруг он прояснит ситуацию. Причём самое потрясающее, что вы не летали в космосе, как люди сейчас и все остальные знакомые нам

развитые цивилизации, а просто перемещались на другие планеты. Я не представляю, что и как нужно было рассчитать, чтобы это получилось... Вы точно не хотите пустить туда наших учёных? Это же какой прорыв в развитии может случиться!

— Это будем решать не мы, не здесь и не прямо сейчас, — мягко возразил Нир. — И про твоих учёных... Ты уверена, что от этого не станет хуже? В первую очередь тебе.

— Не уверена, — вздохнула согласно. — Поэтому самое время звонить папе. Только для этого надо добраться до космопорта, насколько я знаю, там единственная рабочая система дальней связи. На Индре все ретрансляторы быстро выходят из строя, так что их слишком дорого содержать, а в космопорте без этого никак. Считается, что это из-за электричества в атмосфере и помех, но я начинаю подозревать, что дело в вашей связи, которая не терпит конкуренции.

— А как она выглядит? Связь эта ваша? — спросил один из шретов. — Просто у тех уршей куча приборов каких-то, мы их трогать пока не стали, мало ли.

— Да Тьма её знает, как она выглядит! — хмыкнула я. — Шимка ловит сигнал и говорит, что связь есть. И это всё, что я о ней знаю. Но посмотреть надо. Да и вообще оглядеться, вдруг найдётся что-то интересное. Не даёт покоя мне эта компания.

— Почему? — любопытствовал Нир.

— Не знаю. Не по себе. Например, откуда у них столько денег? Это же всё очень дорого. Содержать вертолёт, все эти старинные простые электрические игрушки без капли электроники... Оно вроде бы всё простое, но стоит сейчас огромных денег. Я знаю, мы интереса ради смотрели, сколько будет стоить вертолёт в рабочем состоянии. Там такая сумма... десяток экспедиций на удалённые планеты можно снарядить. Не представляю, кто бы мог вбухать в это столько денег. Причём вбухать давно, основательно и без особой гарантии получить результат. И Майкл этот... Вроде осторожный и разумный, но какой-то слишком самоуверенный. Я бы на его месте точно не рискнула лезть в непонятное место, где от непонятного воздействия на разум сгинула толпа народа. Да не просто лезть, а надеяться освоить методику!

— Но ты же прилетела сюда! — заметила Эрра.

— Я... Начинаю думать, что это было не совсем моё решение, — призналась мрачно. — Если эта штука заставила меня медленно мутировать и умудрилась издали давить на психику, всё это в конце концов могло вылиться в желание сюда прилететь. Но я всё равно понимала неадекватность собственного поведения! А этот почему-то был уверен, что у него всё получится. И меня это пугает. Когда у очень богатого человека столько дури...

— По-моему, все урши слишком самонадеянны, — проворчал доселе молчавший молодой шрет с забавной пёстрой гривой и веснушками на носу. — Всегда. Вы всех, кроме себя, считаете недоразвитыми. Ничего не зная о народе, записываете в дикари. И всегда удивляетесь, когда это оказывается не так.

— Не всех, — возразила из чистого упрямства: с утверждением я была согласна, но брюзгливый тон харра прозвучал крайне противно. — Вот ваши предки, например, были более чем развитой цивилизацией, у которой нам бы следовало поучиться. А если тебе обидно за наше к вам отношение сейчас... А ты понимаешь, как работают телепорты, которыми вы пользуетесь? А связь? Да вы даже узнать не пытаетесь!

— Древние много знали. И где они теперь? — огрызнулся тот.

— А тебя не смущает, что вы живёте за их счёт и...

— Хватит! — Нидар резко оборвал перепалку, к которой другие двое харров прислушивались с большим интересом. Правда, я так и не поняла, кого они одобряли. — Мара права. Что бы ни случилось с древними, но мы сейчас живём так, как живём, только благодаря им. Если тайные тропы проложили они, если это не особенность Харра, то мы действительно в сравнении с ними — дикари. И с уршами, наверное, тоже. Хотя бы потому, что там, — он кивнул на пирамиды, — Мару посчитали достойной. Но и Вишшек прав. Урши действительно слишком самонадеянны и часто не видят угрозы там, где её стоило бы видеть. И ты, Мара, сама это знаешь.

Рыжий по очереди смерил нас выразительным тяжёлым взглядом. Пёстрый харр виновато прижал уши и опустил взгляд, я тоже отвела глаза и... наверное, тоже прижала уши, как нашкодивший кот.

— Ну да, — признала нехотя. — Ну а чего он?..

— Молодой, горячий и не любит урши, — мягче и спокойней, с улыбкой в голосе ответил Нидар. — Почти как я несколько лет назад. Он пока еще не постиг космическую мудрость.

— Космическую мудрость?.. — переспросила я озадаченно.

— Мы с тобой обсуждали эту разницу.

— Да, я догадалась, но... — пробормотала растерянно — и заметила, наконец, то, на что должна была обратить внимание гораздо раньше.

Шимка была выключена. Жива, как я поняла с облегчением, харрский научный центр её пощадил, и даже продолжала, как это ни странно, меня слушаться, несмотря на изначальную генетическую настройку. Но всё это время я разговаривала на местном языке самостоятельно, настолько привыкнув за прошедшие дни к работе переводчика, что даже не отдавала себе отчёта в этих изменениях.

— Нир, а я сейчас правильно говорю, да?

— Правильно. В основном.

— То есть?

— Некоторые слова произносишь странно, не так. Не как урши, но — иначе, чем мы. А некоторые я просто не знаю, приходится догадываться.

— Прекрасно! — глубоко вздохнула я. — Оно наградило меня знанием языка. Интересно, он у вас так мало изменился за тысячелетия или всё-таки автоматика отслеживала, что происходит вокруг? Не может местная аппаратура не быть связана с общепланетарной сетью!

— Мара, ешь! — с улыбкой подбодрил меня Нир. — Ты хотела осмотреть лагерь урши.

— Да. Ты прав. Это всё голые теории, тут рассуждать можно бесконечно, но... Вин! Это же так интересно!

ГЛАВА 10. Подробности

Связь с храмом действительно работала не только внутри пирамиды, но и на площади, и даже в её окрестностях. Просто у костра сознание храма почти не ощущалось, а вот стоило ступить на каменные плиты — и сразу возникло лёгкое ощущение чужого присутствия. Куда сильнее нервировали слишком обострившиеся чувства. Пусть я немного притерпелась и уже не хотела утопиться в ближайшем водоёме, лишь бы не слышать и не чувствовать, но до спокойствия всё равно было далеко.

Сейчас, на свежую, не перегруженную голову, общение с храмовой автоматикой воспринималось гораздо легче и даже почти привычно. По сути та же шимка, только со слабым подобием искина — не выраженной личностью с собственным «я», а неким организованным набором инструкций, распоряжений и степеней свободы. Конечно, кое-какие проблемы при этом возникли, но опыт работы с привычными виртуальными интерфейсами очень пригодился.

Очень хотелось бросить всё и бежать в храм с вопросами, которых имелось множество, но пока я держала себя в руках и старалась следовать плану. Это был не вопрос силы воли или организованности, а — спокойствия. Имея определённую цель, я чувствовала себя не настолько потерянной, как без неё, и не расплылась. И первой целью было разобраться с пленниками.

В «штабной» палатке, где меня допрашивали, нашлось несколько контейнеров с электронными замками. Рисковать, ломая их с помощью грубой физической силы, не хотелось: существуют системы, уничтожающие в таких случаях содержимое, и я не могла поручиться, что здесь стоит не такая. Но кстати вспомнились проблемы с электроникой и мои подозрения на их счёт, с которыми я и пристала к искину.

Оказалось, вредили человеческому оборудованию естественные помехи, создаваемые атмосферой, глобальной сетью телепортов и харрской связью, но храм всё же располагал возможностями легко и прицельно вырубить всю нашу сложную технику. Изначально это воздействие вообще-то было рассчитано на внутренние процессы живых существ, что он продемонстрировал на наёмниках, и являлось не защитным, а рабочим. Но современная электроника почти всегда разрабатывается с приставкой «био», и применить к ней знакомые принципы искину оказалось несложно, да и на более простых схемах такие воздействия сказывались разрушительно.

Как именно всё это происходило и почему наши техники ничего такого до сих пор не заметили, я спрашивать не стала. Я не инженер и не физик, всё равно быстро не пойму, а закапываться в дебри не хотелось тем более.

В итоге храм уничтожил мешающие мне электронные замки, дублирующую механику легко сковырнул Нидар. После осмотра «сундуков с сокровищами» мы стали счастливыми обладателями нескольких басок и кипы документов — печатный текст до сих пор не умер благодаря своей простоте и надёжности. Копаться во всём этом я не спешила, только складывала отдельно.

^Баски — производное от БАС, «биоэлектронная автономная система». Общее название большого класса портативных устройств с ограниченной функциональностью: защищенные хранилища информации, контроллеры, записывающие устройства, приемопередатчики ближнего радиуса действия. «Басками» чаще всего называется первый тип устройств, поскольку носители информации, в отличие от прочих разновидностей БАС, широко распространены среди гражданского населения. ^

Не знаю, что именно я хотела найти, наверное, просто из любопытства совала нос во все щели. И небольшую лаковую шкатулку — кажется, натуральную, деревянную, — тоже открыла безо всякой задней мысли. Но когда над ней воспарила голограмма гранёной четырёхконечной звезды и зазвучала медленная старинная мелодия, я выругалась. Подумала и выругалась ещё раз.

— Что случилось? — через плечо заглянул Нидар. — Красиво, — одобрил через несколько секунд.

— Да уж. Как гласит народная мудрость, красота — страшная сила. И чем дальше, тем страшнее... Куда ж мы вляпались-то, а? — пробормотала тоскливо.

— Почему тебя так взволновала эта... картинка? — озадачился рыжий и ободряюще сжал моё плечо.

Закрыв добычу и поставив на столик с такой аккуратностью, словно она могла взорваться, развернулась к мужчине лицом. Обняла, крепко прижавшись на пару секунд, просто чтобы успокоиться, потом слегка отстранилась и принялась за пояснения.

— Это знак и гимн РАО, республиканской армии освобождения. Это... как бы их цензурно назвать? В общем, сами себя они величают движением сопротивления, борцами за справедливость и реставраторами республики. По факту... Да плюк их знает, честно говоря, я в политике не

разбираюсь. Но отец постоянно их ругает, когда заходит речь, а его мнению в вопросе я доверяю.

— И что в этом страшного? — продолжил недоумевать харр.

— Если шкатулка эта валялась у Майкла не просто так, а по идеологическим соображениям, в чём я почти уверена... Это политическое дело. Всё, что связано с РАО, это политика, а значит, всё очень грязно и очень сложно, — вздохнула сокрушённо. — И нам точно надо поскорее позвать спецов из ИСБ, хотя я и не представляю, как с ними объясняться.

— Всё-таки урши очень любят усложнять себе жизнь, — рассеянно качнул головой Нир.

— Вот тут я даже спорить не буду! Потому что да, любят, и усложнение её до такой степени меня тоже всегда раздражало. Пойдём всё-таки поищем связанное оборудование. Может, храм подскажет что-то полезное, если он всё это время более-менее следил за происходящим.

Мне повезло, в одной из палаток по подсказке искина мы действительно нашли портативный ретранслятор. С запуском его я разобралась быстро, на нём для таких бестолковых имелась подробная инструкция. Исправный, настроенный, достаточно мощный, чтобы добить до городской сети Индры-1, и подключённый к ней. Интересно, как хозяева умудрились всё это реализовать, не привлекая внимания?

Стоило активировать шимку, как меня завалило кучей непрочитанных сообщений. Не считая спама и полезных информационных рассылок, были послания от сокурсников и других шапочных сетевых знакомых, которые я проигнорировала. Ну и, конечно, уйма всего от родителей и сестёр.

Только разобраться со всеми этим я не успела, прервал входящий вызов. От отца. Да он точно чуял...

С одной стороны, это здорово, что информацию у нас научились передавать почти мгновенно на любые расстояния. Но с другой — такая скорость иногда... всё осложняет.

Чувствуя робость, я села на какой-то ящик, для поддержки вцепилась в ладонь Нидара, который опустился передо мной на корточки. Быстро настроила отображение, заменив своё новое лицо образом старого, привычного, и ответила на вызов.

— Привет, па!

Несмотря на все опасения, прозвучало даже радостней, чем я ожидала. Видеть отца — невозмутимого, по уставу тщательно выбритого, с его обычным лёгким насмешливым прищуром, — было приятно почти до слёз. Как хорошо всё-таки, что он есть и что он вот такой...

И как хорошо, что дома всё хорошо. Потому что отец спокоен, расслаблен и выглядит как всегда. Одет не в футболку, а в повседневную форму — значит, сейчас на службе. И без головного убора, так что можно привычно поумиляться на любимые кудряшки. Светло-русые волосы отца вьются мелким бесом, за что он их терпеть не может и всегда стрижёт очень коротко, но те не сдаются и даже в таком виде продолжают курчавиться. Много бы я отдала, чтобы посмотреть на обросшего кудрявого папу! А так — только на детских снимках, потому что войну с причёской он ведёт лет с десяти, с кадетского корпуса. Хотя так и не собрался решить эту проблему радикально — наверное, привык.

— До тебя не достучишься, — проворчал Иванов-старший. — Привет. Тебя достали домашние и ты специально такой дикий курорт выбрала? — предположил со смешком.

— Ну да, в некотором роде, — нервно хмыкнула в ответ. Хорошо хоть родной язык не забыла! Правда, выговаривать слова с харрскими зубами и гортанью оказалось сложно.

— Тата, а что у тебя с голосом? — закономерно удивился родитель. — Ты простудилась, что ли?

— Я... Пап... В общем, не знаю, как сказать. Ты, главное, не волнуйся, я жива, здорова и в безопасности!

— Ты серьёзно думала меня таким успокоить? — голос зазвучал ровнее и твёрже. — Так, мичманёнок, отставить болтологию. Докладывай по существу!

— А по существу... Короче, вот, — вздохнула я и подключила передачу изображения.

— Тата? — отец недоверчиво вскинул брови, обвёл взглядом моё лицо. Нахмурился, а голос еще похолодел. — Это не смешно.

— Не то слово! — согласилась, чувствуя, что уши виновато прижались к голове, а сама голова норовит втянуться в плечи. — Я сама в шоке. До сих пор поверить не могу.

— Поверить во что?

— Что у меня уши, усы и хвост, — честно призналась ему.

— Минута пошла, — ровно проговорил он. Холодно, отрывисто — верный признак злости. Не лично на меня, понятное дело, на обстоятельства. Но с ним таким лучше не пререкаться.

И я принялась торопливо, но стараясь не вдаваться в лишние подробности, пересказывать, что и как получилось. Про Нидара и наши с ним особые отношения тоже решила пока не упоминать, отцу и без того достаточно новостей.

Выражение лица родителя с каждым словом становилось всё более сложным. А когда дошло до последнего открытия, что я с большой вероятностью умудрилась наткнуться на какого-то агента РАО не из последних, отец прикрыл глаза и начал массировать переносицу. В конце концов я иссякла и насторожённо замолчала, не уложившись, конечно, в минуту. Несколько секунд повисела тишина.

— Плус мне в нос! — наконец вздохнул отец, опять сфокусировал на мне взгляд.

Плус — противоположный управляемый снаряд

Самое грубое ругательство, которое он позволяет себе при нас. Я долгое время всерьёз верила, что папа такой интеллигентный всегда, пока Нинка не поделилась по секрету, как тот порой чихвостит подчинённых. Сама она тоже не слышала, но кое с кем из этих пострадавших была знакома.

— Тамара, объясни мне одно: почему ты раньше не рассказала? — продолжил папа.

— Не хотела беспокоить, — призналась, отводя глаза. — Я же не думала, что всё вот так закончится...

— То есть то обстоятельство, что моя дочь медленно сходит с ума, это недостаточный повод для беспокойства? — едко спросил отец. — Ладно. Ты там в этом могильнике сейчас?

— Это не могильник, — возразила я.

— Пока, — мрачно поправили меня. — Сиди там, проветривай трюмы. Есть у меня один хороший знакомый в ИСБ, может, чего присоветует.

— Пап, ты не обижайся, но я всё-таки спрошу... Ты помнишь, что всё это — собственность аборигенов Индры? И это... нашим генетикам я не настолько доверяю, чтобы позволить эксперименты над собой! Лучше с хвостом похожу.

— Отставить нытьё! — отец недовольно поморщился. — Если бы я хотел сдать тебя на опыты и поработить планету ради древних технологий, я бы не искал для этого хороших знакомых.

— Сам бы прилетел? — предположила я с иронией.

— Вроде того. С матерью сама объясняться будешь, — сменил тему Иванов-старший.

Лучше бы про безопасников продолжал...

— Прямо сейчас?

Кажется, в кои-то веки получилось достаточно жалобно и проникновенно, потому что взгляд отца смягчился и потеплел, губы тронула лёгкая улыбка. Он так-то вообще очень добрый и терпеливый, если напомнить, что ты девочка и тебя надо беречь. Жалобный взгляд, полный непролитых слёз, действует на него безотказно и почти полностью лишает воли к сопротивлению. Мы именно поэтому стараемся особенно не наглеть и нечасто прибегаем к этому средству: неловко пользоваться слабостями родного отца, особенно если эта слабость — его искренняя любовь к тебе. Но иногда всё равно пользуемся. И мы, и мама. Только Нинка на моей памяти ни разу такого не делала, слишком она строгая и принципиальная для этого.

— Ладно. Шимку отключи, я скажу, что ты выходила на связь, всё в порядке. Потом придумаем, как маме всё объяснять. Завтра в это же время включишь опять, уже что-то прояснится. Эти, местные, которые там с тобой. Им доверять можно?

— Да, более чем! Это местная полиция, — поспешила заверить я.

— Хорошо. Отбой.

Ну да, он не любит подолгу что-то обсуждать и заикливаться на деталях, тем более когда решение уже принято. В таких ситуациях, как сейчас, я искренне завидую этому его умению.

Повисла тишина. Я несколько секунд смотрела прямо перед собой, сквозь сидящего на корточках Нидара, потом глубоко вздохнула.

— Что-то не так? — напряжённо спросил харр.

— Не знаю, — пробурчала в ответ. Поднялась, потянула его за собой только с одной целью: чтобы обнять и частично спрятаться под его жилетку. — Папа обещал найти выход, но... я же ему не всё рассказала.

— Про пирамиды? — озадачился мужчина.

— Про тебя, — призналась честно. — Про меня... Про нас. Потому что не представляю, что сказать, как сказать. Я и сама толком не знаю, что делать... Нир, почему всё так сложно?

— Всё просто, — спокойно возразил он, ласково почёсывая меня за ухом. Было приятно настолько, что я блаженно прижмурилась, несмотря на общий низкий градус настроения. — Ты останешься на Харре, будешь исследовать эти пирамиды, выбирать, о чём можно безболезненно сообщить урши. Здесь. Я буду о тебе заботиться. И с твоим отцом, если хочешь, я поговорю сам.

— Ты... непрошибаем, — вздохнула в ответ на этот стройный план. — А я даже обидеться на тебя не могу!

— Зачем? — с искренним недоумением уточнил рыжий.

— Действительно, зачем? — переспросила риторически, глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Потому что ругать некого, нет в этой ситуации виноватых. Просто так получилось. А Нир...

Всё-таки завидую я его спокойствию. Мне кажется, если бы этот храм, наоборот, превратил его в человека, он бы всё равно оставался таким же серьёзным и невозмутимым, учился жить в новых обстоятельствах. И как жаль, что я этого не могу.

Впрочем, никто же не мешает попытаться?

— Нет, с папой я поговорю сама, — твёрдо заявила наконец и выпрямилась. — Но будет здорово, если ты окажешь моральную поддержку. Постоишь рядом, поддержишь за руку. Папа хороший, понимающий, но... он всё-таки папа. И я даже представить боюсь, чем может закончиться ваша беседа с глазу на глаз. То есть ты замечательный, он тоже разумный, но с учётом обстоятельств... лучше не рисковать. Ай, во Тьму! Не хочу обо всём этом думать, вообще думать не хочу! Поцелуй меня, а?

Нидар чуть заметно улыбнулся — мне показалось, с сочувствием — и склонился к моим губам. И через десяток секунд все сложности... Нет, не решились, но заметно потускнели и отодвинулись на второй план.

Да, проблемы есть. Да, жизнь моя резко изменилась. Но ведь не во всём — к худшему! И мне совсем не обязательно переживать это в одиночестве, есть на кого опереться. Есть тот, кто готов поддержать, помочь, защитить. И проявляет удивительное, редкое понимание, не пытаюсь переделать меня ещё больше.

Надо просто немного привыкнуть. Постараться не думать о плохом и не гадать, что было бы, если...

А не думать, когда вот так целуют, проще всего.

Нир сел на ящик, я с удовольствием устроилась верхом на его коленях, и на какое-то время мы потерялись для мира, увлечённые поцелуем и друг другом. Хотелось даже увлечься совсем, наплевав на возможных свидетелей в лице прочих харров, которые точно были где-то неподалёку, и сделав вид, что мы одни в целом мире. Очень хотелось, потому что, ощутив ладони мужчины на своей коже, вцепившись в его плечи, я вдруг поняла, что успела за всеми этими переживаниями соскучиться.

И, что особенно приятно, не было в этом стремлении ничего постороннего и чрезмерного, какое лишало воли в прошлый раз. Потому что харр всё же сумел ограничиться поцелуем, не заходя дальше, а я — не стала настаивать.

Но всё равно потом мужчина несколько минут крепко и молча сжимал меня в объятьях, кажется просто не имея сил или желания шевелиться.

— Нир, а твоим товарищам обязательно тут находиться? — нарушила я уютное молчание.

— Сейчас уже вряд ли. А что? Они тебе не нравятся?

— Ну тот, который Озри, вроде неплохой. А тот, который Крэт, по — моему, не нравится тебе, разве

нет?

— Он хороший шрет, — уклончиво отозвался рыжий.

— Но?

— Но он хороший шрет, — повторил мужчина с улыбкой. — Наши разногласия мелки и не имеют значения.

— Я окончательно заинтригована. Что вы с ним не поделили? И когда? Неужели женщину?

— Мара, не нужно...

— Конечно, женщину, — хохотнул Крэт, входя. Нир недовольно нахмурился, а его ладони крепче сжали мою талию.

Поза у нас, конечно, была неприличной и совсем не располагающей к светской болтовне, но шевелиться мне по-прежнему не хотелось. Ограничилась тем, что повернула голову к вошедшему, благо мы сидели к нему боком.

В конце концов, подслушивать тоже нехорошо, при входе нужно стучаться и вообще неприлично лезть в чужие личные разговоры.

— И кто у кого кого отбил? — заинтересовалась я.

— А ты как думаешь? — самодовольно ухмыльнулся здоровяк.

— Ну умная бы выбрала Нира. Как я, — ответила безмятежно.

Крэт почему-то радостно расхохотался, а Нидар тяжело вздохнул.

— Не слушай его. У нас не было никакого соперничества, просто...

— Просто моя младшая сестрица была от него без ума, а этот гордый мститель хвост при себе держал. Ну эта дурёха мне наплела глупостей всяких, мы с ним и подрались, — здоровяк кивнул на рыжего. — Потом-то разобрались, конечно, но отношения всё равно испортились.

Нир неодобрительно поморщился — кажется, он вообще не желал обсуждать эту тему. Я утешающе поцеловала его в уголок губ и в кончик носа и заставила-таки себя подняться, всё равно момент испорчен.

— Так чем мы тебе помешали, красавица? — любопытствовал Крэт. Он не спешил покидать палатку, замер возле входа, скрестив руки на груди.

— Вот этим, — я выразительно обвела его взглядом. Нир остановился позади меня, чуть сбоку, приобнял одной рукой — я так и не поняла, не то опекая, не то намереваясь сдерживать от опрометчивых поступков.

— Чем — этим?

— Вашим слухом и бесцеремонностью, — призналась прямо. — Если я хочу побыть наедине с Ниром, то «наедине» подразумевает отсутствие греющих уши вас. И мне не хочется задумываться, достаточно ли тихо я с ним целуюсь и...

— Он понял, — мягко прервал меня Нир.

— Надеюсь, — проворчала я недовольно, но продолжать не стала, даже мысленно поблагодарила рыжего, что не дал наговорить лишнего. — Ну так что? Вы так и будете тут сидеть? Может, нам тогда внутрь перебраться? — обратилась уже к Нидару, когда Крэт в ответ на вопрос лишь неопределённо развёл руками.

— Погоди. Давай осмотримся до конца, соберёмся вместе и подумаем.

На том и порешили. Впрочем, ничего больше интересного мы не нашли: жилые палатки, полевая кухня, продовольствие. Или нашли, но не поняли, что это именно оно, потому что нам попались, помимо прочего, какие-то незнакомые приборы и старинного музейного вида, и вполне современные, с которыми храм тоже не сумел помочь.

Трое шретов и Эрра всё это время оставались в лагере, компанию в дальнейшем обыске нам составили здоровяк и Озри. Похоже, утром они мотались куда-то телепортом, и вход с выходом располагались ближе к нам, чем к их коллегам.

А после этого мы устроились обедать и держать совет.

— Мы рассказали о тебе, — взял слово Озри. — Старшие хотят взглянуть.

— Старшие? — заинтересовалась я.

— Они принимают решения, — пояснил Нидар. — Те, кто полностью постиг космическую мудрость и может отвечать за остальных.

— А, то есть какое-то правительство у вас всё-таки есть! С нашими договаривался кто-то из них, да? Я не помню, как его звали.

— Да, — не стал вдаваться в подробности старший шрет. — После еды пойдём к ним.

— Стоп! — я опустила ложку, не донеся до рта. — Куда пойдём?

— Старшие собираются на совет в особом месте, надёжно спрятанном от посторонних глаз, — пояснил Озри.

— Не-не-не, без меня! — я решительно тряхнула головой.

— Почему? — растерялся даже рыжий.

— Потому что я оттуда, скорее всего, не вернусь. А то я не понимаю, что с вашей таинственностью проще всего меня прикончить и сделать вид, что ничего не было! Нет, Нир, не принимай на свой счёт, я совершенно уверена, что лично ты никогда ничего подобного не совершишь, — поспешила заверить я мужчину, который мрачно нахмурился. — Но во имя всеобщего блага они могут просто плюнуть на твоё мнение.

— Мара, они никогда такого не сделают!

— Я тебе верю, — спокойно кивнула рыжему. — А им — нет. Тут мне как-то спокойней, тут меня комплекс, если что, защитит. А если вдруг ваши старшие решат прикопать меня в своём особом месте, то родным даже похоронить нечего будет. И я, прости, совсем не верю, что твоё мнение и желание меня защитить их остановят. Закончится всё тем, что от тебя тоже избавятся, чтобы не шумел.

— Мара, старшие мудры и благородны, — попытался уговорить Нир.

— Может быть. Только, помнится, ты и сам пару дней назад не стал звать на помощь и готов был рискнуть жизнью, лишь бы не открыть тайну урши. Разве нет?

На это Нидару возразить оказалось нечего, он раздосадованно и виновато прижал уши. Только ругаться с ним хотелось меньше всего, поэтому я, смягчая резкость сказанного, ласково потёрлась щекой о его плечо, легко поцеловала туда же — просто потому, что до губ тянуться далеко. Кажется, помогло, потому что взгляд мужчины потеплел.

Нет, всё же до чего он похож на отца, а! Даже слабости у них одинаковые...

— В общем, пока не прилетит папа с какими-нибудь полезными, способными решать сложные проблемы людьми, я лучше посижу здесь. Провианта тут на пару месяцев, и это по самым скромным прикидкам, комплекс способен постоять не только за себя, но и за меня. Так что если хотят посмотреть — милости просим. В конце концов, это именно ваше наследие.

— Ты что, думаешь, старшие ради тебя сюда потащатся? — возмутился Виршек.

— Ну это же им я нужна, а не наоборот, — пожала плечами.

— Ради неё, может, и нет, но вот ради него — и впрямь подумают, — хмурый Нидар качнул головой в сторону храма.

Озри смерил меня мрачным взглядом, но кивнул и уронил коротко:

— Я услышал.

А я, отставив в сторону свою миску, подвинулась еще ближе к Ниру, поднырнула под его локоть, прижалась к боку. Высказываться при такой куче посторонних не хотелось, но не отблагодарить за поддержку, не показать, как много это для меня значит, не могла. Он ведь имел моральное право поспорить, в конце концов это его мир, его начальство и его товарищи. Но — нет ведь, вошёл в моё положение, нашёл нужным поддержать, даже не соглашаясь внутри с моими аргументами...

Кажется, понял он мой порыв правильно, ободряюще улыбнулся уголками губ, крепко обнял одной

рукой, а второй — опять почесал между ушами.

— Зря ты их так боишься, — неодобрительно, но без того недовольства, которое демонстрировали мужчины, проговорила Эрра. — Бетро бы не дал тебя в обиду.

— А он что, тоже из этих? — озадачилась я.

— Могла бы догадаться, — улыбнулась харра.

— Нет, — через долгую пару секунд сомнений я качнула головой и уточнила: — Я не про догадки. Бетро очень хороший, и я ему доверяю, но он там будет не один. Не говоря уже о том, что для любого из вас выбор между моей жизнью и благом планеты точно окажется не в мою пользу, и для Бетро, при всём моём уважении, тоже. Это не претензия, я всё понимаю, это ваш мир и ваша жизнь, и любой... урши на вашем месте рассуждал бы так же. Но я хочу жить и так сильно рисковать не согласна.

— Почему ты думаешь, что эти вещи противопоставлены? Твоя жизнь и благо Харра, — поддержал её Озри. — Мы же не урши.

— Вот именно, не урши, и я понятия не имею, чего от вас ждать. Поэтому лучше дождусь в безопасном месте, что скажет папа, а самое безопасное место Индры для меня — здесь. Заодно, пока вы будете думать и договариваться, выясню, наконец, что случилось с моими друзьями. Мне кажется, я уже достаточно оклемалась, чтобы дальше перегружать себе мозги. И узнаю, вдруг в храме есть какие-нибудь полезные средства для ведения допроса, тогда можно было бы и с этими пленниками разобраться, — постаралась я увести разговор от прежней темы.

И хотя идею не поддержали, но больше никто не пытался меня уговаривать. Озри оставил четверых шретов здесь, а сам пошёл объясняться с начальством. Я же решила не тратить время зря и отправиться в храм за разъяснениями.

Замешкалась только, раздумывая, брать с собой Нира или нет, но потом плюнула на эти глупости и просто спросила, чего он хочет. Рыжий изъявил желание составить компанию, и скорее не я сама туда ринулась, а именно он потянул меня к каменной громаде. При этом переплетением хвостов мужчина не ограничился, взял ещё и за руку. Остальные харры проводили нас неодобрением, но возражать не стали.

— Спасибо тебе большое, — заговорила я, когда мы достаточно отошли от лагеря. — И извини за вот это всё. Я понимаю, что тебе неприятно идти против своих, и...

— Я никуда не иду, — с лёгкой улыбкой оборвал Нидар. — Старшие мудры, они не станут с тобой воевать. Но я понимаю твой страх и не хочу пугать ещё больше. И ты не делаешь ничего плохого, они поймут твои чувства. Тем более старшим правда стоит на это взглянуть.

— А они не глядели?

— Нет, не было нужды. Странно. Ему столько лет, и за это время с харрами здесь не случилось ничего особенного. А появилась ты — и такие перемены...

— Ничего странного, — вздохнула я. — Этот центр очень ограничен в возможностях. Он не может поймать первого попавшегося харра и заставить его собой управлять, он смиренно ждёт возвращения тех, кто его оставил. Но за эти годы не появился никто, желавший бы с ним познакомиться и способный разбудить от спячки. Вам просто не приходило в голову, что это можно сделать, да и нам раньше тоже. На вид это просто груды камней.

— А тебе пришло?

— А я попала под действие отработанной программы, — пояснила терпеливо. — Преобразовать и наделить первичными знаниями, включая базовые навыки обращения с техникой, чтобы модифицированный организм не убили. А поскольку степень допуска к информации у комплекса определяется не должностью, а набором морально-этических и интеллектуальных качеств, меня приняли как родную. То есть как персонал, а не случайного посетителя. Хочешь, я покажу тебе, как с ним общаться?

— Хочу, — задумчиво кивнул Нидар, почему-то хмурясь.

— Что-то случилось? — насторожилась я.

— Нет.

— Нир?.. — я ещё больше встревожилась.

— Ты так странно говоришь, — он чуть рассеянно качнул головой. — Я не всё понимаю. Это наш

язык, не язык урши, но я не знаю многих слов. Когда ты просто говоришь — это почти незаметно, но когда начинаешь что-то такое объяснять, очень сложно понять общий смысл.

— Извини, — смутилась я. — Я постараюсь...

— Нет, не в этом дело, и прекрати уже извиняться, — отмахнулся рыжий. — В другом. *Космическая мудрость* — основа всего, *знания* — неизбежное зло, которое помогает выживать. Так у нас принято считать, и я думал, что это правильно. Но сейчас оказалось, что тайные тропы — это не явление природы, их сделали наши далёкие предки, и сделали с помощью своих знаний. И это место тоже. И я понимаю, почему урши считают нас дикарями. Это ведь правда... странно. Как можно одновременно пользоваться тем, что дают знания, и считать их злом?

— Это нормально, — со смешком ответила я. — У нас до сих пор попадают люди, которые считают, что планета плоская. Хотя, казалось бы, космос осваиваем полным ходом, того гляди уже до соседних галактик доберёмся.

— Я понимаю. И я не хочу быть таким, как эти... с плоской планетой, — качнул головой харр. — Я хочу *знать*.

Уточнять, что именно, я не стала. Понятно же, речь не о чём-то конкретном, а... без малого о ломке мировоззрения, что ли? Правда, так и не придумала, как можно морально поддержать рыжего, только крепче сжала его широкую ладонь.

— Ну, у тебя будет такая возможность, — бодро проговорила через несколько шагов. — Мне кажется, в памяти этого центра очень много всего и он с радостью поделится накопленным. Он не обладает собственной личностью в полном смысле слова, но всё равно есть ощущение, что за эти века изоляции он здорово соскучился. Но мне вообще кажется, что брошенные вещи, которые не выполняют своего предназначения, страдают от этого. Может, я и археологией увлеклась поэтому. Из жалости к забытым вещам.

За этим разговором мы дошли до командного центра, той комнаты с наклонными плитами. Теперь я знала, что здесь для чего служит. Правда, пока не успела выяснить, что видела в том последнем сне, что это были за треугольники и чего так испугался белогривый, но мысли об этом пока старательно от себя гнала. Успеется.

— Ну что, готов прикоснуться к древним технологиям? — бодро спросила я, когда мы подошли к одной из плит, и взяла руку Нира за запястье. — Если что — не волнуйся, я рядом. И эта штука точно тебя не обидит, ты для неё свой.

Но Нир вдруг сжал руку в кулак, не позволил приблизить её к камню, а второй — обнял меня за талию, привлёк к себе ближе. Взгляд при этом был... нечитаемым, сложным.

— Мара, ты... ты ведь не хочешь оставаться здесь, да? Вынуждена из-за изменений, но не хочешь. Ты хочешь туда, к привычной жизни. Мы ведь для тебя дикари. И я тоже.

Пока харр говорил, я озадаченно хмурилась, не понимая, к чему он клонит. И только на последней фразе неожиданно осознала, что он...

Неужели непрошибаемая уверенность Нидара дала сбой?

— Это, безусловно, так, — медленно заговорила я и по тому, как нахмурились на этих словах рыжие брови, со смесью сочувствия и облегчения поняла, что угадала. Волнуется. Бойтся потерять. — Но ты одну вещь забываешь. Если бы не ты, у меня бы даже мысли не возникло задержаться здесь дольше, чем это нужно для прибытия ИСБ.

— А сейчас? Возникла? — напряжённо, недоверчиво...

Вин! Да с чего я вообще взяла, что он непрошибаемый? Просто умеет держать себя в руках. А так... ему-то тоже непросто!

Эта нехорошая и очень эгоистичная мысль согрела. Чужое совершенство всё-таки очень трудно переносить спокойно.

— Тьма побери! Нир... — выдохнула и уткнулась лбом в его плечо. — Ну куда я без тебя? Как?.. Мне до одури страшно, я ужасно запуталась во всё происходящем и понятия не имею, что делать дальше. Только, знаешь... Я в глубине души тоже счастлива, что эта мутация случилась и что она необратима. Да, у меня теперь усы, лапы, хвост, и уши ещё эти. Но зато появился весомый повод остаться. И, по-моему, куда страшнее думать, как бы я выбирала, если бы всего этого не произошло. А дикари... Ну что дикари? Ну да, кое-каких вещей ты не знаешь, и с храмом этим мне оказалось гораздо легче договориться, чем кому-то из вас. И многих полезных вещей у вас нет. Но какое отношение всё это имеет к чувствам? Зато ты надёжный, заботливый, добрый и ласковый. А еще

большой, сильный, красивый... И, главное, мне с тобой очень, очень хорошо. И вернуться я бы, конечно, хотела, но — не без тебя...

Этот сбивчивый монолог Нидар слушал молча и неподвижно. А когда я выдохлась и иссякла, крепко обнял обеими руками, притиснул к себе, прижался щекой к моей макушке и прошептал прямо в торчащее ухо, которое непроизвольно дёрнулось от пощекотавшего дыхания:

— Люблю тебя, моя маленькая урши, моя арриши. И теперь уже точно никуда не отпущу.

— Не отпускай, — отозвалась я почти умиротворённо. От высказанных вслух ощущений, которые я не могла сформулировать даже наедине с собой, стало легче.

Мы постояли так с минуту, не меньше, наслаждаясь моментом и близостью. Потом я напомнила себе, где мы находимся, немного отстранилась и спросила:

— Ну что, поехали?

— Куда? — рыжие брови удивлённо выгнулись.

— Никуда. Имею в виду, начнём? Это выражение такое.

— Поехали, — чуть улыбнулся Нир. Позволил мне опять взять себя за запястье, положить ладонь на камень и прижать. Вторую руку харр, однако, не разжал и из объятий меня не выпустил.

— Закрой глаза и расслабься. Главное, помни, что это не опасно, а управляется она просто: мысленно.

Кажется, волновалась я сильнее самого Нидара. Всё же тут его смелость и решительность играли небольшую роль, тут другие принципы и другие действия, мало ли что учудит от неожиданности! Я бы на его месте, наверное, учудила.

Собственно, именно из таких опасений я и притащила его сейчас сюда. С того момента, как искин комплекса перешёл в активный режим, связаться с ним можно было из любой точки внутри пирамиды, и конкретное место роли не играло. Можно было и за её пределами, но там искину сложнее взаимодействовать с чужим мозгом и не получалось загружать достаточные объёмы информации.

В общем, я решила хоть немного подготовить мужчину морально, но недооценила харра. Запоздало вспомнила, что он же сам упоминал о собственном общении с этим комплексом, наверное, не так уж его это пугало!

Впрочем, моё присутствие оказалось кстати. Искин наотрез отказался признавать мужчину даже младшим персоналом, но после уговоров милостиво согласился причислить к «вольным слушателям» — ученикам, которые в древности приходили сюда за знаниями. Я понятия не имела, чему и как нужно учить Нира, но искин не задавал вопросов, да и сам харр сохранял невозмутимость. Оставалось надеяться, что древняя автоматика не промахнётся, но здесь меня успокаивало правило о невмешательстве в психику. Так что после сеанса это в любом случае останется мой Нир.

Придя к выводу, что контакту рыжего с храмом моё посредничество не нужно, я первым делом провела пленных. Те находились где-то в недрах пирамиды в состоянии, близком к анабиозу, и прекрасно себя чувствовали, совершенно не осознавая происходящее. Однако больше ничем храм помочь не мог: подходящих для допроса или прямого сканирования памяти средств здесь предсказуемо не нашлось. Работало всё то же правило о невмешательстве в психику.

А потом я перестала оттягивать трудный момент и всё же погрузилась в чужие воспоминания. Опять видеть — больно и страшно, но — необходимо. Я наконец должна разобраться, должна понять, почему? За что они умерли? Даже если ответ мне совсем не понравится.

Искин... спит. Последняя команда, отданная уходящими хозяевами: консервация и сохранение. Энергии более чем достаточно, системы изолированы от общего потока, периферийные самовосстанавливаются — процесс потенциально не ограничен во времени. Как-то так выглядит вечность.

Автоматика равнодушна к тем, кто приходит: она не получает знакомых команд. Харры, нет ли, какая разница, если никто из них не интересуется накопленными знаниями и заложенными возможностями? Нет угрозы, нет команд — нет ответной реакции.

Сигнал из семнадцатой репродукционной лаборатории, запрос на модификацию женской особи. Приоритет задачи — наивысший, разрешение выдано без обработки данных и пробуждения основных систем.

Сбой. Ошибка фиксации объекта, ошибка автоматической настройки — отсутствует карта настройки. Причина: отсутствие оператора с достаточным уровнем допуска, стандартная программа не имеет разветвлённого алгоритма решения. Требуется подключение дополнительных ресурсов.

Пробуждение. В штатном режиме, постепенно, с проверкой всех систем. Даже очень совершенная автоматика не срабатывает мгновенно, тем более когда в этом отсутствует необходимость: ситуация не является критической.

Демонстрационный зал. Самое большое помещение в недрах комплекса. Здесь проводятся натурные эксперименты и редкие общие собрания. Сейчас тут группа разумных. Уровень интеллекта — высокий. Модифицируемая женская особь движется к ним.

Сигнал с контрольного пункта демонстрационного зала на повтор эксперимента. Уровень важности сигнала незначительный, проверка допуска не требуется. Команда на повтор. Направление эксперимента: «Механизм возникновения вирусных цивилизаций». Тема эксперимента: «Корреляция агрессии и личного уровня интеллекта».

Нештатная ситуация: угроза жизни отобранной женской особи. Сравнение приоритетов задач, выработка решения. Направление «репродукция» — высший приоритет, решение — обеспечение безопасности особи, устранение угрозы без ограничений методов. Проверка допуска организатора эксперимента, уровень допуска — неопределённый. Эмоциональное состояние организатора эксперимента неудовлетворительное.

Команда о прекращении эксперимента. Команда о перемещении объекта модификации в реанимационный блок для устранения последствий воздействия.

Психическое состояние объекта — неудовлетворительное, продолжение модификации невозможно. Сбой: программа автоматического восстановления отсутствует, персонал соответствующей компетенции отсутствует. Экстренная ситуация, приостановка процесса модификации до восстановления показателей.

Попытка сторонней транспортировки женской особи. Уровень опасности — низкий. Разрешить...

«Эмоциональное состояние оператора: неудовлетворительное. Прекратить контакт», — с этой мыслью искин просто вышвырнул меня в реальность. Но я была даже благодарна за это, информацию следовало осмыслить. И пережить.

Очнувшись, я обнаружила нас с Ниром всё в той же комнате, только теперь здесь появилась пара кресел. По виду — каменный монолит, но сидеть неожиданно удобно. Пока мы витали в виртуальном мире, автоматика позаботилась о телах и аккуратно их усадила, не беспокоя разум.

Некоторое время я сидела неподвижно, тупо пялясь прямо перед собой. В голове было пусто и звонко, в сердце — колко, в душе — тошно. И я не представляла, что делать с новыми знаниями.

— Мара? — окликнул меня озадаченный голос Нидара. Я дёрнулась, с трудом сфокусировала взгляд на харре. — Что с тобой? — Он поднялся с места, приблизился и опустил на корточки, поймал мои ладони. — Мара?..

— В их смерти виновата я, — прозвучало сухо, надтреснуто. — Понимаешь? Я! Если бы я не сунулась в ту комнату одна, не умудрилась упасть и ссадить локоть об камень, не присела на этот проклятый алтарь, чтобы залепить царапину, и не ушла потом, автоматика бы просто не проснулась! И когда этот бедный охранник на галерее шупал непонятный камень, система не восприняла бы это как команду! И они бы... — голос окончательно сел.

Нир подался вперёд, пересел в моё кресло, потеснив меня, а потом и вовсе перетащил к себе на колени. Я прижалась к широкой груди, закусив губу и чувствуя мучительную резь в горле от слёз, которые, казалось, давно уже пролились.

— Винить себя можно за то, что сделал намеренно. Или мог изменить, но не изменил. Или мог сделать, но — не сделал. А ты не могла знать. И я не мог. Не плачь.

Только я, конечно, не послушалась, и мы долго еще вот так сидели. Почти неподвижно, только Нир мягко гладил меня по голове и почёсывал за ушами, успокаивая.

Через какое-то время слёзы всё-таки иссякли и стало легче. Не в голове, разум продолжал нервно и суетно перебирать варианты «что было бы, если...», а где-то глубоко внутри. Кажется, легче, чем было все последние годы. Всё-таки ни с чем не сравнимое ощущение — знать правду, не терзаться подозрениями и неведением.

— А ты что успел узнать? — нарушила я наконец молчание, не в силах пока обсуждать увиденное.

— Всё сложно, — медленно проговорил харр. — Но интересно. Оказывается, весь мир — живой и единый.

— Ваша планета?

— Нет, весь. Вся Вселенная. Огромный организм с единым разумом. Очень сложный, совсем не такой, как мы, но живой. Ты знала?

— Слышала такую теорию, у нас это называется единством биосферы, — ответила я. — Люди пока еще не знают точно, что и как устроено, поэтому только предполагают. Помню, была забавная деталь в поддержку этой теории. О том, что галактики располагаются в скоплениях, которые связаны между собой словно бы ниточками из других галактик. Похоже на какую-то нейросеть. А твои предки были уверены?

— Они знали точно, — после короткой паузы ответил Нир. — Они общались между собой в разных мирах через него, через разум Вселенной. Я не понял как, это слишком сложно. Но именно он даёт нам мудрость, даёт знать, как правильно. Поэтому найвин действительно выше шайян. Но древние харры научились понимать Вселенную благодаря шайян, изменили себя. Кажется, допустили ошибку, и именно поэтому начались сложности с рождением детей. Но благодаря тем изменениям мы умеем разговаривать друг с другом на Харре. Только до других миров дотягиваться самостоятельно невозможно, приходилось использовать какие-то приборы. Пирамида была одним из таких, но сейчас она не может связаться с другими. Наверное, их больше нет.

— Видимо, так она и до меня достучалась, через биосферу, — предположила я рассеянно. — Когда психика достаточно восстановилась для продолжения изменений. Наверное. Ничего удивительного тогда, что наши специалисты не смогли отследить! А ты не узнал, что с ними случилось? Почему харры остались только здесь?

— Что-то случилось, — Нидар неопределённо пожал плечами. — Миры были объединены тесно, не только для разговоров. Все, кроме Харра. Это родина, *заповедник*, её берегли. Ещё здесь решали самую важную проблему, с рождаемостью. Был эксперимент где-то в другом месте, в котором Харр не участвовал, только наблюдал со стороны. А потом пирамида потеряла связь со всеми другими мирами, и харрам пришлось выживать здесь. У них не оказалось нужных средств и аппаратов, чтобы выяснить, что произошло в остальных мирах, и построить переходы. Они не летали, как вы, в космосе, а сразу переходили с планеты на планету. Много чего не оказалось. Случившаяся трагедия очень подкосила всех, кто принимал тогда решения, и мы начали меняться. Только какая-то часть пирамиды, внешняя, я не до конца понял деление, не позволила измениться слишком сильно.

— Так вот почему у вас такой однородный язык! — сообразила я. — А мы гадали...

— Наверное, — задумчиво согласился он. — Но это не главное. Её целью было не позволить нам выродиться до вирусной цивилизации. Связь со Вселенной должна была спасти от этого, но пирамида помогала.

Эту классификацию я тоже успела узнать от искина, когда тот упомянул тему убившего экспедицию эксперимента. По версии древних харров, возникновение жизни и её развитие до разумных существ было не просто не случайностью, а основной закономерностью развития Вселенной. Почему так, они, правда, не знали, но выделяли три основных пути развития цивилизации.

Нормальный, когда с ростом интеллекта и развития знания росла ответственность, а агрессивность — падала; к этому типу харры относили себя. Вирусный, когда с развитием росла и агрессия, и в конечном итоге такие разумные начинали уже сознательно стремиться к уничтожению чего-то или кого-то; но, по версии харров, это был редкий вариант, исключительный. А самыми распространёнными являлись промежуточные цивилизации, вроде человеческой — когда и агрессия велика, и созидательное начало направлено не только на изыскание способов что-то уничтожить.

Однако больше всего древних интересовали именно вирусные цивилизации, механизмы возникновения которых они изучали в этом исследовательском центре. То есть, конечно, не только их, вообще цивилизации и пути их возникновения, развития и угасания. До осознания проблем с рождаемостью это было основное предназначение института. Да и новую общую беду харры в конечном итоге стремились свести к этим основным вселенским законам развития жизни, только не успели.

Древнюю цивилизацию стало жаль. При всём цинизме и рассудочности они были неплохими ребятами, очень высоко ценили жизнь во всех её проявлениях. Даже тот эксперимент, который убил моих друзей, никогда прежде не заканчивался серьёзными жертвами, у харров не было цели заставить подопытных поубивать друг друга. Просто так совпало: некому оказалось вовремя отменить команду.

Как некому оказалось нормально подготовиться к изменению меня, всё проконтролировать и обеспечить быстрое и безболезненное изменение. В том моём сне причудливо переплелись выверты подсознания — и части вполне реальной операции. Именно медицинской процедуры, безо всяких ритуалов и песнопений, которые звучали в моей голове сами собой, ответом на происходящие изменения.

Да, как пояснил искин, на коже делались надрезы, которые помогали правильному течению изменения — не знаю, чем именно, в такие подробности я вдаваться не стала, но это тоже было связано с биосферой. Да, тело заматывали в особую ткань, которая обеспечивала скорейшее заживление порезов.

Но жертва процедуры, виденная во сне, конечно, не умерла. И никто её не насиловал — так странно моё подсознание истолковало «прямое внедрение донорского биоматериала»: вдали храм не имел технической возможности объясниться со мной напрямую.

На Земле, когда мой разум достаточно окреп после потрясения, начала сказываться неоконченная операция, что выливалось в сны и стремление вернуться и всё исправить. А здесь... На Индре, вне собственных стен, храм мог пользоваться только готовой системой связи, а человеческий разум не приспособлен к сознательному восприятию проходящих через неё информационных потоков. Почему мы и не нашли до сих пор эти каналы. Он честно пытался снабдить меня полезной информацией, но всё это оседало в подсознании и — снова выливалось в сны.

В общем, никто ни в чём не виноват, никто не хотел плохого. Просто цепочка случайностей.

Слишком много слишком роковых случайностей, существование которых совершенно отрицали древние харры. И я не знала, во что труднее поверить: в совпадение или его отсутствие.

— Так не хочется идти в лагерь, — тихо призналась через некоторое время.

— Тебя не пугают эти стены?

— Не пугают. Но дело не в этом. Мне совсем не хочется сейчас разговаривать с твоими коллегами, и даже не столько разговаривать, сколько... всё-таки у вас очень чуткий слух, а я не хочу тщательно следить за каждым словом. Ладно тайны древних цивилизаций, но о личном при них точно не поговоришь!

— Нам всё равно нужно поесть и узнать, какое решение приняли старшие, — возразил рыжий. — Но если хочешь, можем потом вернуться.

— Хочу, — решила твёрдо.

Но вместо продолжения разговора или спешного возвращения потянулась к мужчине за поцелуем. Да, неподходящее место и время, но здесь нас хотя бы никто не увидит и не влезет со своими глупыми замечаниями и вопросами.

Сначала я искала в этом прикосновении успокоения и тепла. Но Нир ответил слишком жарко, жадно, и всё моё существо охотно откликнулось.

Больше того, я вдруг остро ощутила, насколько мне сейчас нужно именно это: его поцелуи и прикосновения, его страсть и пронзительная нежность. Отчаянно хотелось быть ближе, касаться гладкой горячей кожи, чувствовать ладонями мощь мужского тела, ласкать, отзываться на каждый вздох, ощущая себя живой, не одинокой, желанной — несмотря ни на что.

Вскоре я уже сидела верхом на бёдрах харра, с наслаждением прижимаясь обнажённой грудью к его груди и запуская пальцы в лохматую мягкую гриву. Когда и куда подевалась часть нашей одежды, меня в этот момент уже не волновало.

Последний проблеск сознания случился, когда харр справился с застёжкой моих штанов и отодвинул меня, чтобы заставить подняться и раздеться окончательно.

— Ой, Нир, а у меня же прививка, скорее всего, уже не работает, — пробормотала я виновато, не сопротивляясь, однако, его рукам. А когда снова села, сама взялась за тяжёлую пряжку мужского ремня.

— Что не работает? — голос рыжего прозвучал рассеянно, а мурлычущая хрипотца в нём отозвалась во всём теле сладкой дрожью.

Какой же у него чувственный голос, особенно вот в такие моменты... И руки. И губы. И весь он сам...

— Противозачаточная прививка, — пробормотала тихо и приподнялась, позволяя мужчине

раздеться. Правда, уже слабо сознавала, что именно говорю. Зачем разговоры в такой момент?.. — Нет, я в целом не имею ничего против детей, и вообще, но... не прямо сейчас же! То есть я хочу сказать...

Харр прервал сбивчивую речь коротким поцелуем, от которого перехватило дыхание, и проговорил с тихим смешком:

— Не волнуйся, ариши, к такому я тоже пока не готов. Есть одно надёжное средство, я его пью.

— Хорошо, — с облегчением отозвалась я. — Погоди, но зачем? Или у тебя кто-то был?.. — последнее вырвалось само собой. За проскользнувшую в голосе ревность тут же стало стыдно.

Но Нидар только рассмеялся в ответ. Поцеловал — долго, вдумчиво, глубоко и чувственно, неторопливо лаская при этом.

— У меня есть ты, моя ревнивица. Зачем мне кто-то ещё?

Действительно, зачем? Кто? Какая разница! К плюку под хвост разговоры и глупые вопросы, к плюку нелепые страхи и неуверенность!

Это всё не может быть случайным — такое притяжение и то, как точно мы ощущаем друг друга. Мои ладони скользят по его груди — и его тело отзывается слабой дрожью, а объятия становятся теснее. Его руки оглаживают мою талию и крепко обхватывают бёдра — я задыхаюсь от наслаждения, от близости, шепчу его имя.

Удовольствие острое, сладкое, пронзительное — в каждом движении, в солоноватом вкусе его кожи, в лихорадочных поцелуях и срывающемся дыхании. Наш жаркий шёпот сливается в общий выдох, и слов не разобрать. Да и какой в них смысл, если тело говорит гораздо больше?..

ГЛАВА 11. Папа

Я расслабленно лежала на груди мужчины, нежась в его объятьях. Мысли были вялыми и восхитительно простыми. Сейчас, например, они крутились вокруг этой субстанции, которая похожа на камень, но, к счастью, совсем не камень. И очень хорошо, что на ощупь она сейчас тёплая и даже мягкая, иначе был бы повод тревожиться за Нира, который на всём этом сидел. Он же ведь только кажется совершенно непробиваемым и очень суровым, а на деле — очень чуткий и ласковый.

— Я теперь хорошо понимаю твоё нежелание возвращаться и с кем-то общаться, — негромко проговорил харр, не шевелясь.

— Почему именно сейчас?

— Оказывается, я за эти дни очень соскучился по тебе. — Тяжёлая ладонь мягко скользнула по моей спине от талии вверх, пальцы слегка помассировали шею. Хорошо... — Но до сих пор даже не задумывался об этом. Сначала беспокоился о тебе, потом — о том, что решат старшие. И ты права. Неприятно думать, что кто-то может оказаться поблизости, слышать, даже просто знать... Даже если это свои. Не просто неприятно, злит.

— А раньше тебя наличие свидетелей не беспокоило? — озадачилась я ещё больше.

— Не выдавалось случая проверить, — он слегка пожал плечами. — Но, наверное, с другими было бы всё равно. А я еще удивлялся, как харры понимают, что вот именно с этой женщиной хотят связать жизнь! Тут надо удивляться, как можно этого не понять...

Я потёрлась щекой о его плечо, выражая молчаливое согласие и одобрение — не столько словам, сколько настроению и самому его существованию вот тут, рядом.

— Арриши, — тихо позвал рыжий. — Если ты всё-таки решишь вернуться домой... — он запнулся, несколько секунд помолчал, но всё же продолжил: — Если ты так решишь, могу я полететь с тобой?

— Нет, Нир, — также негромко возразила ему, не поднимая головы с широкого плеча. Руки мужчины напряглись на моих плечах, на мгновение сжали крепче, но я поспешила продолжить: — Не рещу. Прошное это прошное, нужно просто привыкнуть к настоящему.

Отвечать на это харр не стал, а я всё же выпрямилась, чтобы поцеловать его. Нежно, долго, опять стараясь через прикосновение выразить всё то, что не могла доверить словам.

После мы ещё некоторое время посидели, не желая друг друга отпускать, но потом заставили себя собраться с силами, расплести объятья и встать. Потому что действительно хотелось есть. Ну и, конечно, требовалось окончательно закрыть вопрос с местными старшими.

Надеюсь, это получится уже сегодня и решение их окажется каким-нибудь... хорошим.

Когда мы в молчании, рука об руку вернулись к лагерю, толпа у костра выросла на еще четверых харров, трёх мужчин и одну женщину — совершенно седую, но с очень молодым, чистым и гладким лицом без малейшего следа возраста. По местному обычаю поздоровались радиоимпульсами, а слово первым взял Бетро, который, к моему облегчению, нашёлся среди пришлых.

— А хорошенькая из тебя получилась харра, — с лёгкой улыбкой заметил мужчина. — Настоящая, с характером, упрямая. Всё как полагается. — Он весело покосился на сидевшую подле Эрру, но та сделала вид, что не поняла намёка.

Я тоже не поняла, но лезть с уточнениями, конечно, не стала, это явно было что-то очень личное. Зато задала вопрос, который должен был возникнуть раньше, но за всеми волнениями я просто не находила времени об этом подумать.

— Эрра, а почему ты не позвала на помощь, когда тебя поймали? Если вы можете связываться друг с другом на любых расстояниях.

Нир тем временем потянул меня чуть в сторону, усадил рядом с собой. Ужин по молчаливому согласию отложили на потом, решив сначала сделать дело.

— Не повезло, — вздохнула женщина, теснее прижавшись к Бетро, который при напоминании об этом событии мрачно нахмурился. — Меня поймали как-то уж очень ловко, кажется усыпив на расстоянии. Очнулась только здесь, в клетке, а та стояла в неподходящем месте. Совсем чуть-чуть в сторону, и удалось бы позвать на помощь. Но меня не выпускали, — она неприязненно поморщилась, наверное, вспомнив что-то особенно неприятное. — Только потом уже, когда Нир меня выпустил, сумела дозваться и вернуться. Только потом он отказывался пускать меня обратно, еле уговорила, пришлось побегом грозить!

— Его можно понять, — осторожно поддержала я недовольного Бетро.

— Так и надо было со мной идти, я предлагала, — ворчливо отозвалась Эрра, но на своего мужчину покосилась с нежностью. — Не могла же я бросить тебя одну с этими шретами!

— Спасибо, — искренне поблагодарила её. — Только ведь... Тогда неизвестно было, что со мной. А вдруг...

— Ай, и слышать такого не хочу! — оборвала она. — Нир хороший мальчик, он не заслужил такого удара! И ты хорошая. Я рада, что вы теперь вместе, и что ты с нами — тоже рада. Мы с Бетро всегда ждём вас у себя. И если помочь надо будет — говори, у тебя же никого больше знакомых тут пока нет.

— Спасибо, — повторила я, чувствуя лёгкое смущение. Забота и участие этой женщины очень трогали. Они меня и в прошлый раз впечатлили, но сейчас, при посторонних, было особенно неловко.

— Я вот что подумала. А не могли эти урши специально так ту клетку поставить? — вдруг перескочила она на прежнюю тему. — Уж очень ловко вышло!

— Вряд ли. Наша техника не умеет распознавать эти ваши линии связи. Случайность, наверное. В этой истории вообще пугающе много странных совпадений и случайностей, — добавила я мрачно. — Настолько, что в их случайность сложно верить.

— Это правильно, — неожиданно высказалась незнакомая женщина, глядя не на меня, а на храм сквозь густую пелену леса. — Мы все существуем и делаем что-то с определённой целью, даже если её не знаем.

— Морион? — окликнул её один из старших мужчин. — Ты что-то увидела?..

— Ничего сверх того, о чём уже говорила, — сварливо отозвалась та, переведя взгляд на говорившего. — Сюда должны прийти шреты уршей. И они сюда придут, с вашего одобрения или нет.

— А почему? — не утерпела я.

— Потому что так надо, дитя. Так правильно.

— А-а... — протянула я бессмысленно.

— Морион самая мудрая из всех харров, — сжалился надо мной Нидар и пояснил то, что прочим было очевидно. — Она знает, как правильно, и еще ни разу не ошибалась. Именно она настояла на том, чтобы мы приняли ваших шретов, когда те пришли на смену преступникам.

— Ага, — я глубокомысленно кивнула. — Но если все знают, что она самая мудрая и никогда не ошибается, какого плюка её не послушали сейчас?

Вопрос харров развеселил, а Морион вздохнула и развела руками.

— Они всегда ищут сложных путей. И любят поговорить.

— Ага! Но теперь-то они тебе поверят?

— Уже поверили, — едва заметно улыбнулась она. — Мы просто пришли взглянуть на тебя, юная харра, и на пирамиду. Но после ужина, — проявила женщина проницательность и в этом, заработав ещё несколько очков симпатии.

...Я так и не поняла, какое решение приняли харры относительно храма. Они осмотрелись, подробно расспросили меня, что представляет собой эта штука и на что способна, узнали мнение «первопроходца» Нира. Потом выслушали историю о своих давних предках, создавших всё это, и об их взгляде на вещи. История о гибели большей части древней цивилизации их почти не заинтересовала и не впечатлила. Но это закономерно: подтолкнуть харров к клеймению познания как такового главным мировым злом могла только грандиозная техногенная катастрофа.

Потом все с честью прошли испытание знакомством с искином, но остались взаимно равнодушны. Во всяком случае, желания завтра же продолжить общение не выказал никто из старших, да и храм посчитал этих новых посетителей ещё менее достойными и интересными, чем Нидар.

Но я не спешила переживать за будущее народа Индры и призывать харров одуматься. Во-первых, это всё-таки не моё дело, не захотят — их право и их выбор. А во-вторых, еще не факт, что они не захотят. Старшие харры не показались такими уж яркими ретроградами и фанатиками старого режима, наоборот, весьма рассудительные существа. Скорее, они не спешили принимать решение

сгоряча и хотели сначала всё обдумать. Такой подход можно было понять и одобрить: это мы с Нидаром отвечали только за себя и могли позволить себе беспечность, а эти харры определяли будущее всего своего народа.

Договорившись, что мы позовём их, когда прилетят люди, старшие ушли, а вместе с ними — и шпреты. Оставшись вдвоём, мы вздохнули с облегчением.

Вечер провели во временном харрском лагере, наслаждаясь обществом друг друга. Я к этому времени уже вполне освоилась с обострёнными чувствами, лес перестал так нервировать, и в общем-то чувствовала я себя весьма неплохо. К хвосту и лапам почти привыкла, а перспектива остаться на Индре уже почти не пугала. Манили загадки храма и древней цивилизации; добрая Эрра и пугающе мудрая Морион внушали оптимизм и веру в то, что меня готовы здесь принять. Привычной жизни, конечно, было жаль, но не настолько, чтобы по ней убиваться.

Ведь, если разобраться, от неё осталось не так уж много, одна только работа. Друзья погибли, разрывать отношения с семьёй никто не требовал, наличие сети телепортов приятно волновало перспективами. Ну а к бытовым мелочам можно притерпеться и найти компромисс.

Оставалась только одна проблема, ИСБ и политика, но тут я надеялась на отца, как минимум на его дельный совет. Однако на следующий день, когда я попыталась с ним связаться, он оказался недоступен. Зато меня ждало сообщение с приказом оставаться на месте и ждать прихода основных сил через пару дней.

— Интересно, и как он собирается успеть за это время? — риторически спросила я, обрывая связь.

Мы с харром стояли всё в той же палатке, где нашли оборудование; я у аппарата, Нир — чуть в стороне, чтобы не лезть под руку.

— За какое?

— От Земли сюда лететь не меньше недели, а он сказал ждать помощь через пару дней. Даже если он вчера сразу сорвался из Солнечной системы, что при его службе очень трудно, это слишком быстро, — пояснила, отключая оборудование и аккумулятор.

— Может, он попросил кого-то, кто находился ближе? — предположил Нидар.

— Логично, — согласилась я. — Мне такой простой вариант в голову не приходил. Вин! Надеюсь, этим кем-то оказалась не Нинка... Но вообще не должна, она же не у него в подчинении, не будет же он её с дежурства срывать!

— Твоя сестра? — продемонстрировал Нидар прекрасную память. — Почему ты не хочешь её видеть?

— Да я не то чтобы не хочу, — слегка смутилась в ответ. — Просто она жутко занудная и правильная, и у меня нет сил и терпения выслушивать сейчас её ворчание. Я очень люблю всю свою семью, но вот именно сейчас совсем не хочу знать, что сестрица может сказать про мои приключения.

— Ты думаешь, она станет тебя ругать? — нахмурился рыжий.

— Станет. За то, что никому ничего не сказала, — вздохнула я тоскливо. — И будет права, что особенно обидно. Отец, конечно, тоже ещё припомнит, но он не такой занудный, для него жива — уже радость. А Нинка... ну просто с ней такое точно не могло случиться, вот просто вообще никак, я даже представить не могу её делающей какую-то глупость! И от этого только хуже. Ну знаешь, у нас говорят, людей раздражает, когда кто-то говорит о своём совершенстве, но когда кто-то действительно совершенен, то это просто бесит. Короче, всё сложно! Давай на что-нибудь отвлечёмся, а?

— Ты хочешь опять пойти в пирамиду? — кажется, без особенного воодушевления спросил харр.

— Ну я предполагала, да, тут не так-то много вариантов. А что, есть другие идеи?

— Я обещал показать тебе море, — улыбнулся рыжий. — И раз ты всё равно уже знаешь про тайные тропы, то я подумал...

— Нир, ты лучший! — радостно взвизгнула я, с разгона, чуть ли не в прыжке, повиснув на его шее. Но Нидар даже не пошатнулся, обнял, придерживая, явно довольный такой реакцией. — У меня будет настоящий отпуск! Ну хоть немного! Пойдём, я готова. То есть сейчас рюкзак возьму и буду готова!

Рыжий в ответ засмеялся и пошёл к выходу из палатки, не сразу поставив меня на ноги.

Сборы много времени не заняли, и вскоре я уже в тревожном нетерпении шла рядом с Ниром, держась за его руку и хвост, и предвкушала знакомство с чудом телепортации, до которой человечество пока, увы, не доросло.

— Вот здесь находится место, где начинается тайная тропа, — предупредил харр. — Чувствуешь?

— А что именно я должна почувствовать? — спросила, насторожив все доступные органы восприятия. Лес как лес, ничего нового. — И чем?

— Не знаю, — ответил он со смешком. — Просто почувствуешь, и всё.

— Почувствую что? На что это хотя бы похоже-то? Ну примерно!

— Похоже... — растерянно повторил Нир. — Как будто стоишь на скале перед прыжком в воду. И чтобы попасть на тропу, надо прицелиться и прыгнуть. По ощущениям, — неуверенно уточнил он.

— Ага, но на самом деле совсем не похоже, да?

— Да, — признал мужчина. — Постарайся расслабиться. Это чувство не снаружи, как звук, оно внутри.

— Хм. Уже легче, — пробормотала скептически, но послушалась, и даже на всякий случай закрыла глаза.

Когда через добрую минуту ничего не произошло, я задумалась.

Как почувствовать что-то непонятное тем органом, которого у тебя отродясь не было? Интересный вопрос. С вибриссами хоть понятно, к этим ощущениям меня шимка подготовила, а тут — полный эксклюзив.

С другой стороны, можно ведь не упираться в ощущения просто так, а подойти к вопросу чуть сбоку. Я, например, знаю точное место, где должна почувствовать. Значит, мои ощущения здесь и на расстоянии метра впереди и позади него должны отличаться. В чём?

Я отступила на шаг, сдвинулась вперёд, еще раз, ещё... Нир не мешал и не задавал вопросов, терпеливо ждал — то ли триумфа, то ли когда мне уже наконец надоест.

К счастью, в это время мужчина сохранял бдительность, потому что... Плюк знает, чем это могло закончиться!

На очередном повторе, когда я почти абстрагировалась от окружающего мира, упорство увенчалось успехом. Частично. Рыжий подобрал очень удачную аналогию, это действительно походило на прыжок со скалы, только вместо короткого точного движения, сознательного и прицельного, я в прямом смысле сорвалась вниз.

Но далеко улететь, толком испугаться и тем более закричать не успела, меня вернул «на твёрдую почву» сильный рывок за локоть. Плечо пробило болью до шеи, я с размаха впечаталась в очень твёрдого на такой скорости Нидара и сдавленно охнула.

— Мара! — выдохнул харр с укором, крепко стиснув меня в объятьях. — Что ты делаешь?!

— Ищу новые ощущения, — просипела я и закашлялась. — Удавишь!

— Прости, — повинился он и ослабил хватку, хотя из объятий не выпустил, продолжил придерживать за талию. — Очень больно? — спросил, хмурясь, когда я с недовольной гримасой принялась ощупывать плечо. Вывихнуть, к счастью, не вывихнул, но потянул — точно.

— Ну так, терпимо. Всё-таки ты *очень* сильный, — усмехнулась нервно. — Как хорошо, что ты при этом добрый...

— Ты меня напугала, — проговорил Нир, на мгновение прижался губами к моей макушке. — Я не понял, куда ты шагнула, а тайная тропа может вывести куда угодно. Не рассчитал силу.

— Куда угодно — это куда? — озадачилась я.

— Я знаю харра, который оказался в ледяном океане, далеко на севере или на юге, не понятно. Но это сильный мужчина и воин, который умеет ходить тайными тропами, он выбрался на льдину и сумел вернуться.

— Ничего себе... А зачем вашим предкам порталы на крайнем севере? — спросила растерянно.

— Не знаю. Но, пожалуйста, будь осторожнее!

— Буду, но о таких вещах лучше всё-таки заранее предупреждать! — возразила ворчливо. Обрисованная рыжим перспектива, пусть и запоздало, напугала гораздо сильнее непривычных ощущений. — Ладно, ну их, эти тропы, не хочу ругаться и портить настроение. Давай ты уже отведёшь нас на море, а?

— Тебе просто нужно немного научиться, — приободрил меня харр. — Но не сейчас, верно.

С этими словами Нидар подхватил меня на руки и решительно шагнул вперёд.

Больше всего это было похоже на короткое падение, или головокружение, или тот момент на грани сна и яви, когда тебе кажется, что ты падаешь, а на самом деле по-прежнему лежишь в кровати. Но одновременно — совсем не то. Какое-то неопределённо-тянущее чувство внутри — не то в затылке, не то в животе, — направленное словно во все стороны разом. Не настолько выраженное, чтобы всерьёз испугать, но очень отчётливое и запоминающееся.

Ощущение длилось совсем недолго, несколько шагов Нира, которые тот проделал вроде бы по знакомому лесу. А потом мир мигнул — и в лицо дохнуло запахом моря.

Нидар аккуратно поставил меня на мелкий белый песок, и я наконец-то нашла хотя бы одно преимущество новых ног: грубую шкуру лап не обжигал нагретый солнцем песок, а кожаные «перепонки» между пальцами не давали вязнуть. Но всё это я отметила мельком, пока анализировала ощущения перехода и их последствия. А потом — с наслаждением, глубоко до боли в лёгких вдохнула солёный воздух, наслаждаясь открывшимся взглядом совсем сказочным пейзажем, в лучших традициях туристических проспектов, только — настоящим.

Лазурная чаша лагуны, расчерченная безупречно ровными линиями волн. Пенные языки лизали широкую полосу пляжа, отделявшую воду от леса — бирюзово-зелёного с вкраплениями всех цветов радуги. Впереди, где берег обрамлял море, зелень подходила к самой воде; кажется, там пробивался ручей.

— Ну как?

— Нир, это... У меня нет слов! — пробормотала тихо, оглядываясь с такой жадностью, как будто мгновение-другое, и вся эта безмятежная красота исчезнет, оказавшись виртуальным рекламным трюком.

— Почему? — озадачился мужчина.

— От восторга, — пояснила и вместо других благодарностей обхватила его руками за шею, чтобы притянуть к себе и поцеловать — со всей самоотдачей, на какую была способна.

Следующие полтора дня оказались лучшими если не во всей моей жизни, то уж за последние годы — точно. Харр привёл нас на довольно большой остров, расположенный совсем рядом с материком; при желании переплыть пролив в безветренную погоду могла бы и я, даже несмотря на то, что совсем не профессиональный пловец. Здесь было пустынно, совсем как в лесу: местные жители не интересовались этим клочком суши, им хватало земли и на материке. Нидар встречал едва заметные следы чужого присутствия, значит, порой сюда заглядывали другие любители уединения, но сейчас на всём острове, кроме нас, никого не было.

Порой в голове всплывали вопросы, начинал покусывать исследовательский зуд и даже как будто совесть — за то, что я откладываю на потом важные вещи. Но я отмахивалась от них, ссылаясь на то, что времени впереди масса. А еще сдерживал иррациональный... нет, не страх, но какой-то внутренний протест. Выяснив, что случилось с моими друзьями пять лет назад, я никак не могла окончательно через это перешагнуть и отринуть инстинктивное опасение перед храмом.

Так что я решила устроить себе полноценный отпуск, пусть и всего на пару дней. И мы с Нидаром гуляли по окрестностям, для разнообразия не подвергая собственные жизни смертельной опасности: харр уверял, что ничего такого на острове не водится. Любовались изумительными видами, купались в море и в небольшом пресном озере, расположенном в укрытых чащей скалах.

Говорили до хрипоты обо всём на свете — вспоминали истории из жизни, заочно знакомились с родными. К моему облегчению, рыжий оказался не так уж одинок, вскоре после смерти родителей его приютил родной дядя и его семья. В которой прилюдного мальчишку явно не обижали: слишком тепло для обиженного он вспоминал приёмных родителей, сестру и двух братьев. Сейчас они общались мало, харры вообще очень ценили уединение, но старались приглядывать друг за другом и быть в курсе событий из жизни родных.

Целовались до умопомрачения — то жадно, словно дорвавшиеся до чего-то запретного и вожделенного, то нежно, как будто в первый раз.

Занимались любовью — к счастью, не на песке, подобное развлечение мне пробовать не хотелось. И

хотя, благодаря храму, в этом вопросе мы были заочно знакомы довольно давно, каждое мгновение близости всё равно становилось маленьким открытием и откровением.

И ощущение, будто мы одни в целом мире, умножало удовольствие, заставляло трепетать от восторга.

Очень быстро в этой безмятежности, на этом белоснежном пляже под сенью высокого прозрачного неба, я поняла, почему так легко вспыхивают курортные романы. И если бы не успела полюбить рыжего харра раньше, то непременно наверстала бы теперь.

Возвращалась назад я со смешанными чувствами. С одной стороны, совсем не хотелось покидать идиллическое побережье, на котором еще и погода царила как на заказ, а с другой — хотелось уже разобраться с важными вопросами, с собственным будущим и достичь какой-то определённости, и сейчас это было гораздо важнее.

В этом противоречии меня сильнее всего приободряла простая мысль: остров никуда не денется, и мы с Ниром можем сбежать туда снова, когда закончим с делами.

В наше отсутствие в человеческом лагере ничего не изменилось, и это в первый момент показалось странным: тут же кругом лес, и обычно его обитатели весьма любопытны. Но объяснение оказалось простым: храм отпугивал всяческую неразумную живность, а незваные гости обосновались как раз на его территории.

Поскольку стены пирамиды больше не угнетали и не вызывали желания срочно убраться подальше, устроиться решили внутри, со всеми удобствами. Причём не в большом основном здании, а в одном из маленьких. Они как раз для этого и предназначались: для жизни тех, кто работал в исследовательском центре и не желал куда-то перемещаться. По-моему, запредельная лень, с их-то сетью телепортов!

К счастью, древние харры знали толк в удобстве и всё оборудование работало исправно: нашлись и туалет, и ванная, и вода любой температуры, и даже варочная панель и аналог духовки. Так что одно место для дальнейшего проживания я себе уже присмотрела, да и Нир как будто не возражал.

Но мне начало казаться, что самой важной технологией хвостатых окажется даже не телепортация, а потрясающая надёжность всего их оборудования. Это даже пугало: несколько тысячелетий прошло, а здесь всё выглядит так, как при постройке. Наверное. Во всяком случае, единственное, что отличало эти комнаты от видений моих снов, это отсутствие растительности.

Искин объяснил, что те цветы разводились специально. Во-первых, харры находили подобное красивым, они так понимали комфорт. А во-вторых, имелась и практическая надобность: специфические растения облегчали как контакт хвостатых с биополем Вселенной, так и вообще обмен информацией, на всех уровнях.

Материал, из которого состояла пирамида, впечатлял особенно. Вещество, способное прихотливо изменять собственную атомную структуру, это — сильно. Но что меня особенно озадачивало, внешний вид камня в результате всех этих преобразований не менялся вовсе. Жилая комната выглядела всё тем же нагромождением каменных блоков. Даже уже виденная мной разноцветная подсветка оказалась виртуальной, это было одним из средств общения искина с хозяевами. Немного выделялась на общем фоне только ниша в стене, в которой предлагалось разогревать или охлаждать продукты: её во время работы закрывала странная полупрозрачная светящаяся субстанция, больше всего похожая на густой дым. Щупать это вещество я не рискнула, совать через него руки внутрь — тем более.

Судя по всему, представления об эргономике у древних харров здорово отличались от человеческих. Или им просто было плевать на внешний вид, главное — удобство?

Нидар все эти метаморфозы монолитного по виду камня воспринимал с философской настороженностью. Но больше всего его смущали даже не сами изменения вещества, а то обстоятельство, что прежде ему и в голову не приходило, сколько странного и необычного здесь спрятано и насколько внешность древнего храма обманчива. Впрочем, к этому и я никак не могла привыкнуть.

Единственное, чего тут не хватало для полноценной жизни, это еды: продовольственных запасов древние не оставили. Или они просто не могли столь надолго сохранить органику? Но особых хлопот это не доставляло. Ничто не мешало Ниру поохотиться, да и в лагере наёмников имелось много всего интересного. Готовыми пайками мы и вооружились, вернувшись с пляжа на территорию комплекса: мне хотелось разнообразия, а Нидару, который еду уршей ни разу не пробовал, было любопытно.

К счастью, готовые пайки оказались высокого качества и не только сбалансированными, но еще и приятными на вкус, так что краснеть перед харром не пришлось. Он в итоге, правда, всё равно

решил, что свежая еда лучше, но и к полуфабрикатам отнёсся снисходительно.

Назавтра мы ожидали прибытия обещанной отцом помощи. Но чтобы не тратить зря время и не нервничать в ожидании, продолжили повышать собственное образование. Поначалу не хотели никуда ходить, ведь связь с искином работала и здесь, но тот воспротивился: жилые пирамиды считались той промежуточной территорией, на которой общаться было уже легко, но передача больших объёмов информации ещё считалась опасной.

Сегодняшний «разговор» я начала с попытки закрыть вопрос гибели древней цивилизации. Увы, искин не знал подробностей эксперимента, который проводился на основной планете харров, но связан тот был с искажением пространства и времени. Звучало грандиозно и, по-моему, достаточно зловеще для последнего свершения цивилизации. А с учётом сети телепортов — вполне правдоподобно.

Древние харры вообще весьма вольно обращались в быту не только с пространством, но и со временем, что в итоге и объясняло долговечность техники. Основную часть минувших тысячелетий, когда никто разумный не пытался взаимодействовать с комплексом, тот существовал... можно сказать, вне реальности трёх привычных измерений. Как это работало, я даже не пыталась понять: для достижения *такого* уровня мне пришлось бы усвоить огромную массу объективно совершенно ненужной информации. Нет уж, пусть этим профессионалы занимаются!

Сегодняшний сеанс обучения закончился приступом лёгкой головной боли и появлением очень странного ощущения: я теперь точно знала, где находится та планета харров, на которой проводился эксперимент. Стоило сосредоточиться, и я легко могла указать, куда надо лететь. Кажется, таким образом храм ответил на мой вопрос о местонахождении этого мира. И, кажется, именно на это ушёл оставшийся лимит моих «удовлетворительных» с точки зрения искина когнитивных способностей.

Я вернулась в реальность и не успела даже толком прийти в себя, когда искин вдруг сообщил о вторжении. Причём показалось, что безэмоциональная программа не то в панике, не то в ярости. К счастью, автоматическую реакцию на такие события создатели не заложили, поэтому приказу не препятствовать и не атаковать пришельцев комплекс подчинился.

Хотя стало очень интересно, как именно храм собирался бороться с чужаками, но теорию мне объяснять отказались: на сегодня было достаточно воздействий на разум. Пришлось спешить вместе с Ниром наружу, выяснять на практике, кого так «тепло» собирался встретить храм. Я ждала обещанную поддержку, но она ли это? Слишком уж бурная реакция, раньше его человеческая техника не беспокоила. Да и корабль явно совсем маленький, если собрался садиться прямо здесь. Как он успел так быстро долететь? Неужели отец правда Нинку прислал?!

В любом случае успокаивало, что приказ о переходе к активной обороне я смогу отдать и снаружи.

Кораблик опустился совсем рядом с человеческим лагерем, на всё той же мощёной площади, втиснувшись рядом с вертолётom. Действительно, совсем небольшой; странная серебристая штука в листовидной форме, я таких прежде даже на картинках не видела. С другой стороны, я же не специалист и в военной технике не разбираюсь, мало ли какие у них там новинки!

Почти одновременно с нашим появлением на ступенях корабль выпустил трап. На каменные плиты сошли четверо человек — к моему облегчению, не Нина, а отец и трое незнакомцев с ним. Храм вдруг успокоился: объект резко перестал представлять для него опасность.

Хм. А кого же он ждал?..

Но вопрос этот оставили на потом, поспешив к пришельцам.

— Надо же, отец сам прилетел, — проговорила задумчиво. — Интересно, как успел? Что это у него за корабль такой странный? Новая модель, что ли, жутко секретная... Плюк, правда, знает, откуда! Но, может, изсбэшники поделились, или по каким другим каналам достал. Папа может, он... — я запнулась, не зная, как сказать. По-хорошему, стоило бы раньше подготовить мужчину к этой встрече, но — не сообразила, всё время голова была занята другим.

— Ты упоминала, что он военный.

— Ну да. Но он не просто военный, он достаточно большая шишка, контр-адмирал, командует эскадрой в составе первого космического флота, который в Солнечной системе базируется. Так что связи у него всякие есть.

— Не бойся, всё будет хорошо, — безмятежно улыбнулся Нидар, ободряюще сжав мою ладонь. Ну да, его тут, на Индре, сложно какими-то чинами и званиями впечатлить.

Начинаю верить, что он даже с отцом легко найдёт общий язык. Уж как минимум не испугается,

как некоторые слабонервные.

Всё-таки у харрского зрения есть преимущества. Мы разглядели людей еще с пирамиды, а они наше появление заметили только внизу лестницы. Первым обратил внимание один из незнакомых мужчин — рослый, хотя и ниже отца, тип с неестественно белыми волосами, одетый в синюю форму ИСБ, он же привлёк внимание остальных.

Когда обернулся отец, сердце моё нервно подпрыгнуло к горлу, а ноги вдруг ослабели. Одновременно и с одинаковой силой захотелось побежать к нему навстречу и повиснуть на шее и — ударить обратно в храм. Пришлось в качестве компромисса стиснуть зубы и крепче вцепиться в надёжную ладонь харра. И отвлечься на изучение остальных, чтобы не встречаться с отцом взглядом.

В гражданском был один, строго одетый невысокий мужчина с короткими тёмными волосами. Он жадно озирался, разглядывая пирамиды, лагерь, нас с Ниром и, кажется, был готов разорваться от любопытства. Похоже, в «основные силы» включили и специалиста из учёной братии. Интересно, по какому он у них направлению? Генетик, историк?..

Рядом с отцом стоял офицер ИСБ в чине генерал-майора, я разглядела звёзды, когда подошли ближе. Невысокий, особенно на фоне контр-адмирала, темноволосый смуглый тип с искренней, заразной улыбкой. Вопиющее несоответствие звания и наружности заставляло смотреть на него с опасением.

Блондин с полковничьими погонами при ближайшем рассмотрении оказался жутковатым, он заставил вспомнить все мрачные легенды об этой службе. У него был взгляд не солдата, а убийцы — холодный и острый, словно выбирающий место для удара.

— Привет, — неловко улыбнулась я, когда мы подошли к замолчавшим людям.

— Ох, Тата! — вздохнул отец и сам шагнул ко мне, сгрёб в медвежьи объятия.

Горло неожиданно перехватило, и ответить что-то я не смогла, только крепко вцепилась в отца, чувствуя громадное облегчение. Хотя умом понимала, что он вряд ли всерьёз злится, но всё равно было как-то не по себе. И теперь я с наслаждением уткнулась носом в воротник формы, вдыхая горьковато-свежий, родной запах отцовского одеколona.

— А этот молодой харр тоже был раньше человеком или он от рождения такой? — прервал наши нежности голос со стороны, кажется, принадлежавший учёному. Говорил на местном языке он, наверное, из вежливости.

— От рождения, — спокойно развеял сомнения Нир, а я заставила себя разжать руки.

Отец взял меня за плечи, чуть отодвинул, критически оглядел.

— М-да. Мама оценит. Она кошек любит, — хмыкнул он.

— Только на это и остаётся надеяться! — неуверенно улыбнулась я. — Знакомьтесь, это Нидар, он шрет, то есть вроде местного полицейского.

— Ага. И это всё, что ты можешь мне про него сказать? — отец насмешливо вскинул светлые брови.

— Тебе — нет, — насупилась я. — Но вряд ли всех остальных это интересует.

— Вот уж точно, — поддержал меня блондин. Неожиданно, но улыбка у него оказалась вполне живой, человеческой. — Может, к делу?

— Не суетись, Глеб Егорыч, — вмешался старший изэсбэшник. — Пара минут всё равно погоды не сделает.

— Кому как, — резко возразил тот.

— Ладно, ладно, ну не таракти, как старый реактор! — генерал-майор похлопал его по плечу. — Сам понимаешь, служба. Я помню, что ты просил отпуск на эти дни, ну видишь же, как всё получилось.

— Вижу. И, как ты можешь заметить, горю желанием работать! Несмотря на то, что ты так и не объяснил, на кой понадобился именно я, кроме роли мобилы.

^Мобила — жаргонное: «капитан». Этимология смутная, предположительно, восходит к латинскому «mobilis», «подвижный». ^

— Я же говорил, у тебя единственного есть опыт контакта с древними цивилизациями. Да и летать на этой штуковине я без тебя опасаюсь, знаешь же, — насмешливо развёл руками генерал. — Ну

что, Тамара Львовна, показывайте, что тут у вас интересного?

— Я бы предложила начать с выдачи пленных, всё-таки это дело Империи. А всё остальное надо обсуждать с харрами.

Я насторожённо, с вопросом покосилась на Нидара.

— Они скоро придут, — заверил тот.

Эта новость ощутимо приободрила: очень хотелось спихнуть ответственность за принятие решений на тех, кому это по должности положено.

— Пока могу только экскурсию провести, без более близкого знакомства. Только... Вот его храм категорически отказывается пускать, — я, сама озадаченная такой принципиальностью искина, кивнула на полковника. — И сегодня, боюсь, получить пояснения по этому вопросу не получится, он дозирует информацию, — виновато пожала плечами.

Так и не назвавшийся генерал вопросительно глянул на блондина.

— Попробую прояснить, — вздохнул тот, кажется, смиряясь с задержкой, и двинулся в сторону корабля.

— Супруге привет!

— Обязательно, — через плечо бросил полковник.

— А куда он так спешит? — не выдержала я.

— Жена со дня на день родить должна, — развёл руками генерал. — Нервничает парень. Ладно, давайте и правда начнём с наших заблудших сограждан. Где они?

Судя по тому взгляду, которым отец одарил опять взявшего меня за руку Нидара, у него имелись другие, несравнимо более важные вопросы. Но Иванов-старший сумел наступить на горло собственной необъективности и оставить личное на потом.

Я до последнего хотела, но стеснялась спросить, собирается ли генерал паковать и допрашивать злодеев самостоятельно. И хорошо, что не успела: когда полковник ушёл, из корабля высыпался ещё десяток молчаливых мужчин в форме ИСБ, а генерал, назвавшийся Щегловым Сергеем Сергеевичем, только руководил.

Представили заодно и учёного, Донателло Александра Митчела, правда, не назвав его специальности, а потом мы принялись за методичную «упаковку» задержанных, которые просто по одному начали появляться перед нами, растерянные и будто слегка контуженные. Чем вызвали у Митчела очередной приступ любопытства, мучительный от неудовлетворённости.

Действовали чётко и быстро. Каждого нового безопасники по двое брали под локти, надевали энергетические наручники и уводили внутрь корабля. Подмывало спросить, где они собираются складировать такую толпу, всё же корабль выглядел довольно маленьким, но я сдержалась. Судя по невозмутимости всех, начиная с генерала, проблемы это не составляло.

Последним, как и велел Щеглов, появился Майкл. Двое так же, как и всех прочих, подхватили его под локти, но повели не к кораблю, а к одной из палаток, определённых под штаб. Ещё двое, держа оружие наготове, зашагали следом — это явно был конвой и охрана. Процессию замкнул сам генерал в сопровождении еще одного типа в форме, смутно отличавшейся от одежды остальных конвоиров. На мгновение я пожалела, что мало интересовалась офицерскими знаками различия.

Несколько мгновений неловкой тишины, и за изэсбэшником, оценив ситуацию, поспешно удрал учёный, оставив нас втроём.

— Я так чувствую, ты мне не всё рассказала? — сцепив руки за спиной, задумчиво проговорил отец, смерив Ниру взглядом. Редкий случай в жизни: папа не смотрел на кого-то сверху вниз, харр всё-таки повыше за счёт длины ног. — Это что за стратегический... хвостоносец? — перед последним словом он запнулся — явно изначально хотел сказать грубее, но сдержался.

Увиливать от объяснений я не собиралась, но как именно охарактеризовать рыжего — так и не придумала. Наверное, стоило бы как будущего мужа, только у местных института брака-то нет...

— Нир замечательный, — неуверенно проговорила, а потом плюнула и вывалила всё как есть: — Я хочу остаться с ним. То есть если бы не он, я бы и не подумала тут оставаться, несмотря на то, что на Земле с этой радиочувствительностью небось еще тяжелее было бы, чем в местных джунглях. Харры, конечно, довольно странные, но мне вот вроде есть чем заняться... — Я кивнула на пирамиду. — А Нир очень хороший, он...

— Любишь? — со вздохом оборвал отец мою бессвязную болтовню.

Осталось только смущённо кивнуть.

— Не ругайся только, он правда...

— Да верю, верю, — усмехнулся папа, опять привлёк меня в объятия. — Береги её, — строго обратился к харру, почему-то обойдясь без угрожающих альтернатив, что ждёт его в противном случае.

— Само собой, — спокойно ответил рыжий.

— Что, и всё? — не поверила я, отстранилась, чтобы заглянуть в спокойное лицо родителя. — Илье ты, помнится, обещал...

— Ты сравнила крейсер с «молью»? — усмехнулся он. — Илюха твой сопляк был, а этот сразу на человека похож. Тьфу. На нормального мужика.

^ «Моль» — жаргонное, от аббревиатуры МЛА, малые летательные аппараты — разведывательные, защитные, иногда атакующие дроны, обычно включённые в состав вооружения любого военного корабля. ^

— Неправда, он очень спортивный парень! — обиделась я за бывшего.

Да, великой любви у нас не было, но к Илье я по-прежнему относилась замечательно, не могла сказать о нём ничего плохого и не хотела, чтобы говорили другие. Всё-таки он хороший, а отец к нему с самого начала был предвзят.

— Да я разве про мясо говорю? — хмыкнул отец. — Оно же в характере дело. Да и в отношении, раз на то пошло.

— В отношении чего? — совсем растерялась я.

— Твоём к ним и наоборот, — со смешком пояснил адмирал, покосившись на Нидара. — Тут-то всё, чую, серьёзнее.

Харр в разговор не вмешивался, но уши явно ловили каждое слово, тем более мы вежливо продолжали разговаривать на местном языке. Не считая, конечно, любимых отцовских словечек, аналогов которым на Индре не существовало, но вряд ли они сильно затрудняли понимание.

— И как ты это определил? — удивилась я неожиданной отцовской наблюдательности, обычно он таковой не блистал. Или просто не демонстрировал?..

— Велика проблема. Того ты привела знакомиться с видом престарелого каптри, а тут — как мичман в первом полёте.

— Чего? — вытаращилась я.

— Сейчас мямлишь, краснеешь и бледнеешь, а тогда пришла — море по колено и космос в кулаке, — снисходительно перевёл отец. — Да и Илюха на тебя не как этот косился.

— Что, и даже не будешь ругаться, что я собираюсь тут остаться?

— А то ты раньше на Земле долго торчала и часто в гости приходила! — отмахнулся адмирал. — Самостоятельные все растёте, деловые, — усмехнулся с отчётливой гордостью. — Тут хоть под присмотром будешь, — выразительно кивнул он на Нира. — Ну и... с ушами этими и усами тебе на родине не очень-то сладко придётся. Заманаешься со всеми объясняться, тут-то поспокойней.

— Спасибо! — умиротворённо вздохнула я, только теперь осознав, насколько *на самом деле* мне было важно его понимание и поддержка. И призналась через несколько секунд: — Неожиданно... Я боялась, что ты будешь возмущаться гораздо сильнее.

— Ну если бы ты мне три дня назад под руку попала, по горячим следам, то уж конечно получила бы большую приборку! — хохотнул он. — Но было время остыть. В конце концов, нам с Лёлей главное, чтобы вы все счастливы были. Внуки, конечно, хвостатые будут, ну да ладно уж, — не удержался от подначки. Опять взял меня за плечи, чуть поворачивал туда-обратно, рассмотрел внимательно, потом стоящего рядом харра, который всё это время продолжал держать хвостом мой хвост, опять меня. — А так, конечно, дичь. К татуировкам твоим я был готов, но вот это...

— К этому и я не готова была, — согласилась со вздохом. — С мамой бы еще договориться!

— Ну, с мамой как-нибудь разберёмся, она у нас понимающая.

Но на этом месте наш личный разговор прервало появление из корабля блондина с глазами убийцы. Он на ходу обвёл задумчивым взглядом площадь, пристально всмотрелся в пирамиду, словно надеялся что-то различить сквозь камни, и остановился рядом с нами.

— А где Щеглов?

— Допрашивает, — отец кивнул на палатки. — Что-то прояснилось?

— Я мог бы и не лететь, мой опыт тут бесполезен, — кривовато усмехнулся белобрысый. — У них старые счёты. У моих покойников с теми, кто эту штуку построил. Они долго и по мелочи воевали между собой и терпеть друг друга не могли. Кажется, больше по идеологическим соображениям, чем по территориальным.

— Каких покойников? — не выдержала я.

Полковник опять смерил меня взглядом, от которого очень захотелось спрятаться за Ниром, а тому, судя по напряжённой позе, заслонить меня плечом. Но сдержались оба.

— Да ладно, какой смысл тут секретничать, — проворчал Глеб Егорович себе под нос. — Несколько лет назад мне удалось перехватить контроль над космической станцией одной древней и теперь уже окончательно вымершей цивилизации. Собственно, вот это — существенная её часть, — он кивнул на корабль. — Они поклонялись Случаю, а хвостатые, которые строили эти пирамиды, наоборот, искали во всём закономерности. Да и методы «моих» инопланетян им не нравились: это были довольно неприятные и жестокие ребята, а хвостатые всё-таки куда больше ценили жизнь как таковую. Даже, кажется, защищали некоторые планеты с диким населением вроде тогдашней Земли. А поскольку я теперь неразрывно связан с этой станцией, техника хвостатых воспринимает меня врагом.

— Погодите, как это — столкнулись с древней цивилизацией? — запоздало опомнилась я. — А почему об этом никому неизвестно?! Это же такой интересный...

— Почему — никому? — усмехнулся полковник. — Кому надо, знают. Изучают даже, просто дело секретное. Тебя тоже засекретят, не волнуйся, — он кивнул на пирамиды. — Одно дело горсть мёртвых камней, это можно и археологам отдать. Но живые технологии — слишком ценный ресурс.

Полковник выразительно пожал плечами, а мне осталось только согласно вздохнуть. Ну... будем откровенны, глупо было ждать иного!

— Как странно он двигается, — заметил Нидар, когда блондин ушёл вслед за остальными избэшниками в палатку.

— Что ты имеешь в виду?

— Не как другие урши. Или он не урши?

— Долгая история, — поморщился отец. — Считаю, что нет. А это небось те самые остальные, уполномоченные решать вопросы от лица коренного населения Индры? — предположил он, глядя куда-то вперёд и вверх.

Обернувшись, я заметила приближающуюся толстую стрекозу местного вертолёта: похоже, харры решили до последнего не светить свои особые возможности перед людьми. Двигался он с подветренной стороны, так что звук нас заранее о визитёрах не предупредил.

В молчании мы ждали, пока винтокрылая машина приблизится ещё, пилот найдёт место для посадки и втиснет на него зелёную тушку — перед храмом нынче было довольно тесно. Отец на правах единственного оставшегося не при делах начальства решительно двинулся навстречу харрам, которые начали выгружаться из повесившего лопасти вертолёта. Мы с Ниром было шагнули следом, но тут меня окликнули:

— Тамара Львовна! — Щеглов выглянул из палатки. — Подойдите сюда, будьте любезны. Надо и ваши показания зафиксировать.

Остановившийся отец ободряюще кивнул, когда я бросила на него вопросительный взгляд, а Нидара уже успокаивала я:

— Иди, это важнее, не съедят же они меня.

Рыжий молча склонился, коснулся губами моих губ в лёгком поцелуе, нехотя выпустил руку и ещё более нехотя — хвост. Но двинулся следом за моим отцом, а я — к терпеливо дожидавшемуся генералу.

— Не представляю, что нового могу вам рассказать, — пробормотала неуверенно, входя следом за

ним в палатку. Ту самую, где несколько дней назад со мной разговаривал Майкл. Только роли теперь поменялись.

Он сидел на стуле посередине пустого пространства, со сцепленными за спиной руками. Конвоиры стояли с настолько каменными лицами, что я засомневалась, живые ли передо мной люди или киборги? Меня арестант явно узнал, смерил очень странным, больным взглядом, под которым сразу стало здорово не по себе. Лучше бы оскорблял и слюной брызгал, честное слово! А так я почти почувствовала себя виноватой.

В помещении явственно читались следы обыска: ИСБ явно не удовлетворились теми ящиками, которые мы приготовили. Несколько закрытых коробок стояли особняком возле выхода, в прошлый мой визит сюда их не было.

— Садитесь, Тамара... Разрешите так, по-простому?

Я неопределённо кивнула. Шеглов жестом указал на один из складных стульев, поставленных возле стола с бумагами. Напротив сидел тот особист в отличном от прочих мундире — кажется, именно ему предстояло вести допрос. Следователь?.. При ближайшем рассмотрении он оказался симпатичным и обаятельным мужчиной в расцвете сил, не то что эти странные конвоиры.

Следователь выложил на стол какой-то плоский чёрный прямоугольник без опознавательных знаков.

— Записывающее устройство, — заметив моё любопытство, пояснил приятным, мягким баритоном. — Вся беседа будет фиксироваться. Меня зовут Натаниэль Джонатан Харрис, можно просто Натаниэль, я следователь ИСБ. Вы Тамара Львовна Иванова, так?

— Так. Можно просто Тамара, — опередила я следующий вопрос.

— Хорошо. Начнём сначала. Вам знаком вот этот мужчина? — он указал на Майкла. — Расскажите, где и при каких обстоятельствах вы познакомились...

Следователем Харрис явно был хорошим. Располагающая мягкая манера разговора, спокойный открытый взгляд, подкупающий неожиданными личными оттенками. Как будто искренний интерес с нотками уважения и сочувствия, убаюкивающие своей шаблонностью фразы, знакомые по бесчисленным фильмам, — подход он нашёл правильный, я быстро расслабилась и включилась в игру.

Интересно, а какую линию поведения он выбрал, когда допрашивал Майкла?

Сидел последний, кстати, совершенно неподвижно и молча, даже как будто не слушал, о чём мы говорили. Но довольно быстро присутствие его перестало нервировать, как и молчаливые конвоиры, да и дёргаться от мыслей о том, как там дела у отца и Нидара, я перестала. То ли привыкла, то ли за такое изменение настроения стоило благодарить профессионализм Натаниэля.

Вилить и что-то утаивать даже не пыталась. Для этого надо иметь соответствующую подготовку, а я довольно быстро запуталась, что именно он уже спрашивал, а что — нет. Врала бы — сразу попалась.

Да я и не хотела обманывать, всё-таки ИСБ более-менее доверяла. Единственное, что меня беспокоило, это как безопасники пожелают трактовать совершённые Ниром убийства. С одной стороны, он, конечно, местный полицейский при исполнении и вроде как вообще не попадает под юрисдикцию имперского суда, потому что Индра — независимая планета, не входящая в состав Империи. Но с другой — кого это когда останавливало?..

— Скажите, Натаниэль, а чего они всё-таки хотели? И кто они? Откуда у них деньги, информация?

— А стоит ли? — он обаятельно улыбнулся. — Мы разберёмся.

— Стоит, — ответила как могла уверенно, хотя понимала, что моё желание тут никакой роли не играет. — Хочется знать, во что мы влезли и будет ли Нидару что-то за тех наёмников.

— О последнем точно не стоит волноваться, — утешил следователь. — Они находились на планете нелегально, в нарушение местных и имперских законов, не как зарегистрированные туристы. В таком случае все столкновения с коренным населением регулируются планетарными законами. А что до истории этого господина...

— Пойдёмте, Тамара, я вам сам всё расскажу, — избавил его от необходимости объясняться генерал. — Лёве тоже будет интересно послушать. Заодно посмотрим, до чего они там договорились с местными, и попробуем всё исправить.

— Что исправить? — озадачилась я.

— Дипломат из вашего отца... не очень, — улыбнулся Щеглов, галантно пропуская меня вперёд. — Имя донельзя говорящее. А вы куда? — озадачился он, когда я, сориентировавшись на местности, уверенно зашагала к ближайшей жилой пирамиде.

— Они там, внутри.

— Хм. Тогда ведите.

ГЛАВА 12. Исследователи

Генерал зря волновался, поругаться с местными отец не успел и даже не попытался. Они все мирно сидели в комнате, с одинаковым интересом изучая странный камень. Причём отец оказался рядом с Бетро, и эти двое выглядели как существа, в полной мере нашедшие общий язык. Нидар стоял у входа, привалившись спиной к стене, и наблюдал за происходящим, так что, когда я шагнула в помещение, через пару мгновений оказалась в объятьях рыжего, успев только ойкнуть от неожиданности.

Харр поймал меня за талию, рывком придвинул к себе, выдавая крайнее беспокойство: в спокойном состоянии он всё-таки сдержанней. Хвосты тут же тесно сплелись.

— Всё хорошо? — спросил тихо, напряжённо вглядываясь в моё лицо.

Я кивнула, улыбнулась ободряюще, и мужчина заметно расслабился.

— И до чего вы успели договориться? — спросил тем временем Щеглов.

— Полный консенсус, — отмахнулся отец. — Уважаемые харры одобрили идею совместных исследований, вот эти трое будут заниматься ими от лица Индры.

Я на этих словах озадаченно покосилась на Нира, но тот только едва заметно поморщился, явно не желая обсуждать это решение при посторонних.

Интересно, в чём подвох? По-моему, старшие не очень-то рвались получить знания, так что изменилось?

Щеглов недоверчиво кашлянул, разглядывая собравшихся. Кажется, он тоже не поверил, что всё получилось так легко. Посмотрел на хмурого и совершенно потерянного Митчела, нахохлившегося в углу с видом мокрой вороны, на остальных откровенно скучающих хвостатых, которым, с их любовью к норам, в довольно просторном пустом помещении явно было неуютно. Рассеянно качнул головой и остановился у входа, заложив большие пальцы за ремень.

— Стало быть, они не будут возражать, если от нас прилетит еще пара специалистов?

— Не будут, — уголками губ улыбнулся Бетро. — Столько, сколько посчитаете необходимым. В разумных пределах. Вы разобрались с этими преступниками?

— Разобрались, — генерал отразил выражение лица харра. — Будьте уверены, они больше вас не побеспокоят. И позвольте принести извинения за то, что случилось с одной из местных женщин. Надеюсь, она не сильно пострадала?

— Эрра в порядке, — заверил Бетро. — Наверное, больше нет смысла что-то обсуждать? — спросил, переводя взгляд с отца на Щеглова и обратно. — Нидар объяснил, что Тамара сегодня устала и приступить к делу лучше завтра.

— Если вопросов больше нет, это лучший вариант. Профессор?

Митчел только выразительно развёл руками в ответ и поднялся со своего места, но вид его стал ещё более потерянным.

— Тамара, а вы не желаете зайти в гости, на корабль? — предложил Щеглов. Заметив, как подобрался на этих словах, прижав меня покрепче, Нидар, поспешил уточнить: — Разумеется, приглашение касается вас обоих. Да и вообще всех желающих.

Но Бетро предсказуемо отказался, остальные незнакомые харры его поддержали. Остановиться аборигены решили на прежнем месте, где ждали моего пробуждения шреты. Люди никак не прокомментировали такую тягу к природе, только профессор удручённо качнул головой.

Он же не выдержал первым, когда мы впятером зашагали к кораблю.

— Бес знает что такое! — эмоционально высказался Митчел. — Чудовищно! Вопиющий непрофессионализм. Я, конечно, не ожидал от современных здешних обитателей фундаментальности познаний, но это совсем никуда не годится!

— Вы о чём? — любопытствовала я, потому что офицеры только переглянулись понимающе, но разговор не поддержали, да и Нир помалкивал.

— Об этих аборигенах, конечно! — обрадовался внимательному слушателю Митчел и тут же заметно встряхнулся. — Это, с позволения сказать, не учёные. Это... да я не знаю, как это назвать! Я даже начал сомневаться в их разумности!

Осторожные расспросы позволили выяснить, что так выбило из колеи профессора. Но ничего неожиданного, к счастью, не случилось, дело предсказуемо оказалось в специфическом отношении харров к познанию. Я искренне посочувствовала бедняге: сама через это недавно прошла, и мне всё-таки полегче было, я не настолько фанатичный и опытный исследователь.

— Что случилось? — не выдержал в конце концов и Нидар, потому что разговаривали мы на имперском, которого харр не понимал.

— Всё в порядке, — улыбнулась я. — Профессор впервые столкнулся с вашим отношением к знаниям, ему сложно принять такую картину. Ты не знаешь, этих троих привезли просто для галочки? То есть в большей степени наблюдать за людьми, чем что-то изучать?

— Не совсем, — неопределённо поморщился рыжий и недовольно прижал уши. — Я тебе потом объясню.

Внутри корабля, к счастью без проблем впустившего харров, мы с Ниром озирались с одинаковым любопытством. Он вообще первый раз в жизни посетил космический аппарат и внове ему было решительно всё, а меня интересовало, чем и насколько отличается этот продукт древних технологий от привычных транспортных средств. Да и новые органы чувств добавляли неожиданных впечатлений. Одни раты чего стоили, улавливавшие постоянный странный шум, одновременно похожий и не похожий на излучения в лесу. Здесь сигналов было меньше, но зато — чище и интенсивнее.

Впрочем, вскоре меня постигло разочарование, потому что как таковых различий я не нашла. Техника древних харров выглядела значительно более экзотично и впечатляюще, а тут... Лаконичные современные интерьеры, похожие на привычные пластики материалы — скучно.

Внутри нас почти сразу покинул профессор. Извинившись, он заявил, что хочет немного поработать и пересмотреть план исследований, хотя я предположила, что ему просто нужно успокоиться в одиночестве.

Вытянутое и на удивление просторное помещение кают-компании было разделено на несколько зон по не вполне понятному признаку: в каждой располагалась отдельная группа мягких светлых диванов или кресел, и только. Я даже голографических экранов не заметила и вообще никакого развлекательного оборудования, но с выводами не спешила. Может, всё это аккуратно запрятано в близких жемчужно-серых стенах.

— А снаружи корабль кажется гораздо меньше, — заметила рассеянно, когда мы вошли и расселись в одном из закутков. Офицеры в широких креслах, мы с Ниром — на одном из диванчиков, которые были не намного шире.

Была бы я одна — притулилась под бочок к отцу, но, подумав, Нира оставлять не стала и устроилась рядом с ним. И правильно сделала. Рыжий от этого заметно расслабился, сел удобно, не притискивая меня к себе нервно, как утопающий, а просто продолжил держать за руку. Ну, не считая сплетённых хвостов; я уже диву давалась, как этой конечности не надоедает.

— Не кажется, — охотно отозвался генерал. — У этой штуки какие-то особые отношения с пространством, она внутри действительно больше. Но об этом лучше Глеба спрашивать, я не углублялся в вопрос. Если он, конечно, захочет отвечать.

— Нет уж, спасибо. Я из общего любопытства спросила, — я даже поёжилась в ответ. Мало мне харрских заморочек, ещё и в эти влезать...

— Ладно, давай рассказывай уже, куда Тата ухитрилась вляпаться, помимо древних цивилизаций, — сказал отец, вольготно развалившись на своём месте.

Щеглов окинул нас с харром полным сомнения взглядом, но всё же ответил.

— Да ничего нового, ты же знаешь нашу радикальную оппозицию. Денег ей добрые соседи не жалеют, а дальше уже по усмотрению. Кто-то громко кричит и аккуратно тратит, в том числе на себя любимого, а есть идейные, как этот. Я бы его даже пожалел, если бы статья была другая, а не измена родине.

— А кто он такой? Почему его называли майором? И что, они действительно всё это время караулили на планете, пока я прилечу? Им заняться больше нечем было?! И куда ИСБ смотрела?!

Горячилась я напрасно, всё оказалось довольно банально и совсем не так грандиозно.

Когда Империя зачищала Индру от отбросов человеческого вида, как это часто бывает, выскрести грязь полностью вот так сразу не удалось. Кто-то успел удрать в общей суматохе, кто-то залёг на дно, умудрившись запастись на чёрный день много всякого. В здешних условиях ничего не стоило

припрятать не то что оружие, но целую базу, что уж говорить про пару вертолётов из числа завезённых еще бандитами. Кое-кто из этих, запасливых, нашёл своё место на Индре и после чистки, в спокойное время.

Из числа последних был тот охранник, который случайно включил оборудование в зале, Томас Либерман. Он с большим интересом ввязался в экспедицию отчасти потому, что раньше уже бывал в храме. Каменные древние пирамиды с самого начала вызвали любопытство молодого парня, сошедшегося с пиратами исключительно из-за наивной тяги к приключениям. Годы прошли, но любопытства не убавили. Во всяком случае, так утверждал Майкл, а самого беглеца ещё предстояло найти. Если бывшие друзья, конечно, оставили его в живых.

Когда произошла трагедия, Томас вспомнил не об остатках экспедиции, а о том, что неподалёку от храма остался схрон, устроенный его бывшими приятелями. Выключенным приборам ни местная техника, ни атмосферное электричество страшны не были, поэтому законсервированные средства связи оказались в рабочем состоянии. И за помощью Либерман по старой привычке пошёл не к властям, а к бывшему командиру, который по прихоти судьбы совершенно неожиданно ответил на вызов. А потом передал информацию старому приятелю и бывшему сослуживцу.

Приятеlem этим и оказался Майкл. На самом деле его звали совсем не так, но заострять на этом внимание Щеглов не стал, да и меня такие детали не интересовали. Главное, этот Майкл раньше был офицером спецназа ИСБ, которого комиссовали по ранению. За мутной формулировкой лежала настоящая трагедия: на том задании, где он пострадал, погиб почти весь его отряд. Генерал не стал вдаваться в подробности засекреченного дела, но упомянул, что отставной майор в тех событиях винил просчёты высшего руководства.

За несколько лет, не без влияния извне, личная обида переросла в убеждённый протест не только против одной ошибки, реальной или вымышленной, но против Империи в целом и лично императора.

В РАО идейный кадровый офицер с огромным опытом почувствовал себя в родной стихии, быстро занял значительный пост и получил определённое влияние. Во всяком случае, услышав историю пострадавших охранников, не только сделал вывод о наличии на Индре некоего оружия, но даже сумел убедить соратников в необходимости его добыть.

От мыслей о том, чем могло обернуться использование этими людьми этой технологии как оружия, мне в очередной раз стало жутко. Несколько воздействий на заметные политические фигуры, начиная сразу с императора, и хаос воцарится сам собой...

Всё-таки есть немалое зерно истины в отношении нынешних харров к знаниям. Конечно, не все они зло, но до некоторых цивилизации нужно сначала дорасти.

Получив одобрение своим поискам, Майкл основательно развернулся.

Под его руководством выжали всё и даже больше из памяти Либермана. Расспросили местных, безуспешно стараясь не привлекать излишнего внимания. Собрали всю информацию, какую удалось, о выживших членах экспедиции, в первую очередь обо мне. Подробности того дела в ИСБ засекретили, но не настолько, чтобы Майклу не сумели помочь связи, оставшиеся со времён службы. И связям этим теперь грозила серьёзная, всесторонняя проверка.

Бойцы РАО тщательно осмотрели развалины, и здесь основная надежда была на Горбачёва, который позиционировал себя знатоком древних цивилизаций. Майкл искренне верил в собственную исключительность и удачу и считал, что непременно достигнет успеха там, где провалились его бывшие сослуживцы. Но знаток оказался не таким уж проникательным, а удача — дамой капризной, и почти четыре месяца попыток разгадать тайну пирамид не увенчались успехом.

Воровать меня на Земле было рискованно, всё же ИСБ продолжала приглядывать, да и без них было кому хватиться. Оставалось наблюдать со стороны и ждать, тем более с современными технологиями очень легко оставаться в курсе поступков какого-то человека, который и не думает прятаться. Деятельность на Индре тоже свернули, лишь изредка прощупывали обстановку.

Несколько лет я жила тихо и незаметно, они уже собрались снять наблюдение. И тут вдруг этот полёт на Индру.

Естественно, Майкл решил, что я либо всё вспомнила, либо помнила всегда, но выжидала, как и они, удобного момента. Зачем бы мне могли понадобиться те технологии, которых жаждал он сам, отставной майор ответить не сумел. Может, я вообще не за ними решила вернуться, а за каким-нибудь кладом!

Именно тогда Майкл вновь развил бурную деятельность и даже притащил сюда наёмников. И совсем не так много, как мне думалось: тот отряд, с членами которого мы столкнулись в лесу, был единственным, не считая нескольких человек непосредственно из РАО здесь, возле храма. И даже

тех бойцов майор считал лишними, пока не выяснил, насколько может быть опасен один местный дикарь в естественных условиях. Тогда же сократившийся почти вдвое отряд (трёх убил Нир, ещё четверо сгинули в лесу) перебросили сюда.

А ИСБ за мной, конечно, присматривала, но не столь уж плотно. И их, тоже в своё время не сумевших решить загадку гибели экспедиции, моё путешествие в храм не особенно насторожило: психолог, с которым я билась над собственными снами, предположил, что я хочу вытеснить опасения перед этим местом. ИСБ-то в существование каких-то древних технологий, как и я, не верила!

А смерть археологов... следы побоища были более чем красноречивыми, никто посторонний во всём этом не участвовал. Да и охранник, который отстреливался от воображаемых монстров, усложнил картину. Следователи так и не поняли, с чего начался конфликт, но посчитали, что возник он именно с охранниками, а потом и те что-то не поделили между собой. Учитывая отсутствие следов каких-либо психотропных препаратов в крови, им сложно было заподозрить иное. Конечно, такая вспышка агрессии озадачивала, да и остальные участники экспедиции в голос твердили, что коллектив уживался мирно, но это были только слова. Хотя закрыть дело так и не удалось: слишком много вопросов о мотивах участников.

— И что в этом всем было секретного? — спросила я, когда короткий рассказ закончился. — За вычетом пары деталей, я всё это уже от самого Майкла слышала.

— Просто вы, Тамара, гражданское лицо, имеющее подозрительные связи, — едва заметно улыбнулся Щеглов. — Гражданским лишние подробности стараются не сообщать, независимо от степени секретности.

На этих словах, прерывая разговор, вошёл белобрысый полковник.

— Судя по тому, что главного мне тоже отдали, можно готовиться к старту? — с порога нетерпеливо спросил он.

— Подождите! — опомнилась я. — Тут еще одна деталь выяснилась, пока я сегодня с храмом общалась! Я теперь знаю, где находится основная планета древних харров. Слетать бы туда...

— И где она находится? — Офицеры ИСБ озадаченно переглянулись.

— Там, — я уверенно ткнула пальцем вниз и чуть в сторону. И немного виновато пояснила под растерянными взглядами: — Я знаю, в каком направлении надо лететь. Правда, не знаю, как далеко...

— Издеваешься? — устало вздохнул полковник. — Это «там» охватывает тысячи и даже миллионы звёзд! Как ты себе представляешь этот перелёт?

— А почему его должна представлять я? — возмутилась в ответ, стойчески выдерживая тяжёлый взгляд: уже более-менее привыкла, да и надёжное плечо молчаливого Нира рядом добавляло уверенности в себе. — Не хотите знать — не надо. Найдём кого-нибудь ещё...

— Глеб, не горячись, — поморщившись, одёрнул его Щеглов. — И вы, Тамара, не спешите с выводами.

— Поиски займут несколько месяцев!

— Да не истери ты! — чуть повысил голос генерал. — Как курица-наседка, твою мать!

Интересно, где он там истерику разглядел? По-моему, белобрысый был хмур, собран и раздражён, причём вполне обоснованно, что уж там. Но, с другой стороны, я-то этого типа не знаю, может, в норме он молча исполняет приказы и не рассуждает...

— Никто не заставляет мчаться туда прямо сейчас и именно тебя, — продолжил Щеглов. — Несколько тысяч лет эта планета прозябала в безвестности, потерпит и ещё немного. А мы сейчас погрузим задержанных, материалы, спокойно полетим домой, увидишь ты свою ненаглядную. Ну родит без тебя, там толпа врачей, уж как-нибудь справятся. Слушай, что ты такой нервный? До сих пор бессонница, что ли? — участливо спросил он занявшего свободное кресло Глеба.

— Это одна из причин, по которым я хочу вернуться домой поскорее, — недовольно ответил белобрысый.

— Ладно, я тебя понял, заканчиваем тут и летим, — вздохнул генерал. — Теперь что касается вас, Тамара. В ближайшие пару недель, как я понимаю, вы всё равно не планируете возвращаться на Землю, да и вообще предпочтёте остаться здесь с исследовательской группой, верно?

— Ну да, скорее всего, — я неопределённо пожала плечами. — Просто я пока слишком дезориентирована и не понимаю, как жить дальше. Когда прилетят настоящие серьёзные специалисты, надобность во мне как исследователе отпадёт. Тут больше простора физикам и биологам, а я же историк. К старой своей работе я вернуться тоже не смогу, на Земле мне в таком виде делать нечего. Да и Нира туда не потащишь, разве что в гости. Наверное, останется только переквалифицироваться в домохозяйки, — вымученно улыбнулась, опять переводя взгляд на генерала.

— Не спеши, — мягко возразил харр.

— Почему? У вас же тут это вроде обычная ситуация, — я неопределённо пожала плечами. — Буду вести себя как приличная харра... Историки-то вам тут не нужны.

— Да, обычная, — эхом отозвался он. — Но люблю я *тебя*, а это будешь уже не ты.

Ответных слов опять не нашлось, поэтому я уже привычно поднырнула под локоть мужчины и крепко прижалась к его боку.

— Старшие еще ничего не решили, — негромко продолжил Нир, аккуратно обнимая в ответ. — Они могут вскоре изменить мнение и отношение к знаниям.

— Ваш... кхм. Господин Нидар абсолютно прав, — неожиданно поддержал его генерал. — Не стоит так уж сразу списывать себя в запас. В храме вы еще пригодитесь, никто не мешает вам делать вашу работу. Да, кое-что пойдёт только в архивы, но некоторые вещи можно будет опубликовать под грифом, а некоторые вообще обнародовать. И поиски главной планеты древних харров — дело весьма важное. Глеб безусловно прав, на это могут уйти не месяцы — годы, так почему бы вам не заняться подготовкой?

— И вы мне всё это доверите? — нахмурилась я. — Я всего лишь младший научный сотрудник, а у вас наверняка и профессора имеются!

— Имеются, конечно. Но не так-то просто сорвать с места занятых людей даже ради такой интересной задачки. Они все заняты не менее важными и нужными делами. Впрочем, если вы полагаете, что не справитесь...

— Ну вот только на слабо меня брать не надо! — перебила я. Невежливо, конечно, но... — Извините, но как-то это грубо для вашего уровня.

— Грубо или нет, а со многими работает безотказно, — улыбнулся Щеглов.

— Не спорю, но мне гораздо интереснее, почему вы вдруг решили доверить такое дело мне?

— Тата, хватит тормозить, — со вздохом вмешался отец, до сих пор молча наблюдавший за происходящим со стороны. — Твой хвост с ушами и тёплые отношения с местными — ценный ресурс местечковой политики. Да, в масштабах Империи этот ваш Индра — тьфу. Только и «моль» может решить исход сражения. Я уж не говорю о том, что твоё — в нынешнем виде типичной харры — участие во всех этих гробокопаниях сильно меняет вид со стороны. Если командовать будет бородатый пиджак из Академии наук — то это вторжение жадных имперцев в дела суверенного государства. А если аборигенка с подачи местного правительства — то это уже оказание поддержки развивающейся цивилизации. Чувешь разницу? Так что будешь ты пользу нести или в подволок плевать — ИСБ оно параллельно. Главное, чтобы числилась.

^Подволок — внутренняя сторона палубной обшивки, то есть потолок, у морских и космических судов. ^

— Ты уж слишком категоричен, — мягко улыбнулся Щеглов.

— Зато точен, — отмахнулся отец. — Или ты мою дочь втёмную планировал использовать?

— Так было бы проще, — спокойно согласился генерал. — Но не в твоём же присутствии! И про категоричность я говорил о другом, ИСБ не параллельно. Если Тамара займётся этим делом всерьёз и не понадобится отыскивать какого-нибудь... как ты там сказал? Бородатый пиджак? Так вот, я был абсолютно честен. Этих... пиджаков, — безопасник вновь попробовал слово на вкус: похоже, очень ему приглянулось такое название, — и так немного, а уж тщательно проверенных археологов — тем более. Ну не относится археология к тем областям науки, которые мы курируем. Да, приглядываем, как и за всем остальным, но в подавляющем большинстве случаев всё это — просто куски камня и пластмассы. Конечно, приятно, что в глазах даже таких осведомлённых граждан, как Лев, ИСБ всё знает и всё может, но увы, на практике даже наши ресурсы конечны.

— А я что, проверенная? — опешила я.

— Вы в любом случае уже влезли в это дело по уши, так что проверенность особой роли не играет. — Генерал выразительно поднял взгляд выше, на упомянутые уши. — Но — да. Пять лет назад, после той трагедии, вас проверили так, как не всех официальных служащих проверяют. Чисты как младенец и весьма благонадёжны. Семейная черта. — Он с непонятной насмешкой покосился на отца; кажется, это была какая-то шутка, понятная только им двоим. Но проявить любопытство я не успела, мужчина продолжил: — Ладно, не будем дольше нервировать Глеба.

Полковник молча и с невозмутимым лицом поднялся, однако вся его фигура выражала нетерпение. Мы с Ниром тоже встали, и тут я решила на один маленький, но нужный подвиг.

— Скажите, а... зеркало тут есть? — спросила, переводя взгляд с одного изсбэшника на другого и обратно.

Белобрысый раздосадованно поморщился, но просьбе внял, и в следующее мгновение большим зеркалом стала одна из стен. К которой я неуверенно приблизилась, разглядывая отразившуюся там харру.

Нир, проследовавший за мной, остановился чуть позади, обнял одной рукой за талию, а второй бодряще сжал плечо.

— Тата? — насторожённо окликнул отец.

— Ну... могло быть и хуже, да? — пробормотала неуверенно.

Если не думать, что вот это — я, то пара инопланетян смотрелась органично и даже красиво. Высокий мощный мужчина, эффектный и яркий; кажущаяся на его фоне очень тонкой и изящной женщина, которую светлая, золотистая расцветка делала еще более нежной и пушистой. Но не думать не получалось.

Впрочем, привыкнуть можно. Я теперь отчётливо понимала, что имел в виду искин, говоря о минимальных изменениях: фигура, не считая лап, осталась моей, да и лицо изменилось незначительно.

— Ты красивая, — тихо, веско проговорил Нида у самого моего уха. То непроизвольно дёрнулось от щекотки.

— Ага, наверное. Осталось привыкнуть, что это — я, — вздохнула в ответ. Перевела взгляд на отца. — Как у тебя получается быть таким спокойным?

— А я уже почти привык, — со смешком пожал плечами тот. — Живая, здоровая, вроде бы в надёжных руках, — выразительный взгляд достался Ниру, — а лапы эти с усами — мелочи жизни. В конце концов, безо всяких инопланетных технологий ты могла бы, например, пол сменить. Вот где был бы ужас и катастрофа, потому что недоглядели, упустили и недовоспитали. А сейчас — так, форс-мажор. Но маму, конечно, надо подготовить. Я с делами разберусь и привезу её в отпуск. Готовься, как до Земли долетим — будешь с ней разговаривать.

— А она дождётся, пока ты с делами разбираться будешь? — нахмурилась я.

— А кто её одну отпустит? — парировал он. — Да она и сама так далеко не полетит, знаешь же. Ладно, пойдём тебя провожать, а то Жаров в нас гневную дырку проглядит.

— Пойдёмте, — поддержал его генерал. — Только еще одно уточнение. Вы, наверное, и сами понимаете, но я озвучу. Никаких контактов с прежними знакомыми вот в таком виде. Связываться можете, но лицо не светите. Пока не хотелось бы прибегать к радикальным решениям вроде имитации вашей гибели.

— Да мне и связываться особо не с кем, кроме семьи, — я пожала плечами. — Если вы решите вопросы с институтом и меня не станут разыскивать после окончания отпуска, то проблем не возникнет.

— Прекрасно.

В лагере осталась пара сотрудников в штатском и профессор Митчел, а остальные не задержались. Отец крепко обнял меня на прощание, пожал руку Нида, немного озадачив его этим обычаем, и корабль улетел, оставив нас на каменистой площадке вдвоём. Рядом привычно шумел лес, на который я уже перестала обращать внимание, и место выглядело заброшенным. Как будто и не прилетали.

Стало тоскливо и неудобно. Встреча получилась слишком быстрой и скомканной, и хотя всё самое важное было сказано, осталось чувство неудовлетворённости. Хотелось поговорить с отцом подольше, обсудить, пожаловаться, посмеяться... Увы. Всё-таки он сорвался с места внезапно, а при

его должности это не лучший поступок.

— А пойдём опять на берег? Прогуляемся, — тихо попросила я Нира. Надо же пользоваться плюсами новой жизни!

Рыжий не стал ничего спрашивать, просто за руку потянул прочь. В тишине мы дошли до места переноса, в тишине ступили на залитый закатными лучами розовый песок. Прошли несколько шагов почти до самой кромки слабого прибоя — стоял штиль, и море шелестело едва слышно, словно дремало. Харр сел и потянул меня следом, устроил перед собой, удобно баюкая в кольце рук, так что мелкие волны почти лизали пятки. Я откинулась на широкую грудь, блаженно прикрыла глаза.

— Всё будет хорошо, — привычно повторил Нидар. — Не грусти. Я могу тебе чем-то помочь?

— Ты уже помогаешь, — пробормотала в ответ.

— Разве?

— Угу, — буркнула я и потёрлась о его плечо. — Ты не обращай внимания, всё на самом деле лучше, чем было до их прилёта. Просто с отцом не удалось нормально пообщаться, и мне обидно. Как-то всё получилось глупо, нелепо, бегом...

— У тебя очень хороший отец, — заметил харр.

— Это он, видимо, слишком шокирован моим преображением, поэтому тебе мало досталось, — хмыкнула я насмешливо. — Но, даже несмотря на это, странно, что он не выкроил несколько минут на серьёзный мужской разговор, ему бы вполне могло хватить. Спешил, что ли, сильно и всерьёз не до того?

— Какой разговор? Что ты имеешь в виду? — растерялся Нир.

— Ну, папа обычно всех наших кавалеров тщательно прессует и проверяет на прочность, — пояснила ему. — Не знаю, как это объяснить. Зависит от конкретного случая. Иногда в ход идут угрозы, что он сделает с претендентом на внимание какой-то из дочерей, если тот обидит дитяtko. Иногда расспросы о том, почему мужчина выбрал себе такую профессию. Иногда обстоятельный, подробный допрос, когда у него есть время и настроение. Погоди, или не избежал? О чём вы разговаривали, когда меня вызвал Щеглов?

— Он задал несколько вопросов, — пожал плечами Нир. — Но это правильно. Должен же он знать, кому оставляет свою дочь.

— Значит, ты ему на самом деле очень понравился. Есть повод гордиться, это первый раз на моей памяти, — со смешком резюмировала я. — Но, с другой стороны, было бы чему удивляться. Как ты мог ему не понравиться, если ты так на него похож... — хмыкнула неопределённо.

Нидар молча потёрся щекой о мою макушку, и ещё некоторое время мы так просидели, наблюдая, как розовый песок и морская гладь наливаются багрянцем, а потом темнеют и блекнут, теряют краски, чтобы стать густо-серыми в плотных сумерках, накрывших побережье тяжёлым одеялом. И в какой-то момент я прислушалась к ощущениям и с удивлением поняла, что хандра благополучно прошла.

— Нир, а почему всё-таки старшие прислали тех троих? То есть почему вообще прислали и почему именно их?

— Старшие хотят понять, как изменят харров знания древних и изменят ли, — спокойно пояснил рыжий. — Выбрали из тех, кто вызвался, харров разного возраста и характера, будут следить. И за мной тоже.

— А женщин почему не привлекли?

— Пока считают риск слишком большим. Ты не голодна? И где ты хочешь ночевать? Останемся здесь?

— Здесь, — решила я. — А завтра вернёмся в храм и начнём работать серьёзно.

После возвращения в исследовательский комплекс жизнь потекла размеренно и спокойно, только немного странно. Исследователи существовали тремя почти не пересекающимися группами: харры, профессор Митчел и мы с Ниром. Вся моя помощь свелась к тому, что я объяснила, как именно нужно взаимодействовать с искином, всех познакомила и удостоверилась, что храм не отказывается делиться знаниями. При этом человека тот предсказуемо принял с большей охотой, нежели харров, но даже к последним был настроен вполне дружелюбно.

Мы даже жили в разных местах. Харры в лесу, Митчел с охранниками — освоили оставшиеся от РАО палатки, из которых вывезли только полезные следствию материалы. А мы с Нидаром вернулись в тот каменный домик, в котором ночевали прежде, причём эта идея понравилась Ниру не меньше, чем мне. Кажется, во многом именно из-за уединённости такого жилья, где не приходилось снова стесняться посторонних.

Добыть еды для нас двоих Ниру было нетрудно, а учитывая, что местное оборудование позволяло сохранять в идеальном состоянии и мясо, и фрукты, вопрос пропитания вовсе можно было считать решённым. Тем более харр принёс кое-какую посуду, пару мешочков с крупами и специи, и быт окончательно наладился.

Завтрак, день в храме, который пролетал незаметно, потом поздний обед или он же ранний ужин, и Нидар уводил меня на прогулку, показывая красивые и интересные места родной планеты. Выяснив, как именно работают переходы, харр начал пользоваться ими гораздо более осознанно и спокойно, чем сородичи: до сих пор они тыкались вслепую, интуитивно, и потому старались не злоупотреблять. Да и я с этим сложным делом почти освоилась, но пока еще не настолько себе доверяла, чтобы куда-то ходить в одиночестве. Впрочем, и желания такого не возникало, общество Нира не раздражало в любых количествах и в любом состоянии. Если же не хотелось гулять, мы развлекали себя чтением и настольными играми, которых в местной культуре оказалось на удивление много.

И хотя я уже замечала, что в последние годы, после изменившей жизнь трагедии, стала гораздо более замкнутой и мало общалась с окружающими, не считая родных, всё равно было странно и немного не по себе оттого, что подобная изоляция не доставляет никаких моральных неудобств. Да, Нир чудесный, новых впечатлений мне более чем достаточно, но всё равно — неожиданно. Несмотря на наличие связи, мне не хотелось запустить генератор и включить шимку. Я не хотела открывать новости и знать, что происходит у случайных людей в сети, с которыми прежде поддерживала подобие приятельских отношений.

Я заметила эту перемену, случившуюся вообще-то достаточно давно, на второй день новой жизни. И вечером, когда мы опять пошли гулять, поделилась наблюдениями с Ниром.

На этот раз харр выбрал живописную скалистую равнину в ложбине между двух гор — почти без растений, но зато с нагромождением камней причудливой формы и удивительно ярких, радужных цветов. Приглядевшись, я поняла, что красоту создавал не камень, а какие-то лишайники. Здесь было заметно прохладней, чем в лесу, но не настолько, чтобы быстро замёрзнуть. Тем более тут стоял самый разгар дня, так что ушли мы, надо думать, довольно далеко.

— А кто ещё тебе нужен? — слегка озадачился харр в ответ на моё замечание, но, кажется, не расстроился.

— Никто, и именно это удивляет, — вздохнула в ответ. — Люди всегда стараются держаться вместе, особенно когда делают одно дело. Ты еще увидишь, когда прилетит остальная экспедиция...

— Я видел город уршей, — улыбнулся мужчина.

— Ну, у нас же нет развитой системы телепортов, поэтому люди привыкли селиться более-менее скученно. Но ты прав, у этих явлений действительно одна природа... Неважно, я вообще не об этом! Я к тому, что прежде мне вроде бы не было свойственно подобное. Нет, я помню, что харры вообще более-менее одиночки, но... Тогда выходит, что у меня теперь и инстинкты харрские, а не человеческие? погоди, но если это инстинкты, почему мы сначала пытались жить рядом с теми шретами, которые пришли тебе на помощь?! — окончательно запуталась я.

— Мы собираемся вместе, когда хотим развлечься или что-то празднуем, или, наоборот, нужно сделать что-то большое или решить важную общую задачу. Сейчас такой надобности нет. Но если хочешь, мы можем познакомиться поближе с теми харрами, которых прислали старшие. Или с теми тремя уршами, — без особого воодушевления предложил мужчина.

— Я совершенно точно этого не хочу, и именно это озадачивает. Не хочу не только жить рядом с ними, что вполне закономерно, но и вообще — знакомиться, общаться. Понимаешь, я вдруг осознала, что поменялась не только внешне. Больше того, внешние изменения стали скорее закономерным итогом, а началось всё гораздо раньше. Просто протекало всё это очень медленно и незаметно, наверное, потому, что Земля далеко от Индры. Это объяснимо, логично, понятно, но сознавать это — странно...

— Но ведь стало не хуже?

— Нет, конечно. Это не тот вопрос, где можно мерить хуже-лучше. Но — по-другому. Надо привыкнуть.

— Хорошо тебя понимаю, — улыбнулся рыжий.

— А, ну да, — немного смутилась я. — Но у тебя изменение картины мира проходит без внешних проявлений, не считая увеличившегося словарного запаса. Хотя по факту тебе, наверное, действительно труднее, потому что меня поставили перед фактом, а тебе самому приходится нащупывать путь. Извини, я не собиралась жаловаться, просто...

— Просто иди лучше сюда, — рассмеялся он и привлёк к себе для поцелуя.

И ведь не поспоришь, так действительно гораздо лучше!

Ещё через пару дней, когда я окончательно смирилась и с этим изменением собственного восприятия, прилетели остальные земляне. Их корабль тоже проигнорировал космодром, и, хотя внешне он кардинально отличался от предыдущего, явно имел то же происхождение. Потому и долетел так быстро, потому и храм на него отреагировал почти так же, пусть и с меньшим градусом тревоги, посчитав менее опасным.

После знакомства с новоприбывшими... урши впору было скучать о недавней размеренности и тишине, которые сразу же с их прибытием и закончились. Во многом благодаря начальнику этой странной, за считанные часы сколоченной группы.

Звали его Дмитривым Евгением Исааковичем, и был это человек редкого ума, обладающий к тому же пугающим запасом энергии. Невысокий, плотный, жилистый, он перемещался исключительно рысцой, говорил быстро, порой проглатывая окончания слов, и решал вопросы, даже не успев их до конца сформулировать.

Группа с ним прибыла сравнительно небольшая, но всё-таки — не трое человек, как у местных. Первым делом выжав из меня и профессора всю возможную информацию, он быстро назначил добровольцев, которые должны были составить компанию Митчелу в общении с храмом, а всем остальным нашёл другие дела. И уже на второй день у группы имелся конкретный план исследований, стояли основные и второстепенные задачи, и работа закипела.

Кроме самого комплекса и его памяти, интерес для исследователей представляла и я. К счастью, не такой большой, они ограничились всесторонним сканированием. Убедились в полном соответствии коренным аборигенам, сцедили пару пробирок крови для сравнения с прежним геномом и отпустили. Да оно и понятно, какой прок спрашивать далёкий от генетики объект эксперимента, если у них есть согласный делиться знаниями первоисточник?

Моё робкое предложение заняться организацией поисков родины древних харров Дмитрий встретил своим всегдашним энтузиазмом. Охотно делегировал эту задачу, отметил в собственном плане и ускакал руководить кем-то ещё.

Потрясающий человек. Во всех смыслах.

Привезённые им специалисты среди прочего сумели договориться с храмовым искином, чтобы тот не портил оборудование, так что у нас появилась устойчивая линия связи. Оттягивать дольше я посчитала уже откровенной трусостью, запустила шимку и почти сразу поймала входящий вызов от мамы.

Не знаю, какими словами и методами успокаивал её отец, но реакция на мою новую физиономию оказалась... неожиданной.

— Действительно, почти не изменилась! — облегчённо улыбнулась педагог консерватории Елена Александровна Иванова, внимательно разглядывая мутировавшую дочь. — Папа был прав.

— Ты вот это серьёзно сейчас? — опешила я.

— Конечно. Непривычно, пожалуй, но это довольно мило, — рассеянно подтвердила та.

— Что ты такое и куда ты дело мою мать?! — возмутилась я. — У меня хвост и лапы, и всё, что ты можешь сказать: «Это довольно мило»?!

Она в ответ звонко рассмеялась.

— Тата, после папиной секретности и отсутствия связи с тобой на протяжении двух недель, в которые твой автоответчик пытался убедить меня, что всё хорошо, эти косметические изменения — сущие пустяки!

— Почему автоответчик-то? — смутилась я.

— Потому что на том курорте, куда ты якобы полетела, со связью всё прекрасно и не было нужды слать нелепые открытки, — мама слегка нахмурилась. — Милая, ну почему ты нам ничего не сказала? Неужели думала, что мы не попытаемся помочь?!

— Прости, мам. Я не хотела вас беспокоить и совсем не подумала, что так получится еще хуже. Отец определился, когда вы сможете прилететь? — предпочла перескочить на менее щекотливую тему.

— Не в этой жизни, — она скорбно вздохнула, выразительно выгнув брови. — Он едва прилетел, как его сразу вызвали в штаб. Так что небеса разверзлись и поглотили нашего папу как минимум на ближайший месяц, у них очередные большие тактические учения. А одна я так далеко точно не рискну.

— И не надо! Когда-то же он освободится, — поспешила заверить её. — Ну или с моим новым политическим статусом получится что-то утрясти, и я смогу прилететь на Землю. Хотя... кого я обманываю. Вряд ли меня туда пустят, ИСБ на подлёте пристрелит, чтобы государственные тайны не выдавала, — проворчала недовольно.

— Да ну её, эту ИСБ. Расскажи хоть, как ты там? Я папе доверяю, но всё же это совсем не то. Лучше было бы тебя, конечно, обнять, но это — вряд ли скоро.

— Лучше, — согласно вздохнула я. — А как... Странно очень, никак не привыкну. Но неплохо. И... про Нира ведь отец тоже рассказал, да?

— Тот огромный кот, похожий на очеловеченного Кекса? — улыбнулась мама. — Рассказал, разумеется. У меня сложилось впечатление, что твой жених очень понравился папе, он удивительно... уважительно о нём говорил, так что я почти спокойна. Хотя весьма заинтригована, хотелось бы взглянуть на этого необычного юношу самостоятельно.

— Нир не может не понравиться, — уверенно отмахнулась я. — Он правда замечательный! Единственный недостаток — живёт далеко, а так мне даже его хвост уже вполне нравится. Да и мой тоже начинает...

— Ну что поделаться, судьба у нас такая, это семейное! — опять засмеялась она. — Находить мужчин подальше и самоотверженно следовать за ними.

— Правильно, а то им слишком хорошо живётся на свободе! — весело фыркнула в ответ.

— Разумеется! Мне искренне любопытно, хоть кто-нибудь из вас найдёт себе мужчину оседлой профессии на Земле? Почему-то совсем не верится, — рассеянно улыбнулась мама. — Ладно, раз уж не стесняешься и готова делиться радостью, расскажи что-нибудь об этом своём рыжем. У тебя так глаза сияют, когда ты его упоминаешь, любо-дорого поглядеть! Хоть издалека полюбуюсь на счастье дочери.

Я, конечно, постаралась её не разочаровать. Рассказывать ужасы и выдавать секреты не стала, но поделилась некоторыми дорожными приключениями и тем, как трепетно рыжий харр обо мне заботился. Таскал на плечах, кормил, массаж делал — в общем, правду и ничего, кроме правды.

Мама умилялась и улыбалась, а я... любовалась и тоже умилялась. Всё же она у нас хорошая и очень красивая, нам с сёстрами было в кого пойти.

Светло-рыжие, солнечные волосы немного темнее моих, глубокие зелёные глаза, гармоничные черты лица — они с отцом похожи типажом и великолепно смотрятся вместе, особенно на каком-нибудь приёме, как будто кто-то специально подбирал. Мама особенно красива в жизни, в движении — грациозная, статная, что называется, аристократичная, хотя среди известной родни никакие дворяне у нас не наследили. Рядом с могучим контр-адмиралом Ивановым контраст получается изумительный.

Вообще у Вселенной, если она действительно разумна, неплохое чувство юмора. Только благодаря этому могли сойтись в своё время молодой и выдававшийся тогда исключительно габаритами лейтенант космфлота и чрезвычайно талантливая арфистка, которой пророчили великолепную карьеру.

То ли не убедили, то ли сама она не очень-то желала такой карьеры, но юное дарование проявило неожиданную твёрдость и железный характер совсем не там, где ждали родители и учителя: прихватила единственный чемодан, электронную арфу и упорхнула со своим молодым Львом на край Солнечной империи. Знакомы они к тому моменту были меньше месяца, но мама всегда говорила: сердцем почувствовала, что счастье — там. И даже вроде бы угадала.

Вообще, стоило бы раньше провести историческую параллель. От мысли, что это у меня семейно-наследственное, стало гораздо веселее.

Проболтали мы в итоге долго. Нидар, который поначалу сидел рядом и прислушивался к незнакомой речи, отвлёкся на какую-то книжку и только настораживал уши, когда звучало его имя. А потом и вовсе перестал обращать внимание — не то увлёкся чтением, не то просто привык. Когда

я распрощалась, Нир этого поначалу тоже не заметил. Пришлось привлекать к себе внимание, поднырнув под локоть мужчине и забравшись на колени, вытесняя книгу. Рыжий неопределённо хмыкнул, но возмущаться не стал.

— Разговор пошёл тебе на пользу, — заметил харр, почёсывая меня между ушами. Всё-таки до чего приятное ощущение... — Мне кажется, ты повеселела.

— Не кажется, — заверила его. — Я очень соскучилась по маме, здорово было увидеться хотя бы так.

— Когда они прилетят?

— Нескоро. У отца служба, не получилось взять отпуск, так что в лучшем случае через пару-тройку месяцев. Жалко, конечно, но... знаешь, мне в самом деле полегчало. Наверное, нужно было по душам поговорить с кем-то родным.

— Твоя мама не очень расстроилась?

— Она приняла известие философски, — хмыкнула я в ответ. — Но отец тебя одобрил, поэтому она за меня спокойна, и уши её не смутили. Вообще надо бы завести тебе шимку с переводчиком, а то неудобно, что ты имперского не знаешь. Я думаю, после храма будет легко разобраться, у них похож принцип управления. Ты не против?

— Нет, не против. Это было бы забавно, — спокойно согласился харр. Что такое шимка и для чего она нужна, я ему подробно рассказывала раньше, так что Нидар неплохо понимал, на что соглашается.

— Надо только спросить у Дмитрова, возможно ли вообще такое устроить. Лучше бы какую-то урезанную версию, без определения личности, чтобы только переводчик и терминал связи...

Нир согласился. Потом мы несколько минут уютно помолчали. Мужчина продолжал почёсывать и слегка массировать мне голову — кажется, ему тоже нравился этот процесс. А я поймала кончик его хвоста и мучила пушистую кисточку — теребила мех, водила кончиком по ладони и собственному лицу.

— Так странно, — рассеянно пробормотала себе под нос. — Обычно кажется, что жизнь такая длинная, и всё как-то постепенно происходит — учишься, учишься, потом работаешь — тоже медленно, постепенно разбираешься в своей профессии. А потом — хлоп! — и вдруг за пару дней всё меняется до полной неузнаваемости.

— Ты опять загрустила? — с лёгким укором спросил рыжий.

— Нет, — пробормотала негромко, потом повторила уже твёрже, громче, даже отстранилась, чтобы заглянуть ему в лицо. — Нет, наоборот, мне сейчас хорошо. Очень хорошо и уже совсем не тревожно. У меня есть родные, пусть они и далеко, есть ты и прямо здесь. Я тебя люблю, и, кажется, этого вполне достаточно для счастья. Всё будет хорошо, правда?

— Правда, — тепло улыбнулся в ответ Нидар и закончил разговор поцелуем.

И вот именно сейчас я искренне верила в эту любимую присказку рыжего харра. Будет. Не только у нас, а вообще везде и всюду, потому что...

Куда оно денется, в самом деле!

ЭПИЛОГ. Сфера

С шимкой для Нидара не возникло затруднений. Дмитров согласился сразу, с кем-то связался, и нас на вертолёте отвезли в город. Впрочем, неудивительно, процедура вживления — рядовая, косметическая. Оказалось довольно трудно привыкнуть к преображённому внешнему виду Нира: на харрском лице шимка смотрелась очень экзотично. Понятно, что на мне тоже, не зря же мастер, который наносил рыжему узор, так глазел на нас обоих. Но себя я видела гораздо реже, чем Нидара.

А проблему с изменениями моей наружности предпочли просто проигнорировать, тут удалённость и неосвоенность Индры туристами сыграла на руку. Для немногочисленных знакомых и коллег на Земле — меня привлекли к работе на планете, где я и осела, благо при разговорах через шимку не проблема продемонстрировать любое лицо. Для всех остальных — просто появилась еще одна хвостатая аборигенка Мара, и кому какое до неё дело!

Решив эту пару вопросов, я полностью сосредоточилась на подготовке экспедиции. Которая, впрочем, со всеми возможными уточнениями заняла всего пару недель, а вот сами поиски растянулись на добрый месяц. И увенчались успехом исключительно благодаря редкостной дотошности и занудству капитана этого странного маленького корабля — частички космической станции чуждой цивилизации.

Сначала мы определили примерный сектор, потом нужное скопление звёзд. А потом выяснилось, что нужная точка находится вдали от звёзд, а не на орбите одной из них, как ожидалось.

Именно в этот момент я бы плюнула, сдалась и вернулась обратно с позором, но капитан проявил недюжинное упорство и — вместе со штурманом — смекалку. Проведя какие-то наблюдения и вычисления, они всё же выяснили, что чутьё ведёт меня не в пустую точку пространства, а к некоему малому телу, слишком лёгкому, чтобы влиять своим гравитационным полем на ближайшие звёзды.

И в конце концов мы его нашли.

— Что это? — растерянно спросила я, разглядывая построенное по результатам зондирования трёхмерное изображение, вокруг которого мы сгрудились всем небольшим экипажем.

— Понятия не имею, — спокойно выразил общее мнение капитан, он же первый и единственный пилот, и насмешливо вскинул брови. — Разве не ты нас сюда привела? И разве не на это тело указывала?

— Да, но... это что, какая-то упрощённая картинка?..

— Обижаешь, самая точная! — возразил связист, который заодно занимался всеми измерениями. И в доказательство продемонстрировал голографии, сделанные спущенным на поверхность зондом.

Перед нами предстала математически идеальная сфера размером примерно с Луну, которая физически представляла собой, на первый взгляд, абсолютно белое тело — отражала все сигналы, ничего не поглощая, и ничего не излучала. Гладкая поверхность её не имела ни намёка на кратеры или любые другие геологические образования.

Хуже того, объект не имел собственного гравитационного поля, вообще никакого. Зонды просто не могли выйти на орбиту вокруг него — не было орбиты, малейшего ускорения хватало, чтобы оторваться от гладкой поверхности и улететь в открытый космос.

— Надувной он, что ли? — рассеянно предположил штурман. — Пустой внутри? Типа яйца?

— Может, жахнуть из мелкого калибра? — предложил механик, четвёртый и последний член экипажа. Он отвечал ещё и за небольшое вооружение этого аппарата и всю дорогу откровенно скучал: по его собственному признанию, эта проклятая техника чужих работала без перебоев и он так до конца не понял, на каких принципах.

— Заманчиво, но — нет, — с явной неохотой отказался капитан. — Координаты мы сняли, всю информацию своим передали, пусть разбираются специалисты. Вы же не специалисты? — с подозрением посмотрел он на нас с Ниром.

— Ни в коей мере, — сдержанно улыбнулся харр.

— А высаживаться вы туда не будете? — спросила я осторожно.

О том, чтобы высадиться самой, даже заикаться не стала. Во-первых, банально страшно, во-вторых, здравый смысл не велел лезть на незнакомую странную планету, а в-третьих — на меня с такими лапами небось и скафандра нет! Хотя на этом корабле ни в чём нельзя быть уверенной, как-то же

они умудряются связываться с загадочными «своими» безо всяких базовых станций...

— И потом ловить этих десантников по всему космосу? — хмыкнул капитан. — У нас нет такой задачи, пусть учёные разбираются.

И хотя было до зуда любопытно, и мечталось пощупать своими руками этот странный шарик, к которому меня так тянуло, но не признать правоту мужчины я не могла. Не только потому, что в космосе он главный и отдаёт приказы, а с полным осознанием: риск большой, пользы — ноль.

Вот только учёные не разобрались, даже со всеми знаниями, почерпнутыми у храма с Индры и предоставленными космической станцией, найденной Глебом Жаровым. И если разберутся, то, может быть, через несколько десятков, если не сотен лет. И, наверное, им не помогло бы даже наличие точных сведений о плане того харрского эксперимента, который превратил их планету... вот в это. Очевидно же, что эксперимент пошёл совсем не так, как планировалось. Но как именно?..

Вскоре ИСБ разрешила обнародовать материалы по Сфере, умолчав только об обстоятельствах обнаружения, к исследованию допустили буквально всех желающих, включая дружественных ксеносов. И с тех пор в рядах астрофизиков царит лёгкая паника. Идеи выдвигаются самые бредовые, потому что все логичные давно уже опровергнуты экспериментами. Точнее, полным отсутствием их результатов.

Сфера равнодушна ко всем внешним воздействиям, и получить образец её вещества не получилось, как и рассмотреть молекулярную структуру поверхности на месте: она продолжает всё отражать даже на самых малых разрешениях. Масса её, судя по отсутствию гравитационного поля, стремится к нулю, но при этом никакими силами сдвинуть объект с места не удавалось.

Хуже того, она не подчиняется общему движению вещества в галактике, словно существует где-то за пределами привычных законов физики и знакомого нам пространства.

Такие теории, конечно, тоже выдвигались и имели наибольшее количество сторонников, включая Дмитрова с его подчинёнными. Учитывая лёгкость, с которой харры обращались с пространством, и направленность эксперимента, этот вариант напрашивался сам собой. Но никто пока не сумел внятно объяснить, как такое возможно, что со всем этим делать и, главное, как это технически можно проверить. Увы, исследовательский комплекс на Индре был ориентирован на совсем другие вопросы и хранил далеко не все секреты погибшей цивилизации.

Мучениям физиков я немного сочувствовала, но наблюдала за исследованиями от случая к случаю, краем глаза. Гораздо сильнее занимала собственная жизнь и собственная работа — поиски следов древней харрской цивилизации. Сначала на Индре, в чьих лесах, помимо живого комплекса, было затеряно множество хуже сохранившихся зданий. А в перспективе — и за его пределами, и тут меня, на удивление, поддержал не только родной институт и ИСБ, но даже харрское начальство. Перед нами они не отчитывались и к каким выводам пришли — неизвестно, но явно несколько изменили отношение к знаниям. Было любопытно заглянуть в будущее и узнать, чем всё обернётся и как изменения скажутся на харрах и Индре, но принять живое участие в процессе — любопытно не меньше.

А вообще после обнаружения Сферы я вдруг поняла, что окончательно успокоилась и прижилась на новом месте. Что мне хорошо, совсем, и никакого сожаления об упущенных возможностях и переменах не осталось.

И когда я об этом размышляла, невольно задумывалась всё о том же: а была ли цепочка событий, которые привели меня сюда, случайностями? Древние харры не верили в них, не верила теперь и я. Больше того, с каждым днём сильнее крепла уверенность, что все эти происшествия старательно подвели к тому, чтобы человечество нашло Сферу. Настолько старательно, что невольно виделась в этом чья-то вполне осязаемая воля.

Но — странно — это не злило и не расстраивало, и на неизвестное нечто я почему-то совсем не злилась. Ответа на вопрос, зачем всё это нужно, я не знала, но твёрдо знала: это действительно важно. Просто важно. Для нас для всех, для Земли и Индры, даже, наверное, для всей Вселенной, пусть в её масштабах этот крошечный шарик совершенно теряется. И смерть моих друзей теперь не казалась напрасной, случайной и лишней

Кажется, теперь я точно, на собственном примере знала, чем именно *найвин* — высшее, априорное знание, космическая мудрость, — отличается от *шайян*.